
И 271
9

ЕПИСКОПЪ МИХАИЛЪ.

ВЕЛИКІЙ РАЗГРОМЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ

ПЕРВЫХЪ ГОНЕНІЙ НА СТАРООБРЯДЧЕСТВО.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНІЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
Московскаго Старообрядческаго
Братства Честнаго Креста.
1913 г.

Епископъ Михаилъ.

ВЕЛИКІЙ РАЗГРОМЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

из времен первыхъ

ГОНЕНІЙ НА СТАРООБРЯДЧЕСТВО.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
Московскаго Старообрядческаго Братства Честнаго Креста.
1913 г.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бул., Путинковскій пер., соб. домъ.
1912.

Великій разгромъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ Соловкахъ.

I.

Послѣдній соборъ.

Тихо... Жутко тихо...

Одинъ, другой, третій... отчитывалъ въ чугунную доску удары привратникъ обители святыхъ Зосимы и Савватія,— четыре, пять...

На одной изъ башенъ въ оконце выглянула странная фигура въ черномъ полумонашескомъ одѣяніи и съ бердышомъ въ рукахъ.

— «Эге. И полночь недалеко,—вслухъ подумалъ полумонахъ-полувоинъ.—Чай, скоро и смѣна. Не всю ночь стоять,— такъ, помилуй Богъ, и задремлешь».

«Преподобные отцы Зосима и Савватій, молите Бога о насъ»,—послышался сторожевой пѣвучій окликъ съ одной башни.

«Святителю Германе, моли Бога о насъ», — отозвался Ивашка. И снова жуткая тишина ночи...

Ночи! Но такъ свѣтло, что можно думать—сейчасъ сѣрый сѣверный полдень, а не полночь.

Только пустота и безмолвіе многолюднаго монастыря, всегда оживленнаго, наполненнаго работающими монахами и мірянами, казались странными для полудня.

Но мы забыли, что мы на сѣверѣ, близкомъ къ области «вѣчнаго» полярнаго дня, не заходящаго цѣлые мѣсяцы солнца и долгой, многомѣсячной полярной ночи.

Правда, здѣсь еще нѣтъ настоящаго полярнаго полугодоваго дня, но все же бываетъ мѣсяцами, что ночи «бѣлѣе» дней.

Такое время было и теперь.

Все молчитъ... Блѣдный холодный свѣтъ невидимаго ночного солнца освѣщаетъ громадный неуклюжій гранитный пятиугольникъ, опоясывающій монастырь. Съ этими стѣнами въ три сажени вышиной, въ шесть саженъ толщиной Соловки кажутся неприступной крѣпостью. Мрачно возвышаются стѣны. Неровныя, съ выступающими углами камней, съ узорами зеленаго бархатистаго моху въ промежуткахъ. Сѣрыя, съ выглядывающими изъ обледенѣвшихъ неправильныхъ бойницъ пушками, съ круглыми остроконечными башнями, торчащими то тутъ, то тамъ, какъ щетина у ежа, своей массивностью, громадой и отрицаніемъ архитектуры, онѣ производили впечатлѣніе естественнаго награможденія скалъ, особенной несокрушимой твердости.

А тамъ, внутри, подъ защитой этой «великой стѣны» укрылся и самый монастырь, еле выглядывая крестами невысокихъ церквей.

Сейчасъ, какъ мы сказали, пусто. Монастырь спитъ...

И въ холодныхъ лучахъ полночнаго солнца обитель принимаетъ пустынный, какой-то призрачный, мертвенный видъ.

Маленькія деревянныя келейки сбились въ кучу въ одномъ мѣстѣ, и сердитый сѣверный вѣтеръ намелъ вокругъ нихъ сугробы, совсѣмъ занесъ снѣгомъ. Крошечныя волоковыя окна только и говорятъ о томъ, что тутъ жилье.

Ярко искрится, блеститъ снѣгъ, переливается свѣтъ въ «роскошныхъ», по тому времени, *стеклянныхъ* окнахъ собора. Чуть-чуть виднѣется изъ глубокаго сугроба крестъ на могилѣ Авраамія Палицына, пріютившейся возлѣ стѣны громаднаго каменнаго собора.

Горитъ неугасимая лампада въ часовнѣ святителя Германа, около его гробницы.

Тихо, невесело... Только церкви, низенькія, простыя, съ колоннообразными, прямыми, уходящими вверхъ колоколенками, съ круглыми приземистыми куполами, такія красивыя, изящныя, сообщаютъ Соловкамъ извѣстную привѣтливость.

Невесело въ монастырѣ, а за стѣнами и вовсе жутко. Пустая бѣлая равнина, однообразная, холодная, непривѣтливая. И по этой равнинѣ, какъ могильные памятники, раскинуты обгорѣлые стоги, развалины келлій, сожженныхъ жестокимъ стрѣлецкимъ головой Іевлевымъ осаждавшимъ монастырь два года.

Караульные въ башняхъ стоятъ молча и, нѣтъ-нѣтъ, перекинутся своимъ кличемъ—молитвой.

Морозный воздухъ чистъ и прозраченъ, и далеко видно съ высокихъ башенъ.

Невеселый пейзажъ...

И невесело думается труднику обители Ивашкѣ Дмитріеву на башенной вышкѣ.

Тяжело... Девятый годъ осаждаютъ обитель никоніане; нудятъ принять новыя порченыя книги. Девятый годъ ни входу, ни выходу. Уже два воеводы смѣнилось, Иванъ Мещериновъ—третій. Плохо приходится инокамъ, сидятъ въ монастырѣ, а въ міръ нечего и думать пробраться,—строжатъ окаянные. И угодниковъ не срамятся.

Намедни изъ пушекъ палили... и сколько страху натерпѣлись. Надругались Веліаровы слуги и надъ святыней,—одно ядро попало въ Самого Спаса. Другое около могилки святителя Германа разорвалось.

Да, трудно... Сколько перемерло отъ болѣстей всякихъ.

Очень мучитъ и дозорная служба. Стѣны нельзя оставить безъ призора ни на минуту, и многимъ приходится пропускать церковныя службы.

«На Рожество къ заутрени сходить и то не довелось, стоять пришлось чередъ,—съ горечью припомнилъ Ивашка,—какъ нехристи какіе; въ эдакій праздникъ малый ребенокъ и тотъ въ церкви, а мы тутъ!»

Онъ враждебнымъ взглядомъ окинулъ окрестности.

Все вызываетъ дурныя воспоминанія.

Вонъ прямо передъ глазами, тамъ, за замершимъ голубымъ испещреннымъ темными грядами чуть выглядывающихъ изо льда скалъ проливомъ—Заяцкій островъ. Здѣсь живутъ лѣтомъ стрѣльцы.

А вонъ вдали, уже на берегу, такой маленькій издали— Сумскій острогъ, главная квартира осаждающей арміи.

Онъ весь, какъ на ладони, передъ Ивашкой.

Невысокая простая бревенчатая городьба, маленькія деревянныя башенки. Съ полсотни домишекъ, разбросанныхъ за городьбой. Обыкновенный военный поселокъ средины XVII столѣтія—просто плотно сбившаяся въ кружокъ кучка крестьянскихъ избъ. На видъ совсѣмъ не внушительная крѣпость.

Да. А сколько бѣды для монастыря вышло изъ этой игрушечной крѣпости.

Дмитрій вдохнулъ и, скользнувъ по зеленоватому сверкающему простору замершаго моря, отвелъ взглядъ въ другую сторону.

Зазвонили въ било. Дворъ вдругъ оживился потянувшимися отовсюду черными тѣнями.

«Полунощница, — подумалъ Иванъ, но тотчасъ поправился,—нѣтъ, полунощницу которые старики читаютъ въ кельѣ, а тутъ идутъ всѣ. А, да вѣдь сегодня соборъ».

Да, вѣрно. Это собирались изъ келлій *на послѣдній соборъ.*

**
*

Трапезная стала быстро наполняться иноками.

Вотъ тихо, еле шагая, опираясь на посохъ, пришелъ больной ногами игуменъ Никаноръ.

Слѣдомъ за нимъ шелъ старецъ Макарій, маленькій, худенькій старикъ, съ строгими и проницательными глазами.

Кучкой прошли мірскіе люди, съ сотникомъ Самуиломъ во главѣ, но ихъ было немного: нельзя было покинуть стѣны.

Въ рядовой толпѣ выдѣлялся своими мистическими, полными вдохновенія, глазами свѣщевозжигатель Кононъ, тотъ самый, что года два тому назадъ видѣлъ во время перваго приступа къ обители, когда у самой гробницы чудотворца Германа разорвалось ядро, святителя Германа, который «будилъ» Зосиму и Савватія «суда праведнаго просити на обидящія, иже имъ покоя и въ землѣ дати не терпятъ»..

Строго и ласково въ одно и то же время смотрѣли со стѣнъ темные лики угодниковъ.

Толпа молчала и тихо ждала, когда кончитъ свою рѣчь Никаноръ.

Почти беззвучно тихо положили началъ.

Онъ говорилъ тихо, но въ мертвой тишинѣ было слышно и его.

— Собралъ я васъ, други, вотъ пошто,—началъ Никаноръ.

«...Явился средь насъ Іуда. Ѳектиска бѣжалъ, и, слышно, все съ воеводой... Слыхать, ищутъ они мѣста, какъ къ намъ пройти, яко тати, нощію... Може, и пройдутъ. И тогда намъ гибель.

Что скажете: можетъ, кто, страха ради Ваньки Мещеринова, уйти хочетъ, такъ уходите... Богъ проститъ.

А то будете жалиться на насъ послѣ Богу... Ну?»

Шумъ пробѣжалъ по собранію.

— Куда намъ итти... Умремъ около угодниковъ...

— Не отдадимъ обитель. Германову могилку...

— Ну, инъ такъ.

Изъ толпы послышался чей-то взволнованный голосъ:

— Не предастъ Господь... Не дастъ могилокъ святыхъ на посрамленіе... И самъ-то государь уже свѣта отходитъ... Косою смертной посѣкается...

— Это ты, Дмитрій,—остановилъ взволнованнаго инока Макарій.—А ты помолчи... Царю да дастъ Богъ здравія. Мы ему не супротивники... А коли умретъ,—царство ему Божье.

— Вотъ, вотъ,—снова началъ игуменъ.—И еще дѣло... Есть, братіе, и между насъ супротивники. Снова головы подняли тѣ, что за царя молиться не хотятъ. Паки свою прю подымаютъ: не хотимъ, говорятъ, за того молитвы возносить, кто въ Спасовъ образъ стрѣлять велитъ. И имъ надо дать отвѣтъ. Что скажете? А я, грѣшный, тако мыслю, что за потворство новшествамъ Никоновымъ царь Богу отвѣтитъ... И суда Божьяго онъ стоитъ близъ... А наше дѣло—за владыку

нашего молиться по смерть нашу... Таковъ мой сказъ. Добро ли? Такъ что ли?

— Такъ, такъ...

— Сказать, чтобы такіе уходили лучше... Нѣтъ отъ нихъ и угодникамъ заступы,—послышались голоса.

— Ну, и спаси васъ Христосъ... Такъ и будетъ...

— Такъ разойдитесь же, братія, съ миромъ. Господу молитесь! Сохранитъ Господь,—Его воля... Предастъ въ руки бестудныхъ, и то добро. И о томъ скорбѣть не будемъ, коли кости наши будутъ растерзаны и влачимы по землѣ псами и птицами небесными.

Хорошо и такъ: пріятно намъ и на землѣ будетъ лежать, свѣтомъ одѣяннымъ и небомъ прикрытымъ: и небо наше, и земля наша, и свѣтъ нашъ, и всю тварь Богъ намъ далъ. Когда еще въ древнія времена великій ангелъ Алтезъ восхитилъ Авраама выспрь, т.-е. на высоту къ Богу, и показалъ ему «вся отъ вѣка сохраненная»,—такъ было угодно Богу. А теперь, думаете, изнемогъ Богъ? Нѣтъ, нѣтъ!

И вамъ дастъ обитель у себя, коли за вѣру пострадать суждено...

Старый архимандритъ остановился:

— Только, вотъ, святыни жалко. Все разграбятъ, да осквернятъ воры,—тихо прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія.

И обвелъ кругъ слезящимися старческими глазами, точно предвидя грядущее разграбленіе...

Иноки и стрѣльцы тоже молчали: они мысленно хоронили обитель...

— Ну, помолимся... Може, въ послѣдній разъ,—повернулся къ инокамъ архимандритъ.

А въ это время Іуда Ѳеоктиска съ Мещериновымъ шарили по стѣнамъ, отыскивая входы.

Но свѣтлая полярная ночь хранила обитель. Чтобы еще разъ дать инокамъ время освятить на праздникъ Богоявленія ледяныя воды залива, которому для многихъ суждено было стать могилой.

Часъ былъ близокъ, но еще не пришелъ.

II.

Въ Москвѣ. Ночь въ теремѣ.

Крещенье выдалось морозное, ясное.

Точно серебро, искрился снѣгъ на бѣлыхъ улицахъ.

Когда по звону, «въ четверть часа дни» (въ 7-мъ часу) народъ потянулся сначала къ Успенскому собору, а потомъ Тайницкимъ воротамъ, у многихъ побѣлѣли и щеки, и уши.

Но москвичамъ не привыкать стать къ морозамъ.

На то и Крещенье, чтобы тѣмъ, кто «бѣсовскія хари» надѣвали, жарче было въ ледяной проруби.

Рѣдко видѣла Москва такія толпы народа, какъ на Крещенье.

Пріѣзжали и изъ иныхъ городовъ — изъ Богородска и даже изъ Калуги посмотрѣть на «большой нарядъ».

Около «получасу дни», наконецъ, открылся самый крестный ходъ: издалека было слышно, какъ царскіе пѣвчіе гремѣли: «Гласъ Господень»...

Ходъ «зачинали» стрѣльцы,—сотни четыре-пять Въ цвѣтномъ платьѣ шли они по четыре человѣка въ рядъ, съ золочеными пищалями и винтовками, съ золочеными копьями и протазанами.

За ними шло духовенство: одутловатый патріархъ Іоакимъ, съ «лисьими», какъ говорили о немъ, глазами, въ богатѣйшемъ саккосѣ, а за нимъ митрополитъ крутицкій и остальное духовенство.

Два соборные священника наблюдали за порядкомъ хода.

За духовенствомъ, немного отступя, слѣдовалъ царь со своею нарядною свитою,—по три человѣка въ рядъ.

Впереди шли дьяки и тѣ служилые люди, которые были въ бархатныхъ кафтанахъ; за ними дворяне, стряпчіе, стольники въ золотыхъ кафтанахъ и, наконецъ, ближніе люди въ богатыхъ шубахъ. Самъ государь шелъ въ «большомъ царскомъ нарядѣ».

Сверхъ зипуна и богатѣйшаго «станового» кафтана на немъ было царское платье изъ дорогой золотой матеріи, съ

жемчужнымъ кружевомъ, усыпаннымъ драгоцѣнными каменьями.

Царскій вѣнецъ блестѣлъ, переливаясь алмазами и яхонтами.

Плечи государя покрывали свѣтлыя бармы.

Золотой крестъ на золотой цѣпи сіялъ на груди.

Въ правой рукѣ онъ несъ жезлъ, украшенный золотомъ и каменьями. Двое стольниковъ поддерживали государя подъ руки.

Сильно постарѣлъ Тишайшій. Правда, онъ остался по прежнему или даже еще болѣе тучнымъ, но тяжелыя морщины залегли на его лбу.

Глаза, когда-то такіе ясные, потухли. Руки замѣтно дрожали.

Тѣнь не то скрытой боли отъ «неладнаго сердца», не то отъ душевнаго разлада лежала на лицѣ. И такъ не шла къ его простоватому облику.

У Тайницкихъ воротъ ходъ остановился. Здѣсь и была іордань.

Высокая красивая сѣнь, на четырехъ колоннахъ, съ расписнымъ карнизомъ и золоченымъ крестомъ наверху стояла саженяхъ въ двухъ отъ берега. По угламъ сѣни находились изображенія евангелистовъ, а внутри—апостоловъ и крещенія Господня.

Пестрые «райскіе» цвѣты изъ шелковой матеріи и жести, зеленые листья и птицы, вырѣзанные изъ мѣди, дѣлали сѣнь похожей на какую-то не нашу, «восточную» постройку. Невдалекѣ отъ сѣни сіяли золотомъ царское и патріаршее мѣста. Царское мѣсто было особенно затѣйливо и красиво: это была круглая сѣнь на пяти столбахъ, съ пятью главами, украшенными, золочеными крестами. И внутри, и снаружи она отдѣлана рѣзьбою, расписана красками, серебромъ и золотомъ. Рамы съ слюдяными окнами между столбами замѣняли стѣны. Одна изъ рамъ съ райской птицей Сириномъ на слюдѣ служила дверью.

Все пространство около сѣни было покрыто краснымъ сукномъ.

Еще ранѣе «хода» къ іордани прибыли келари, чтобы «припастись».

Они размѣстили на трехъ аналояхъ иконы и утварь: на среднемъ положили крестъ и Евангеліе, крестъ—«на мисѣ», на правомъ—иконы Предотечи, Николы Чудотворца, на лѣвомъ—Влахернскую Богоматерь и московскихъ чудотворцевъ.

Четыре соборныхъ діакона очищали ледъ на іордани сѣткою, обшитою краснымъ сукномъ.

Патріархъ и царь остановились на своихъ мѣстахъ. Патріархъ осѣнилъ народъ, раздалъ всѣмъ свѣчи и началъ водоосвященіе по чину.

Царь, весь отдавшійся молитвѣ, немного просвѣтлѣлъ. Но вотъ онъ снова нахмурился.

Наступило время погружать государевы свѣчи, и Іоакимъ, слѣдуя новому чиновнику, опустилъ этотъ, любимый царемъ, моментъ. «Въ служебникѣ, молъ, не показано».

Царь однако былъ, видимо, недоволенъ, и когда, по окончаніи чина, патріархъ, по обычаю, почерпнувъ воды серебрянымъ ведромъ, наполнилъ ею государеву стопу для дворца и здравствовалъ государю, тотъ подошелъ къ патріарху съ «немилостивымъ ликомъ».

«И что имъ эти свѣщи помѣшали».—досадливо думалось царю.

Царь сѣлъ въ сани и, пользуясь тѣмъ, что духовенство еще было занято окропленіемъ «бояръ и людей», подъѣхалъ къ проруби, совсѣмъ невдалекѣ, гдѣ очищались оскверненные машкерами.

Быстро раздѣвались бѣдные грѣшники и съ крикомъ кидались въ прорубь.

Толпа хохотала и не пускала тѣхъ, кто, обожженный ледяной водой, хотѣлъ выпрыгнуть, окунувшись одинъ разъ.

— Не... Толкай его назадъ. Ишь онъ какой!

Царь, остановившійся на минуту, улыбаясь смотрѣлъ на зрѣлище.

Забава была по его вкусу. Не даромъ онъ любилъ купать своихъ стольниковъ въ дворцовомъ прудѣ. Даже потускнѣвшіе глаза загорѣлись снова.

— Царь-батюшка,—окликнули его неожиданно.

Тишайший недовольно оглянулся.

— Кто это тамъ?

У саней царя кто-то опустился прямо въ снѣгъ. Звякнуло желѣзо: вериги.

— Лаврентій... блаженненькій...

Царь съ досадой поморщился.

— Хо-о-лодно...

— Съ чего тебѣ холодно-то стало?

— Не мнѣ, царь, батюшкѣ Зосиму, Савватію холодно. Смилуйся, царь. Поди, чай, у угодничковъ воръ молитвенниковъ твоихъ въ проруби топитъ, а ты чего смотришь?

Смилуйся, царь. Тебѣ, вишь, самому жить-то ужъ немного: послѣдній, небось, разъ на іордани. Не дай угодничковъ въ обиду... Согрѣй ихъ... И душенькѣ твоей будетъ прохладнѣй.

Блаженный билъ поклоны, звеня веригами.

Царь, сердито нахмурившись, быстро опустился въ сани и приказалъ ѣхать.

***

Ночь. Не спится царю Алексѣю. Послѣдніе годы вообще плохо ему спится.

Врачъ нѣмецъ предостерегаетъ его не волноваться и не гнѣваться, а то, вишь, можно умереть въ одночасье.

А какъ тутъ не гнѣваться? Вонъ, снова блаженненькаго подучили...—думалъ царь.

И остановился: нѣтъ, его не подучишь.

А что онъ говорилъ бишь: «Спаси отъ вора. Всѣхъ молитвенниковъ твоихъ перетопитъ»... Это онъ о Мещериновѣ.

Мысли царя начали путаться. Подходилъ сонъ. Но вотъ снова часто, часто заколотилось сердце.

Ему почудилось, что кто-то стоитъ въ темномъ углу его опочивальни, около чернаго рѣзного письменнаго стола.

Два старца въ темныхъ одеждахъ, строгіе, гнѣвные.

«Зосима съ Савватіемъ,—думается царю.—По душу мою пришли».

Кто-то заговорилъ вблизи.

Они это—старцы? Или что-то въ совѣсти говоритъ внутри?

— Не тронь обитель нашу, царь. Не давай надругаться надъ твоими рабами... Могилку святого Германа побереги... А не хочешь, судиться съ тобою будемъ у Вышняго...

«Что это мнѣ чудится,—перекрестился царь:—недужится нешто?»

А безпокойная мысль снова заговорила:

«Господи! А вѣдь вправду, поди, въ самую святыню стрѣляютъ какъ нехристи»...

Алексѣй хотѣлъ встать, но сонъ одолѣвалъ его.

«А Мещериновъ-то, воистину, воръ. Отозвать бы его», мелькнула послѣдняя мысль.

И царь заснулъ безпокойно и тревожно.

III.

Въ тайгѣ.

Темень такая, что хоть глазъ выколи.

Не видно собственной руки. На небѣ ни звѣздочки. Впрочемъ, пожалуй, здѣсь темно и днемъ.

Даже полуденное солнце развѣ чуть-чуть можетъ освѣтить эту непроглядную чащу.

Прорваться черезъ стѣну вѣковыхъ сосенъ, уходящихъ вершинами туда, къ звѣздамъ...

Бываютъ мѣста, о которыхъ говорятъ: «сюда и звѣрь не забѣгаетъ».

Кажется, здѣсь одно изъ такихъ мѣстъ. И все-таки сюда забрелъ не только звѣрь, а человѣкъ.

Кто-то шагаетъ мѣрными утомленными шагами по крѣпкому снѣговому насту.

«Господи, Господи... Видно, конецъ... Позвать развѣ... Но кто откликнется здѣсь?..»

Однако отчаяніе хватается за соломенку. «По-мо-ги-те»,—хрипитъ чей-то надорванный, измученный голосъ.

И замираетъ.

Лѣсной шумъ заглушилъ бы не только этотъ безнадежный крикъ, но и громъ мещериновскихъ мортиръ...

Только вѣтеръ воетъ въ отвѣтъ.

«Господи, не дай умереть безъ покаянія!» И съ послѣдними усиліями пробуетъ двигаться среди бездорожья и сугробовъ.

Онъ идетъ уже безсознательно—безъ думъ, безъ надежды.

«Не дойду»... одна эта мысль вертится въ мозгу, но и она уже мертвая. Душа ея не слышитъ.

Уже двѣ недѣли идетъ изъ монастыря нашъ знакомецъ, Ивашка Дмитріевъ.

Вскорѣ послѣ Крещенья послали его съ грамотой къ сильнымъ людямъ на Москву.

«Авось-де выручатъ—Хованскіе или Урусовы».

И все шло хорошо. Удалось миновать Заяцкій острогъ. Пройти черезъ заставы. Выбраться къ поморью. Но дальше и невѣсть какъ сбился съ дороги—въ дикомъ Каргопольѣ.

Вотъ третій день среди лѣсу и не можетъ выйти хоть на волю. На свѣтъ. Какъ Богъ уберегъ отъ звѣря, и самъ Ивашка не знаетъ.

Хорошо, что до вчерашняго дня ночей не было; свѣтлѣе дня: хоть и въ тайгѣ, а немного видать. Ну, а со вчерашняго дня смерть. Темно. Да и въ глазахъ потемнѣло.

Силъ уже нѣтъ.

Вотъ ноги, двигавшіяся, какъ колеса машины, отказались служить.

«Отдохнуть надо»...—мелькаетъ мысль, но Иванъ Дмитріевъ чувствуетъ, что остановка—смерть и снова собираетъ всю волю, чтобы итти, итти и итти...

Однако всему бываетъ конецъ. Знобитъ... И хочется спать.

«Нельзя, нельзя»—кричитъ кто-то въ уши. Но сонъ побѣждаетъ. Усну...

И путникъ опускается лицомъ внизъ на бѣлый снѣгъ...

Чей-то рѣзкій вой прорѣзалъ воздухъ между двумя волнами лѣсного шума—и замеръ...

И лѣсъ исчезъ...

«Свѣтло стало... Хорошо. Гдѣ онъ? Да, конечно, дома, въ обители.

Онъ попрежнему на сторожѣ... Въ стѣнѣ. Только не одни міряне на стѣнахъ. Всѣ старцы здѣсь... Темные лики иноковъ двигаются по стѣннымъ проходамъ.

Вонъ Никаноръ кропитъ святой водой стѣны и башни»...

(Ивашкѣ грезится страшное 23-е декабря).

Точно рыданіе, несется молебное пѣніе.

«Кажется, древняя священая обитель отпѣваетъ себя заживо и кропитъ свою собственную могилу».

И еще печальнѣе пѣнія отвѣчаетъ эхо древнихъ стѣнъ.

«Зачѣмъ это стѣны обходять,—думается въ бреду Ивашкѣ.—Ахъ, да, сегодня воры идутъ на обитель. Вѣстовщики сказали, что Мещериновъ рѣшилъ итти приступомъ.

Да вонъ уже видно ихъ передовыхъ. Идутъ... Близко».

«Вотъ на морѣ, на голубой поверхности залива ,тихо покачиваются суда. Кровавымъ пятномъ горитъ на солнцѣ красный флагъ воеводскаго судна. А еще ближе, по берегу, краснѣются цѣлыя кровавыя полосы: это красные кафтаны стрѣльцовъ, которые, переnявъ у нѣмцевъ нѣкоторыя воинскія хитрости, шли нога въ ногу, поблескивая ружьями. Впереди несутъ тяжелый зеленый стягъ съ золотыми кистями. За ними медленно двигаются, скрипя и покачиваясь въ воздухѣ, какія-то чудовища въ родѣ висѣлицъ на толстыхъ колесахъ: то тараны — стѣнобитныя орудія, которыми предназначалось разбить въ щебень стѣны, сложенныя когда-то руками самого Филиппа, святителя московскаго, во время его печальнаго изгнанія.

За таранами чернѣются пушки, которыя стрѣльцы везутъ на себѣ лямками. Подъ зеленымъ стягомъ грузно переваливалась массивная фигура, сверкая шлемомъ и кольчугою: это былъ самъ воевода, холопъ его пресвѣтлаго царскаго величества Ивашка Мещериновъ» *(Мордовцевъ).*

«А, вонъ, бритые... Этого толстаго Ивашка знаетъ: это—Келенъ—маіоръ. А тотъ рядомъ Бушъ—ротмистръ. Нѣмцы все»,—думаетъ Ивашка.

Однако разглядывать некогда: надо готовиться къ встрѣчѣ.

«Ну, съ Богомъ, наше дѣло сдѣлано,—говоритъ Никаноръ.—Дѣлайте, что Богъ укажетъ... Постойте за угодничковъ. А наше дѣло помолиться да поплакать за обитель. Чтобы поменьше погибло душъ христіанскихъ...»

Колыхаясь и сверкая золотомъ, двинулась со стѣнъ «святости»: хоругви и иконы. Опустѣли стѣны.

Тамъ, въ соборной церкви, возносятся молитвы.

«Какъ, чай, старецъ Макарій молится,—думаетъ Ивашка,—святой старецъ»!

А наверху гремятъ выстрѣлы, отражаясь кровавыми пятнами на сѣромъ фонѣ неба.

Стоны раненыхъ мѣшаются съ ревомъ гранатныхъ пушекъ. Шумятъ, какъ враны, что летятъ стадомъ.

Ивашка и всѣ остальные испуганно слѣдятъ за работой новыхъ пушекъ, сдѣланныхъ «хитрецами» Мещеринова изъ дерева.

Въ обители уже знаютъ, что «ова изъ нихъ вмѣщаетъ 190 ядръ, ова 290, ова 390, начиненныхъ порохомъ».

Плохи однако хитрецы. И плохи и ихъ деревянныя пушки. Вотъ зарядъ первый разсыпался, не долетѣвши до стѣны.

Другая... Гдѣ-то далеко за обителью шумятъ съ шумнымъ «скрежетомъ и клокотаніемъ огня и пушекъ» взрывающіяся ядра.

Третья... Теперь стаей вороновъ кажется надъ обителью... Вотъ они надъ крестомъ соборной церкви, но нѣтъ, пронесъ Богъ.

«Духъ нѣкій дуну отъ церкви и расточи оныхъ (враговъ) внѣ монастыря». Только два ядра упали среди стѣны и одно у самой гробницы св. Германа.

Зато простыя пушки стрѣляютъ лучше. Вотъ, слыхать, одно ядро въ Спаса попало.

Утихаетъ приступъ.

Ивашка видитъ, какъ сотники Исачко и Самко, раздраженные обидой Спасу, сбрасываютъ со стѣнъ лѣстницы съ насѣвшими «ворами». Послѣдніе крики и стоны.

«А что это тамъ? Точно звонъ какой. Зачѣмъ звонятъ... Въ соборѣ что ли?»

Вотъ чья-то пуля, должно пришлась на Ивашкину долю. Острая боль въ рукѣ заставила его очнуться.

Онъ поднялся на локоть. Ничего нѣтъ: ни обители, ни Келена, ни Буша.

Только шальной волкъ, одиночка, напуганный тѣмъ, что мертвый всталъ, отбѣжалъ въ сторону. Онъ спасъ нашего путника.

Ивашка снова очнулся и оглядѣлся кругомъ.

Откуда-то въ самомъ дѣлѣ звонили... Слабымъ глухимъ звономъ.

Ивашка поднялся и снова пошелъ. Вотъ и околица. Чья-то изба, огонь. Онъ стукнулъ раза три желѣзной кочелдой и упалъ около калитки.

IV.

Конецъ Соловокъ. Въ келліи игумена.

А Ивашкиной обители наступалъ конецъ. Кончились свѣтлыя ночи. И новыми глядятъ Соловки.

Огромныя стѣны обители закрылъ, облѣпилъ густой темной массой мракъ. Ничего не видно. Кажется, отойди на три шага отъ стѣны и опять ихъ не найдешь, темнота обступила, закрыла все кругомъ, какъ темнымъ колпакомъ покрыла васъ, даже бѣлый снѣгъ подъ ногами и тотъ еле виднѣется.

А монастырь совсѣмъ невидимъ—ничего: ни церквей, ни келлій, ни хлѣвовъ, — будто стрѣльцы успѣли уже разрушить все.

Не оставили камня на камнѣ, но кое-гдѣ свѣтитъ огонь.

Не спятъ. На полунощницу, должно быть, встали, хотъ и рано еще.

И въ кельѣ архимандрита Никанора слабовато свѣтитъ привезенный свѣтецъ, что привезли аглицкіе купцы.

Краснымъ пламенемъ горитъ лампада передъ образомъ.

У отца Никанора, который только что читалъ какой-то длинный свитокъ,—гость.

Ризничій чернецъ Веніаминъ, еще не очень старый, высокій инокъ. Онъ, видимо, только что вошелъ.

— Что читаешь-то? Все посланіе батюшки Аввакума?

— Да... Думаю, конецъ нашъ пришелъ. Ко времю его посланіе-то. Хорошо написалъ. Усладительно.

— Правда... Правда... Ну-ка прочти-ка. Истину говоришь, что ко времю. Смертушка ждетъ. Чую и я.

...«Всѣмъ нашимъ»,—началъ Никаноръ сквозь слезы.

...«Всѣмъ нашимъ горемыкамъ миленькимъ на Соловкахъ, протопопъ Аввакумъ, рабъ и посланникъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, благодать вамъ, отцы и братія, и чада, и сестры, и дщери, и сущіе младенцы! Прослышалъ я здѣсь, сидя на чепи въ земляной ямѣ, что вы, яко подобаетъ воинамъ Христовымъ, ратоборствуете добре супротивъ проклятыхъ никоніанъ,—честь вамъ и слава, стрѣльцы Христовы. И Никанорушка—свѣтъ архимандритъ, оскверпивъ и себя (временной измѣной въ 1667 г.)нынѣ, чу, кровію омываетъ пятно то съ души своей. Спаси Христосъ, свѣтъ Никанорушка».

Никаноръ нѣкоторое время не могъ продолжать отъ слезъ.

...«Молю всѣхъ васъ, страждущихъ о Христѣ, кричу къ вамъ изъ ямы моей,—продолжалъ онъ оправившись,—изъ сѣни смертнѣй, руцѣ мои простираю къ вамъ изъ земли, изъ живой могилы, въ ню же ввергоша меня сатаны сыны; молю съ воплемъ и кричаніемъ, откликнетесь, свѣты мои миленькіе: еще ли вы дышите, или уже сожгли васъ, что лучину Христову, или передавили, или въ студеномъ морѣ, что щенятъ, перетопили? Нѣту чу? Дай-то Богъ. А коли нѣту,—именемъ Божіимъ заклинаю васъ: претерпимъ здѣ мало отъ никоніанъ, претерпимъ и кнутъ, и огнь, и костей ломаніе, претерпимъ мигъ единый смертный, яко молнія краткій, да Бога вѣчно возвеселимъ и съ Нимъ вмѣстѣ возрадуемся. Нынѣ бо въ зерцалѣ гаданія, тамо же, за гробовой доской, за костромъ, за висѣлицей, лицомъ къ лицу Его, Свѣта нашего, узримъ.

Нынѣ намъ отъ никоніанъ огнь и дрова, земля и топоръ, ножъ и висѣлица, могила безъ савана, похороны безъ ладану; вмѣсто пѣнія «плачу и рыдаю»—кричаніе и рыданіе сѣкомыхъ и пытаемыхъ, вопленіе женъ и дѣтей, гугненіе урѣзанныхъ языковъ; тамъ же ангельскія пѣсни и славословіе, хвала и радость и честь и вѣчное ликованіе въ царскихъ вѣнцахъ. Яра нынѣ зима, охъ яра, студена, но сладокъ тамо и тепелъ рай; болѣзнено терпѣніе, но блаженно воспріятіе»...

Никаноръ пропустилъ страницу.

...«Приношу васъ и себя въ жертву Богу живу и истинну, Богу животворящему мертвые и сожженные въ золу,—снова зачиталъ онъ.—Самъ по нимъ азъ умираю и вамъ того желаю. Станемъ же добре, станемъ твердо. Аще не нынѣ, умремъ же всяко, а изъ насъ, что изъ зерна горушна, вырастутъ тьмы темъ. Помяните первыхъ христіанъ. Нынѣ что! нынѣ—игралище, шутки, широкая масленица намъ: насъ жгутъ и вѣшаютъ въ одиночку, а тогда, свѣты, посѣкали сѣкирами во главу по сороку тысячъ, топили въ озерахъ по полутретьи до четырехъ тысячъ, жгли безъ числа, сто темъ вѣрующихъ. Тако и изъ насъ. Сожгутъ одного изъ насъ,—что золы-то выйдетъ! А та зола, свѣты мои, сѣмя новое; сколько золинокъ праху сего отъ сожженнаго тѣла пустятъ по свѣту, столько новыхъ вѣрныхъ выраститъ изъ тѣхъ малыхъ золинокъ. Отрубили у кого голову,—ино та голова зерномъ стала, и отродится то зерно изъ могилы самъ-сотъ, самъ-тысячь: ни едина рожь такъ не родитъ, ни ячмень, какъ голова мученика. Это вѣрно, други. Посѣки одинъ дубъ,—анъ сто дубковъ пойдетъ отъ корня. Такъ-то! Вонъ меня еще не посѣкли, я еще росту, старый дубъ, а изъ меня ужъ выросъ во какой молодой дубокъ»...

— Зола... Кабы и отъ обители не осталась одна зола,—скорбно проговорилъ архимандритъ.

Оба старца задумались. Предчувствіе «конца» задѣло обоихъ своимъ темнымъ крыломъ.

— Не смерти боюсь... Дьявола, клеветника искони боюсь... Того, что облаютъ наше дѣло...

Ворами распишутъ дьяволы изографы.

— Думаю я, чего-чего не плели Васька Кириловщинъ, али Матвѣй, али попъ Митрофанъ. Чтобы шкуру спасти—мучениками себѣ выказать. Геронтій и Мамасія еще ничего, а Митрофанъ-то да Васька сумѣютъ. Вонъ Игнашка, что съ Заячьяго Прибѣга, разсказалъ:

Васька-де плететъ, что Никаноръ пятый годъ и Тайну не пріемлетъ...

— Это, вѣдомо, наговорятъ—вмѣшался Веніаминъ.—Все свое изъ насъ сложатъ... Такъ повелось...

— Вѣрно, что повелось, да скорбно. Не своими силишками, нищенскіе мы,—а силой Господней все-жъ мы были міру въ свѣтъ. Что добраго, коли наши дѣла да молитвы на діавольскій ладъ растолкуютъ да оболгутъ...

— Вишь ты, не пріобщался пять лѣтъ,—а чѣмъ я живъ, какъ не Христовымъ Даромъ?..

Тревожный стукъ прервалъ рѣчь.

— Логинъ, ты... Что, али неблагополучно...—въ одинъ голосъ тревожно вскликнули два старца.

— Нѣтъ, ничего... А только обезпокоенъ я... Сномъ обезпокоенъ.

— А мы думали... Что же за сонъ?

Логинъ началъ не сразу. Собрался съ силами: онъ былъ, видимо, очень взволнованъ.

— А вотъ, отцы... Уснулъ я и сплю крѣпко...

Вдругъ слышу, коснулся кто-то до меня. Слышу:

«Логинъ, встань, что спиши. Воинства ратныхъ во градѣ будутъ скоро».

Всталъ я, перекрестился: никого нѣтъ.

И снова уснулъ. Потомъ опять будитъ кто-то. Опять тѣ же рѣчи. И такъ трижды.

«Вошли-де воинствующіе уже во градъ». Пошелъ я на стѣны. Все, какъ быть. Стерегутъ бодро и нигдѣ шуму ратнаго не слыхать.

Однако вотъ пришелъ вамъ повѣдать.

— Да, сонъ дивный. Нужно собраться съ братіей помолиться. Вели, Логинъ, бить въ било...

«...Бяше полунощія и собравшаяся въ церковь, Господу Богу, Богородицѣ Владычицѣ и преподобнымъ чудотворцемъ молебенъ съ теплѣйшими слезами совершиша, послѣдъ же полунощницу и утреню отпѣша и утру глубоку обдержащу разыдошася по кельямъ».

Разошлись всѣ тревожные и неспокойные: бѣда висѣла въ воздухѣ.

V.

Паденіе обители.

И она пришла...

Въ то самое время, какъ Никаноръ бесѣдовалъ съ Логиномъ, Іуда-Ѳеоктистъ съ маіоромъ Келеномъ и 50-ю стрѣльцами ломали слабо заложенную стѣну—отъ храма Онуфрія Великаго къ бѣлой башнѣ—на мѣстѣ стараго прохода изъ сушильной палаты, черезъ который раньше носили въ эту палату воду.

Пробивъ проходъ и сбивши замки у городского тайника, стрѣльцы оказались сразу внутри святой обители.

Защитники обители бросились къ пролому.

Но ихъ было мало... А въ ворота входилъ уже Мещериновъ. Скоро тридцать труповъ лежало другъ на другѣ горкой у церкви святого Онуфрія. Впереди всѣхъ лежалъ Логинъ съ проломленной бердышемъ головой.

Силы были сломаны. Отчаявшіяся защитники очень немногіе числомъ кинулись по кельямъ.

А за ними шла смерть; 3—4 инока изъ «недовольныхъ», спасая жизнь, вышли съ иконами навстрѣчу побѣдителю.

Мещериновъ шелъ въ соборный храмъ служить молебенъ.

Дымъ отъ продолжавшихся выстрѣловъ окуталъ обитель сѣровато-кровавымъ туманомъ.

Все было кончено...

Стрѣльцы бродили по кельямъ, забирая спрятавшихся иноковъ и что попадетъ подъ руку.

«Старцевъ не трогать...—распорядился воевода.—Сковать и беречь покрѣпче»...

Послѣ предатель Ѳеоктистъ въ своей челобитной царю Ѳеодору разъяснилъ, почему въ этотъ день Мещериновъ оказался такимъ милостивымъ. «Оставилъ бѣльцовъ и черцовъ, смотря по животамъ,—у кого денегъ больше»,—пишетъ онъ о слѣдующемъ днѣ.

Значитъ, впередъ нужно было сдѣлать разборъ, а теперь Мещериновъ торопился въ монастырскую казну, «судъ» онъ отложилъ на завтра. Ночь кончилась.

А въ это время точно кровавое зарево разгорѣлся надъ монастыремъ чудный свѣтъ.

На черномъ невидимомъ небѣ вспыхнуло зарево, яркое, кроваво-красное.

Что это? Не подожгли ли пьяные отъ крови, а можетъ быть, и вина, стрѣльцы обитель?

Обитель освѣщена попрежнему только случайными выстрѣлами да лампадками у иконъ.

Это свѣтъ не отъ земного огня. Солнце? Нѣтъ и не оно.

Сѣверъ хоронилъ свою обитель радужнымъ сіяніемъ: онъ хотѣлъ освѣтить яркимъ свѣтомъ мученичество «свободныхъ душъ».

А зарево все разгоралось. Пошли по небу красныя огненныя иглы. Поплыли кровавые круги, росли, захватывали все небо. Расплывались, превращались въ колонны, арки. колонны снова переходили въ круги, снова въ колонны, своды... Безпрестанно мѣняя очертанія переливающимся краснымъ, по краямъ переходящимъ, все блѣднѣя, въ голубовато-серебристый, огнемъ горѣло сѣверное сіяніе.

Все освѣтилось...

Яркіе слѣпящіе лучи погнали мракъ съ моря и долинъ... И освободившись отъ темной густой пелены, заблестѣли. заискирились снѣжныя поля.

Вспыхнули вдругъ мелкими голубыми огоньками запорошенныя снѣгомъ одинокія сосны вдоль берега. Засверкали золотые кресты, золоченые купола. Освѣтились монастырскія площади и постройки И открылись стѣны, грозныя, непри-

ступныя стѣны съ земляными валами, съ башнями, не могшими защитить обитель.

Напротивъ кельи настоятеля валяется опрокинутая колода, изъ которой поили лошадей. Всюду разбросано сѣно, обрывки веревокъ. Снѣгъ по всему монастырскому двору былъ затоптанъ лошадиными и человѣчьими слѣдами. Около одной башни лежатъ обломки бердыша.

Съ дикими лицами бѣгаютъ озвѣрѣвшіе стрѣльцы.

Вонъ Никанора провели въ тяжелыхъ цѣпяхъ.

И всюду кровь, кровь, кровь.

VI.

Среди своихъ.

Ивашка очнулся позднимъ утромъ. Его разбудило негромкое пѣніе гдѣ-то вблизи:

... «Говоритъ царь воеводушкѣ,
Воеводѣ своему Салтыкову:
Ты ступай-ка ко морю синему,
Ко тому острову ко великому;
Ты порушь вѣру старую правую,
Постановь вѣру новую неправую»...

«Глядикось, ужъ и пѣсню сложили,—подумалъ Ивашка.—Но гдѣ я? Или снится мнѣ все?»,

Онъ открылъ глаза. Пѣніе сразу оборвалось.

Большая, конечно, черная изба. Въ углу божница со святыней.

Столъ, покрытый красной скатертью.

Видимо, живутъ, по-своему, богато, хорошо. «Гдѣ же это онъ, куда попалъ?»

Въ уголкѣ за прялкой—молодая бѣлокурая дѣвушка.

«Это, значитъ, она пѣла»,—подумалъ Ивашка и взглянулъ пристальнѣе на «хозяйку».

Но не успѣлъ онъ разглядѣть ее, какъ та быстро поднялась съ мѣста.

— Мама, пробудился! —услышалъ нашъ гость изъ другой половины избы. И черезъ минуту въ избу вошла старуха.

Дѣвушка робко шла за ней.

— Что, какъ ты нонѣ? Отошелъ?—ласково обратилась старуха къ гостю.

— Здоровъ, слава Богу... Только голова вотъ не совсѣмъ... Да гдѣ это я? Куда забрелъ-то?

Старуха замялась: «Что за человѣкъ: врагъ или другъ, —видимо, думалось ей, но большой крестъ, которымъ перекрестился Ивашка, поднимаясь, успокоилъ ее.

Конечно, въ этихъ краяхъ рѣдко увидишь такихъ, кто крестился бы по иному.

Но все же, еже́ли бы какой отъ воеводы для сыску, то былъ бы прямой никоніанинъ. А это вѣрно нашъ.

— А въ Олоньи! Отъ Олонца недалече! Мы здѣсь таимся. Вонъ тамъ недалечя! Березовъ Волокъ. Чай, слыхалъ? А ты отколь?

— Изъ *Соловокъ* иду... На Москву.

Ивашка говорилъ съ нѣкоторой гордостью, онъ зналъ, что такое Соловки для этого края: сѣверный Іерусалимъ, благодатное мѣсто...

— Изъ Соловокъ?—взволновалась старуха...—Господи, вотъ послалъ Господь!.. Меркульева Андрея знаешь?

Ивашка тотчасъ припомнилъ молодого трудника, учившагося иконному писанію у иконописца Ѳеодора.

— Знаю, какъ не знать...—Знатный изографъ!

— Сынокъ мой...

Старуха, видимо, оживилась и засыпала вопросами:

— Живъ ли? Какъ здоровъ?

Ивашка отвѣчалъ съ удовольствіемъ: онъ былъ радъ, что къ роднымъ попалъ.

— Здоровъ; не знаю, какъ далѣ: скоро, кажись, не устоять обители,..тѣснятъ... Ну, да его не тронетъ, чай, и воевода: не воинъ онъ. «Мещериновъ—не Салтыковъ воевода-

то»,—улыбнулся онъ въ сторону дѣвушки. Только, хозяюшка, надо бы мнѣ помыться, да помолиться... Пойду снѣжкомъ умоюсь...

— Ахъ, Господи. Чай, поѣсть—хочешь. Пойдукось, припасу...

Черезъ полчаса бесѣда началась снова...

— Насъ вотъ семья-то большая: семь сыновъ да дочь. А всѣ въ разбродѣ. Изъ Пскова мы. Теперича не знай и соберемся ли когда вмѣстѣ-то. Двое въ Москвѣ, въ стрѣльцахъ: отецъ-то тоже изъ стрѣльцовъ былъ. Вотъ въ обители одинъ. Двое въ Псковѣ, одинъ, правда, сюда пришелъ. Здѣсь: теперь въ лѣсъ ушелъ. Одинъ невѣсть гдѣ, слышь, на Донъ ушелъ. А я только съ послѣдышемъ да дочкой.

Дочка вся закраснѣлась, когда заговорили о ней.

— Ушли со страху, боимся, что вѣру порушатъ. Но и здѣсь тяжко: лѣсъ да волки. И не знай, какъ и жить-то ужъ: попа годы не видимъ. Умрешь безъ покаянія. А еще хуже: вотъ псковской-то сынъ говоритъ и поповъ-де теперича не надо... Пусто-де свято мѣсто. Антихристъ-де пришелъ... А я, чай, какъ безъ поповъ?

Да вонъ онъ идетъ, кажись...

Въ избу вошелъ богатырь лѣтъ сорока, съ темнымъ суровымъ лицомъ и, помолившись на иконы, присѣлъ къ «бесѣдѣ».

— И не знаю я ничего. Какая такая вѣра безъ поповъ...

— Какіе нонѣ попы,—отозвался «псковской».—Вся благодать разсыпалась. Не нужно при нынѣшнихъ временахъ поповъ, и тайны совершать не можно: мерзость запустѣнія стала... Нынѣ антихристъ на землѣ, а житіе его антихристово нынѣ, гдѣ христіанство мучатъ...

Ивашка разволновался. Онъ слышалъ такія рѣчи еще въ Соловкахъ и помнилъ, какъ волновали они старцевъ, какъ отвѣчали на нихъ Никаноръ, да раньше его Геронтій—«соловецкій Златоустъ».

И теперь онъ усиленно искалъ въ памяти ихъ сладкихъ и отеческихъ словъ.

— Не отъ Бога, мню, мысли эти, а отъ дьявольскаго искушенія. Поповъ оскудѣло и время тоже злое. Вотъ и шепчетъ лукавый: обходитесь, молъ, безъ попа. А безъ попа, значитъ, безъ тайны. А безъ тайны, значитъ—безъ жизни вѣчной. Дьяволу ничего больше и не нужно, какъ отъ святой тайны отвлечь, потому человѣкъ не пріемляй Крови Господней и Тѣла Его—смоковница, что обязательно высохнуть должна и годится только для огня вѣчнаго. Для его то-есть власти.

Ивашка почувствовалъ, что «Златоустовы» — Геронтьевы слова не забылись, и воодушевился..

— Или не читали, что жертва пребудетъ довѣка... Али антихристъ Христа будетъ сильнѣе и жертву порушитъ, если бы и пришелъ?

Да что толковать? У насъ есть Аввакумъ въ Пустозерскѣ, въ земляной тюрьмѣ гніетъ... Варѳоломей въ Печенгѣ—да мало-ли? Неужто ихъ тайна не тайна? Неужто Господь къ Аввакумовой жертвѣ попуститъ врага и его жертва нечистой станетъ?

Въ «Мерзость запустѣнія»... Господа вы хулите, да праведниковъ нашихъ. Пока живъ хоть одинъ вѣрный попъ, какъ жертвы нѣту?..

— Вотъ, вотъ,—поддержала старуха,—одеревенѣли всѣ.

Вонъ въ Псковѣ-то, слышь, одинъ мірской на духъ принимаетъ. Крестятъ сами. Да это еще что: по нуждѣ, молъ, можно, а то «на духъ»...

Иванъ Меркульевъ — псковичъ хотѣлъ вмѣшаться, но вдругъ раздумалъ.

— Ну, послѣ поговоримъ,—угрюмо проговорилъ онъ и вышелъ изъ избы...

— Одервенѣлъ, — проговорила его старуха,—а все мучительство сдѣлало, гоненіе.

Вслѣдъ за хозяйскимъ сыномъ вышелъ и его тезка Ивашка Дмитріевъ.

Онъ былъ огорченъ.

«Вотъ куда пошло,—думалось ему,—значитъ, кое-кого и нашихъ Никонъ осилилъ. Ему не поклонились, а на новый погибельный путь пошли».

Ивашка понималъ, что мысли Меркульевыхъ и ему подобныхъ родились законно и естественно,—особенно въ этомъ забытомъ краю.

Въ Новгородско-Поморской землѣ почва для безпоповщины была готова. Земскіе люди здѣсь изстари привыкли жить *безъ поповъ,* ограничиваясь мірскою часовенною религіозностью.

Въ писцовыхъ книгахъ XVI и XVII вѣка постоянно означались *дворы поповы* пусты. Мало того, поморскія черныя волости съ XVI вѣка находились подъ вліяніемъ протестантскихъ идей, шведскихъ перебѣжчиковъ. Конечно, эти идеи не принимались, отталкивались, но и онѣ могли давать свой осадокъ, и дать свою отрыжку, когда создались удобныя условія. Въ то же время самый домашній быть насельниковъ этого края, при такихъ историческихъ условіяхъ, при «пустыхъ поповыхъ дворахъ» и крѣпкомъ вліяніи Соловокъ, отражалъ на себѣ печать своеобразнаго монастырскаго уклада; устройство божницъ, частое куреніе ладона, шептаніе молитвы Іисусовой представляли отличительную особенность этого быта, самый *большакъ* дома назывался «*настоятелемъ*».

Естественно, что во времена гонительныя и еще большаго оскудѣнія «поповъ» настоятель постепенно передѣлывался въ безпоповщинскаго наставника.

Могли явиться и честолюбцы, которымъ даже чести ради нравилось «принимать на духъ». И они старательно «поливали» сѣмена безпоповщинскаго отпаденія.

Ивашка понималъ все это.

Но понять не значитъ — *примириться.*

И Ивашка со скорбью думалъ о «зломъ посѣвѣ» врага человѣческаго.

«Отецъ встанетъ на сына. И братъ на сестру»,—подумалось ему. «А она,—вдругъ вспомнилась ему сестра хозяина,— Она, небось, не отрѣчется... Отъ тайны святой не откажется. Вонъ, какъ горѣла, когда я говорилъ Геронтьевы слова»...

И онъ радостно улыбнулся.

VII.

Казнь—бойня *).

Въ Соловецкой обители день 23-го января былъ кровавый, безумный день.

Святители Зосима и Савватій, конечно, никогда и не думали, что когда-нибудь ихъ святое мѣсто будетъ осквернено такой бойней. Недаромъ и солнышко въ этотъ день спряталось за сѣвернымъ желтоватымъ туманомъ: не захотѣло смотрѣть на дурное, злое дѣло.

Мещериновъ къ обѣденной порѣ былъ очень не въ духѣ: золъ и угрюмъ; причина была простая: у старцевъ и бѣльцовъ ни у кого онъ «добрыхъ денегъ» не нашелъ и былъ разочарованъ. А за монастырскую казну,—очень, какъ онъ зналъ, богатую,—было немного страшновато взяться. Помнилось дѣло Іевлева, которому за «грабежи да лихоимство сверху сказано—быть въ опалѣ».

Его не утѣшила даже горькая англійская водка, купленная у аглицкихъ купцовъ,—хоть и хорошая была водка. Подлинно «огонь». И зовутъ ее, слышь, «огневой»...

Злой онъ вышелъ на судъ. Судъ былъ у воеводы, въ его новомъ стану: въ стѣнахъ обители.

Ждали, что перваго Мещериновъ вызоветъ архимандрита Никанора. Но Мещериновъ рѣшилъ начать не съ него, а съ сотника Самки, т.-е. Самуила Васильева. На него Мещериновъ былъ золъ особенно. Изъ-за него да умершихъ Логина да Исачки Воронина, такъ ревностно защищавшихъ обитель, Мещериновъ такъ долго сидѣлъ подъ монастыремъ, и уже

---

*) Не совсѣмъ легко рѣшить, когда былъ судъ: въ раннее ли утро того же дня, когда была взята обитель, или же въ серединѣ наступившаго дня. Такъ какъ по „сказанію объ отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ", вторженіе въ обитель произошло, „когда уже заводилась заря", и послѣ вторженія Келена Мещериновъ „долго не смѣлъ въ обитель внити", а о Никанорѣ сказано, что онъ мучился, борясь съ мразомъ *всю нощь*, и умеръ *передъ* „озреніемъ дневного свѣта",—то трудно думать, что ночь смерти Никанора была ночь взятія обители. Войдя въ монастырь уже утромъ, Мещериновъ служитъ молебенъ, опечатываетъ казну, затѣмъ удаляется въ станъ. Первая ночь, слѣдовательно, прошла еще до суда.

дважды получилъ выговоръ «за то, что промыселъ чинитъ нераздѣльно», и даже угрозу: «Быть ему, Ивану, въ смертной казни».

Самко привели къ воеводѣ подъ руки: онъ былъ тяжело раненъ во время вчерашняго нападенія, но смотрѣлъ онъ небоязненно и бодро. Мещериновъ постарался придать расправѣ видъ суда. Онъ сѣлъ на скамью, покрытую «монастырскимъ» ковромъ, и посадилъ около себя Киршу Өедорова «за дьяка» для записи.

— Почто ты сопротивляешься самодержцу и воинство отъ него посланное отбивалъ отъ ограды?—началъ важно воевода, напрасно стараясь придать своему туповатому и обрюзглому отъ попоекъ лицу выраженіе величавости и серьезности.

— Не самодержцу я противился,—отвѣчалъ Самуилъ,—но за отеческое благочестіе и за святую Церковь стоялъ, и хотящихъ разорить преподобныхъ отецъ поты не пущалъ во ограду.

Этихъ простыхъ словъ было достаточно, чтобы судейская степенность сошла съ воеводы. Онъ вскочилъ съ мѣста и бросился на Самко съ кулаками; но на этотъ разъ удержался

— Бить!—и онъ махнулъ стрѣльцамъ.

Самуила схватили.

— Никанора!..

Воевода еще не отошелъ и говорилъ отъ гнѣва...

Никанора, «иже отъ старости и трудовъ молитвопредстоянія многолѣтнихъ ногами ходити не можаше», привезли на небольшихъ саночкахъ...

Онъ былъ спокоенъ и даже свѣтелъ: онъ радовался, что на допросѣ все скажетъ, и хотя зналъ, что Мещеринову его слова «безъ пользы», но думалъ: все же узнаютъ люди, правду ли молвилъ Кириловщинъ Васька!

— Чесо ради противился государю? Чесо ради, обѣщавшись увѣщать другихъ къ покорности, не только преступилъ обѣщаніе, но и самъ съ ними на сопротивленіе царю согласился? Зачѣмъ царское войско не пускалъ въ обитель и хотѣвшихъ войти отбивалъ оружіемъ?—снова вошелъ въ роль воевода.

Никаноръ выпрямился на своихъ старыхъ больныхъ ногахъ, зазвенѣли цѣпи печальнымъ звономъ.

— И то все ложь!—началъ Никаноръ.—Самодержавному государю не только не противился, но даже и не мыслилъ когда-нибудь противляться, ибо научился отъ отцовъ больше всего оказывать царямъ чествованія, какъ училъ Самъ Христосъ: воздавать кесарево — кесареви, а Божіе—Богови. Но какъ вновь внесенные уставы и «новшества» патріарха Никона не позволяютъ соблюдать Божескіе неизмѣнные законы и апостольскія и отеческія преданія, то и удалился изъ міра и убѣжалъ изъ вселенной въ морской отокъ.

И въ стяжаніи преподобныхъ поселился, чтобы по ихъ стопамъ ходить въ вѣрѣ.

Васъ же, пришедшихъ растлить древлецерковные уставы, обругать труды преподобныхъ отецъ и сокрушить богоспасательные обычаи, въ обитель праведно не пускали; пришли вы на расхищеніе и воровство. И ради татьбы царю на насъ лгали: и Іевлевъ и ты. А я тебя не боюсь. Я и цареву душу имѣю въ руцѣ своей.

— Да что говорить съ тобой, воронъ,—вскочилъ воевода и тростью ударилъ архимандрита по лицу...

Потомъ по головѣ, по плечамъ. Удары сыпались за ударами.

— Взять его собаку: привязать за ноги и тащить въ прорубь...

Старца привязали веревкой и со смѣхомъ и ругательствами поволокли къ заливу.

Для надругательства съ него стащили одежды и оставили одну срачицу.

— Ха, ха, ха!..—смѣялся вслѣдъ воевода,—вишь, что говоритъ онъ: я-де тебя не боюсь. Цареву душу въ рукѣ имѣю. А твоя, вотъ, въ моихъ рукахъ!

— Погодите, братики,—вдругъ остановилъ стрѣльцовъ Никаноръ.

Тѣ остановились въ недоумѣніи и не мѣшали Никанору приподняться.

— Не душу, а *тѣло* мое, воевода. Душу не можешь убити, она не въ твоей рукѣ, а Божіей. И царю зла не хочу, а за то, что онъ меня духовника, твоему несправедливому суду предалъ, буду судиться съ нимъ передъ Престоломъ Господа... Вседержи...

Онъ не кончилъ. Кто-то дернулъ веревку и его снова поволокли... Голова глухо билась объ обледенѣвшую землю.

Также скоро окончился судъ и надъ старцемъ Макаріемъ.

Послѣ его казни Мещериновъ не считалъ болѣе нужнымъ продолжать комедію суда.

Началась просто бойня.

Скоро вся площадка, на полпоприща кругомъ, окрасилась кровью.

Висѣлицы работали во всю. На самой стѣнѣ обители, на желѣзныхъ крюкахъ и на печальныхъ, посаженныхъ еще угодниками, вѣковыхъ соснахъ висѣли люди, часто повинные развѣ только въ томъ, что «по иноческому обѣщанію» не хотѣли покинуть своей обители.

Умирали просто и спокойно. Вотъ двое подведенные къ висѣлицѣ откуда-то раздобыли даже свѣчечки. И какимъ-то чудомъ не погасла у одного свѣчечка даже тогда, когда погасло надъ землей похолодѣвшее тѣло. И горѣла въ окоченѣвшихъ рукахъ мигающимъ огонькомъ.

А вотъ къ окровавленной плахѣ подходитъ почти юноша. Онъ истово креститтся на всѣ четыре стороны и кладетъ на плаху руки. Взмахъ госводской руки, и отлетѣла лѣвая рука юноши, не знавшаго другого оружія, кромѣ живописной кисти.

А правая снова дѣлаетъ крестное знаменіе. Это—Андрей Меркульевъ, ученикъ Ѳедора, «живописца мудраго». По странному случаю, онъ умиралъ именно въ тотъ день и, можетъ, часъ, когда его мать съ трепетомъ справлялась у Ивашки Дмитріева: «Живъ ли мой Андрюшенька?..»

За что онъ былъ даже не просто убитъ, а четвертованъ вмѣстѣ съ древорѣзцемъ Хрисанѳомъ и своимъ учителемъ!?...

Просто потому, что опьянѣлъ воевода отъ крови, а, можетъ быть, и отъ аглицкой «огневой»: падокъ былъ онъ до вина.

А Хрисанѳъ, Ѳедоръ и Андрей, если бы уцѣлѣли, были для него невыгодными свидѣтелями по дѣлу о казнѣ монастырской. Недаромъ послѣ пришлось Мещеринову рядомъ съ длиннымъ спискомъ Божія милосердія, отобраннаго у него княземъ Волхонскимъ, оправдываться, что иконы тѣ ему «попы и чернецы дали *въ почесть*, сказывая, что тѣ иконы и деньги ихъ келейное, а не казенное»; или выдумывать, что та или иная дорогая икона его собственная и «писана за пять рублевъ Стенькой Иконникомъ».

Хрисанѳъ, Ѳедоръ и Андрей лучше другихъ знали— казенное или келейное эти «кіоты съ затворы» да иконы «окладъ серебренъ, басмяннаго дѣла, вѣнцы рѣзны золочены».

Или эти восемь полотенецъ, на коихъ писаны страсти Господни на обѣ стороны, писаны, можетъ быть, тѣмъ же Андреемъ.

И Мещериновъ ихъ *устранилъ*.

***

Подъ вечеръ усталъ воевода и вершилъ людей ужъ гуртомъ: въ прорубь...

Прорубь была полна еще съ полудня.

Это была не прорубь, собственно, а остатки крещенской іордани, подмерзшей нетолстымъ льдомъ.

Сюда таскали сначала по одиночкѣ, теперь же, когда воеводѣ надоѣло возиться съ «мелкотой», стали таскать оптомъ. Связывали попарно—спинами и волокли на веревкѣ.

Такъ перетаскали, между прочимъ, 150 «больничныхъ старцевъ».

Набивши прорубь вплотную, въ нее припустили воды, и всѣ мученики, такимъ образомъ, примерзая ко льду, «конецъ житія пріимаху».

Здѣсь же валялся трупъ убитаго пястицами сотника Самки.

Здѣсь, невдалекѣ, во рву, съ проломленной о ледъ головой лежалъ и Никаноръ.

Крѣпко примерзло ко льду старческое тѣло, но крѣпкимъ оказался старикъ. Долго не осиливалъ его морозъ.

Израненный, замерзающій, онъ находилъ силу утѣшать своихъ «дѣтушекъ», крещающихся смертью въ святой іордани.

— Не тужите, братики... Заутра у Христа проснемся. Претерпимъ мало,—повторялъ онъ, можетъ быть, уже въ бреду слова Аввакума,—претерпимъ мигъ одинъ смертный, яко молнія краткій, да Бога вѣчно возвеселимъ и съ Нимъ вмѣстѣ возрадуемся. Яра нонѣ зима, охъ яра, студена, но сладокъ и тепелъ рай. Вонъ уже Іисусъ Христосъ къ намъ грядетъ: своимъ духомъ насъ грѣшныхъ отогрѣетъ. И тепленько намъ будетъ въ Его обителяхъ свѣтлыхъ.

А потомъ начиналъ молиться.

Прошла ночь, страшная «грѣшная» ночь для однихъ и святая—для другихъ, и на разсвѣтѣ, «предъ озареніемъ дневного свѣта, Никаноръ изыде отъ тьмы настоящаго живота, въ немерцающій присносущій свѣтъ, и отъ глубокаго рва въ превысочайшее небесное царство».

Пьяные стрѣльцы громко орали и пѣли:

«Гой лихо... Гой вы, люди,
Гой вы, люди ратные, вы, стрѣльцы удалые,
Гой, гуляйте весело,
Нѣту вамъ препонушки».

Безалаберно орали они надъ самой могилой святителя Германа и бросали пустыя фляги на забрызганную кровью святую могилу.

А Мещериновъ торговался съ полуночи съ попомъ Леонтіемъ, келаремъ Левкѣемъ да съ предателемъ Ѳеоктистомъ, чтобы ихъ руками очистить монастырскую казну.

***

Сколько погибло за ночь? Мещериновъ, повидимому, понявши, что «больничныхъ старцевъ» морозить не слѣдовало,

писалъ царю, что онъ предалъ казни только взятыхъ въ святыхъ воротахъ съ оружіемъ въ рукахъ 28 человѣкъ, «чтобы на то смотря, инымъ неповадно было воровать». А «остальныхъ воровъ, которые по кельямъ сидѣли, *побить не велѣлъ*» *).

Но донесеніе это завѣдомо ложно. По донесенію предателя Ѳеоктиста, «изъ лучшихъ заводчиковъ» онъ оставилъ въ живыхъ «ради взысканія монастырской казны» келаря Левкѣя, казначея Леонтія, ризничаго Веніамина, нѣкоторыхъ сотниковъ и рядовой братіи 32 человѣка. Но и изъ этихъ 32 многіе были убиты немного позже,—должно быть за то, что не хотѣли помочь воеводѣ въ его «походѣ на казну».

Такъ, въ тюрьмѣ былъ замученъ Веніаминъ, Епифаній, избиты Питиримъ клирошанинъ, Ермогенъ Деревяга.

Въ началѣ лѣта 1676 года, когда прибылъ въ Соловецкій монастырь новый настоятель—архимандритъ Макарій, Мещериновъ подалъ ему «роспись за своею рукою» только *о 14-ти уцѣлѣвшихъ* черницахъ «сидѣльцахъ».

Только четырнадцать!

Между тѣмъ, еще въ 1674 году по словамъ выходцевъ, сидѣло въ монастырѣ братіи 200 и бѣльцовъ 300 человѣкъ. Изъ нихъ вышло изъ монастыря въ станъ Мещеринова въ 1674 и 1675 гг. -16 и въ 1675 г. взято на островѣ 7 человѣкъ; всего 23 человѣка.

Куда же дѣвались остальные? Можетъ быть, часть изъ нихъ перемерли отъ повальной болѣзни, развившейся въ стѣнахъ монастыря незадолго до покоренія; но всѣ прочіе были такъ или иначе преданы отъ руки Мещеринова казни.

Ихъ было во всякомъ случаѣ около четырехсотъ,—«вящше трехсотъ».

Морская губа, омывающая монастырь съ западной стороны, вся была завалена тѣлами убитыхъ, заживо замороженныхъ и казненныхъ монаховъ и бѣльцовъ. И они лежали здѣсь до іюня, до царскаго указа, когда были погребены въ одной ямѣ, на морской губѣ,—такъ-называемой «Женской Коргѣ», неподалеку отъ Соловецкихъ острововъ.

---

*) Въ актахъ, изд. Е. Барсовымъ—„велѣлъ". Это—ошибка.

Создавшееся около мученической смерти преданіе разсказываетъ, что даже въ Петровъ постъ, когда все растаяло и зазеленѣли деревья, ледъ подъ мучениками не таялъ. и они лежали «яко спящіи. цвѣтяху благодати красотою».

**
*

Окопка кончилась. Обитель была разгромлена.

Но если сторонники никоновскихъ новшествъ хотѣли раздавить вліятельный центръ старыхъ преданій, то они ошиблись.

Аввакумъ былъ правъ, когда говорилъ, что изъ крови мучениковъ «выростутъ тьмы вѣрныхъ». «Отрубили у кого голову,—ино та голова зерномъ станетъ и отродится отъ могилы самъ-сотъ, самъ-тысячъ. Ни едина рожь такъ не родитъ. ни ячмень, когда голова мученика... Сожгли,—зола. сѣмя новое»...

Такъ и было.

Молва объ окопкѣ и мученической смерти отцовъ и страдальцевъ Соловецкихъ разнеслась по всей «землѣ».

Около могилы мучениковъ создались святыя легенды, какъ всегда около святыхъ могилъ.

И правда, за которую они стояли, подкрѣпленная ихъ кровью, стала еще крѣпче.

Смерть 400 спаяла крѣпкой спайкой сотни тысячъ, подкрѣпила тѣхъ, кто ослабѣвалъ противу мучительствъ.

Создали въ концѣ-концовъ крѣпкій Выгъ.

VIII.

Смерть царя Алексѣя.

На «верху» смятеніе. Никогда въ эти часы не видѣли столько народа эти двѣ маленькія комнатки съ пестро-расписанными стѣнами и узорными окнами.

Царь неожиданно заболѣлъ и, видимо, къ смерти. Прихварывалъ онъ, ровно и не надеженъ былъ, но все-таки конца такъ скоро не ждали. Надѣялись, что обойдется; но вчера,

28-го января, вдругъ «схватило», и такъ, что сразу стало ясно: отходитъ царь. А сегодня, 29-го января, съ вечера—часовъ съ семи (по нашему), ждутъ конца съ минуты на минуту.

Всѣ собрались—кому по положенію можно было быть здѣсь — въ самыхъ горницахъ, рядомъ съ царской опочивальней. Царица Наталья въ тревогѣ бесѣдуетъ съ Матвѣевымъ.

У изразцовой узорчатой теплой печки, работы нѣмецкихъ мастеровъ, грѣется тучный Прозоровскій. Рядомъ съ Нарышкинымъ, Головинъ, Юрій Долгорукій—самые близкіе къ царю люди. Въ сторонѣ скромно и одиноко стоитъ иноземецъ, врачъ Гаденъ. Дѣтей нѣтъ: съ маленькими царь уже простился и отослалъ, а Ѳедоръ самъ еле держится: болѣетъ.

Въ опочивальнѣ только патріархъ. Онъ здѣсь «для утѣшенія духовнаго», и что-то говоритъ своимъ хриповатымъ голосомъ. Но царь не слышитъ. Сознаніе еле теплится въ немъ, а иногда и совсѣмъ темное облако наплываетъ на мозгъ.

Но вотъ очнулся и говоритъ что-то наклонившемуся владыкѣ.

— А можетъ отозвать?.. Освободить старцевъ-то!—шепчетъ онъ, точно отвѣчая на какую-то мучающую его мысль.—Соловецкихъ-то...

Іоакимъ недовольно цѣдитъ сквозь зубы:

— Твоя царская воля, государь, а моего благословенія дать не могу: зло посѣчь подобаетъ до корене...

— Господи Ісусе!..—мечется царь.

И чувствуетъ, какъ снова наплываетъ облако.

— Давитъ... рука... святительская давитъ... Не могу... я...—точно съ кѣмъ споритъ онъ уже въ бреду:—въ его рукахъ душа моя...

И онъ снова открываетъ глаза.

— А я отай послалъ-было гонца-то, чтобы взяли Мещеринова-то, хоть на постъ да Свѣтлый день покой имъ дать... Вѣдь мясопустъ, прощеные дни...

Патріархъ молчитъ.

— Ну, позови Ѳедора... Отхожу... Страшно: день-то какой. день. И пріидетъ Господь во всей славѣ и всѣ... Какой часъ-то?

— Десять, кажись... (4 часа ночи).

— Вотъ мнѣ бы итти теперь въ богадѣльни... Скоро и «дѣйство» начинать. А я... на самый судъ иду... Такъ Ѳедора-то позови, и всѣхъ...

Черезъ минуту опочивальня наполнилась воплями и плачемъ... Царица Наталья лежала въ обморокѣ...

— Ишь ты, по-нѣмецкому...—не упустила даже въ эти минуты съязвить «постница», верховая боярыня Анна Петровна Хитрово.

Царевича Ѳедора принесли на рукахъ въ нѣмецкомъ стулѣ съ подручнями; итти онъ не могъ: ноги опухли.

— Поднимите меня...—прошепталъ царь.

Его подняли.

— Ну вотъ, Ѳедоръ, благословляю тебя на царство! Богъ тебѣ поможетъ; недуженъ ты. Ничего тебѣ наказывать не буду... Дыханія нѣтъ. По совѣсти твори... Да слушайся князя Юрія, да дядю Артамона... и... отца святого патріарха. А вы (царь обратился къ Нарышкину, Прозоровскому и Головину)— Ивана да Петра оберегите.

Царь, видимо, слабѣлъ.

— Узилища откройте всѣ, отпустите въ поминъ-души. Вотъ бы мнѣ или Ѳеодору туда итти—въ тюрьмы-то; да вотъ, видно, ни я, ни онъ не пойдетъ. Не пущаетъ Господь... Кто за долги—за тѣхъ заплатите изъ казны. А что о соловецкихъ... такъ ты, Ѳедоръ, дѣлай, какъ Господь тебѣ скажетъ... А то Артамона спроси...

Алексѣй умолкъ и безсильно опустился на подушки.

Громко вскрикнула и снова упала на полъ царица.

Патріархъ подошелъ къ изголовью... Врачъ Гаденъ взялъ уже мертвую руку царя.

— Почилъ...

***

Черезъ полчаса все было кончено въ опочивальнѣ.

Юрій Долгорукій на рукахъ снесъ Ѳедора, и посадилъ его на престолъ.

Отецъ его, государевъ,—въ духовномъ чину патріархъ—его на царскій престолъ благословилъ. И «за Божіею помощію, онъ, великій государь, царь и великій князь Θеодоръ Алексѣевичъ всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержецъ, учинился на московскомъ и на кіевскомъ, и на владимірскомъ государствѣ, и на всѣхъ великихъ преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ, всея великія и малыя Руси самодержцемъ».

Бояре стали подходить къ рукѣ.

И всѣ тотчасъ же, при отцѣ духовномъ и властяхъ, предъ св. Евангеліемъ, «вѣру учинили на томъ», что имъ ему, государю, «служити, и прямити, и во всемъ всякаго добра хотѣти безо всякія хитрости, и быти имъ въ его государскомъ повелѣніи такъ же, какъ были при отцѣ его, государевѣ»...

Три удара большого кремлевскаго колокола объявили о смерти царя Москвѣ.

«Егда воевода оный (Мещериновъ) кровавую оную соверши богонеугодную жертву (соловецкія убійства), тогда, въ осьмый часъ того дня, государь оставляетъ своего царствія скипетръ, оставляетъ власть тронодержавія, и смертью отъ сего житія умираетъ»,—пишетъ авторъ «Исторіи объ отцѣхъ и страдальцахъ соловецкихъ», по ошибкѣ считающій днемъ взятія обители 29-е января.

Но повиненъ ли былъ царь въ «богонеугодной жертвѣ»? Онъ поддался греческому «гипнозу» и порабощенный сильной волей Никона и блестящими «титлами» греческихъ святителей, не смѣлъ слушаться голоса своей души.

Можетъ быть, и сломило его непосильное шатаніе между приказами совѣсти и страхомъ гнѣва святительскаго.

И тяжелое недоумѣніе: кто правъ?

IX.

Печальный день.

Царь Θеодоръ совсѣмъ растерялся со смерти отца: онъ не ждалъ царства и никогда не думалъ о немъ.

Больной уже давно цынгой и еще какой-то, нераспознанной врачами, болѣзнью, слабый, мечтательный и не властолюбивый, онъ весь былъ погруженъ въ новую науку, какую принесли Ртищевы, «дядя Артамонъ» Матвѣевъ и другъ Ѳеодора близкій—Симеонъ Полоцкій. Разсматривать «Василилогіонъ», что построилъ для него Матвѣевъ, читать книгу «Объ убіеніи Краля Аггельскаго», переведенную Епифаніемъ Славинецкимъ, или «книгу врачебную Анатомію» и писать стихи, тягучими польскими виршами—вотъ чѣмъ жилъ Ѳеодоръ.

А дѣла государскія были не для него.

И теперь смерть отца застала его врасплохъ.

«Какой я царь»—думалъ самъ о себѣ Ѳеодоръ.

Ему бы почитать: вонъ дожидаются на столѣ «Духовныя струны» Лазаря Барановича.

Да и переводъ «виршами» псалма 145 не успѣлъ кончить.

А тутъ..дѣла царскія...

И Ѳеодоръ растерялся.

Сейчасъ его тяготятъ, впрочемъ, не столько дѣла царства: дядя Артамонъ управитъ. Онъ боится за душу отца...

«Какъ же это...—тревожно думаетъ онъ, сидя въ обитомъ чернымъ сукномъ креслѣ, приготовленномъ для похороннаго выхода,—черезъ часъ отпѣвать, а еще не получено отвѣта отъ «бываго» патріарха; вѣдь, духовникъ былъ...»

Ѳеодоръ очень хочетъ, чтобы отца разрѣшили всѣ его духовники: и Никонъ, и Никаноръ, и протопопъ Савиновъ—теперешній.

Отъ Никонора ждать «прощенія» долго: далеко, хотя туда и послали. А Никонъ близко. И вотъ онъ шлетъ.

— Царь-батюшка, къ тебѣ отъ...—комнатный стольникъ запнулся, не зная, какъ величать сверженнаго владыку—отъ Никона...

— А... жду... жду... Что?

Уже по лицу вѣстника, Ѳеодора Лопухина, можно было угадать, что извѣстія плохи.

— А приказалъ сказать тебѣ, царь, старецъ Никонъ, что онъ будетъ-де судиться съ государемъ покойнымъ въ страшное

пришествіе Христово... Подражая-де Учителю своему Христу, повелѣвшему оставлять грѣхи ближнимъ, я-де говорю: «Богъ да проститъ покойнаго, а письменнаго прощенія не дамъ, потому что онъ при жизни своей не освободилъ насъ отъ заточенія...»

Взволнованный Ѳеодоръ, чуть не плача, пытался даже привстать съ своего кресла, но тотчасъ безсильно опустился.

— Ну ступай... Богъ судить будетъ высокомѣріе сего...

И пошелъ къ выходу на вынось.

Печальное шествіе началось въ третьемъ часу дня (9-мъ утра).

Гробъ, деревянный, обитый «червчатымъ» бархатомъ, несли комнатные царскіе стольники. Тѣло въ гробу покрыто было царскимъ платомъ изъ золотой бархатной парчи; «по немъ травы, шелкъ червчатъ да зелень», съ жемчужнымъ кружевомъ. Поверхъ плата гробъ покрытъ былъ золотой парчей, а по ней «коруны и травы золоты съ серебромъ». Гробовая крышка покрыта была «объярью по алой землѣ», а по ней полосы серебряныя, «межъ полосъ травы золотыя».

Изъ деревянныхъ хоромъ тѣло государя сначала вынесли въ переднія сѣни на рундукъ, а съ рундука въ проходныя сѣни, что передъ золотою палатою государыни царицы, на постельное крыльцо. На постельномъ крыльцѣ гробъ государя поставленъ былъ на сани, обитыя малиновымъ бархатомъ, а на саняхъ несенъ былъ постельнымъ и Краснымъ крыльцомъ въ соборъ св. архангела Михаила. Гробъ и сани покрыты были еще особымъ золотымъ парчевымъ покровомъ.

При колокольномъ звонѣ, шествіе тронулось въ такомъ «чину»:

Впереди несли хоругви, за ними шло множество діаконовъ въ облаченіяхъ, за ними несли гробовую крышку. За крышкой шелъ длинный рядъ священниковъ, а за ними несли запрестольные кресты и иконы, и шли пѣвчіе, дьяки государевы и патріаршіе, и пѣли надгробное пѣніе. Далѣе шли соборные священники и протопопы, игумены, архимандриты, епископы, архіепископы, митрополиты и самъ великій господинъ святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всея Россіи. За па-

тріархомъ несли икону, которая была у гроба и самый гробъ. За гробомъ стольники несли въ креслахъ Θеодора Алексѣевича, который былъ въ «смирномъ», темномъ платьѣ. За государемъ шли царевичи касимовскіе и сибирскіе и бояре въ черномъ платьѣ, а потомъ дворяне несли въ саняхъ царицу Наталью Кирилловну. На ней былъ черный суконный покровъ, и сани ея были обиты такимъ же сукномъ. За государыней шли боярыни въ черныхъ платьяхъ.

Печальный звонъ встрѣтилъ шествіе около Архангельскаго собора.

***

Чинъ отпѣванія близится къ концу. Несмотря на возгласы священнослужителей и сдержанный плачъ, во всѣхъ концахъ огромнаго храма, кажется, что въ соборѣ все безмолвно.

Тихо... Это—души затихли передъ святой тайной смерти.

И отдѣльные возгласы, пѣніе и плачъ какъ-то не могутъ разрушить этого впечатлѣнія глубокой тишины..«задумчивости душъ».

Однако вотъ, вдругъ, рѣзкимъ диссонансомъ ворвались чьи-то совсѣмъ негромкія, но ужъ черезчуръ неподходящія рѣчи.

И въ такую минуту? Когда больше всего нужна тишина? Кто это?

Протопопъ Андрей Савиновъ хочетъ подойти къ почившему съ грамотой, но неожиданно гнѣвный окрикъ останавливаетъ его.

— Дай, вложу я самъ!

Это кричитъ владыка-патріархъ, давно имѣющій счеты съ протопопомъ.

— Не дамъ... Мнѣ надлежитъ: я душу его вѣдалъ. Я и отъ грѣховъ разрѣшалъ...

— Тебѣ говорю: дай?

— Не дамъ... Мнѣ достоитъ, а то царь и отойдетъ не прощенъ.

Патріархъ дѣлаетъ шагъ съ своего мѣста: рѣзкое необычное неблагочиніе. Дальше еще хуже: гнѣвнымъ жестомъ вырываетъ грамоту и вкладываетъ ее въ руки царя.

Служба продолжается, но въ храмѣ нѣтъ прежняго тихаго настроенія, точно вдругъ ворвался базаръ въ тихую обитель.

«Что такое творятъ, что творятъ»—думаетъ царь.

И не слышитъ службы, не слышитъ какъ его зовутъ дать послѣднее цѣлованіе.

«Могли какъ-нибудь ранѣе столковаться. Что у нихъ теперь пойдетъ: у Андрея-то съ патріархомъ»...

Дѣйствительно, пошло.

Царь еле успѣлъ добраться до палатъ, и вмѣстѣ со всей осиротѣвшей семьей усѣсться въ большой палатѣ, какъ туда ворвался обиженный протопопъ.

Онъ былъ внѣ себя; можно было подумать, что онъ не изъ храма, а уже отъ поминальнаго стола.

— Покойный государь не прощенъ: патріархъ мнѣ не далъ грамоту вложить... Убью: царя безъ прощенія оставилъ!

— Тише, тише!—кричитъ протопопу Нарышкинъ.

Но тотъ еще болѣе горячится.

Можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ пьянъ, иначе трудно объяснить несуразныя, совсѣмъ пьяныя рѣчи.

— Дайте мнѣ двѣ тысячи стрѣльцовъ..я на патріарха пойду, и убью. А то отравой какой убейте супостата,—кричалъ онъ.—Не убьете его—всѣхъ прокляну, а съ патріархомъ управлюсь самъ... Я ужъ пятьсотъ человѣкъ подговорилъ...

Ѳеодоръ, не зная какъ усмирить протопопа, молчалъ. Около него тихо шепталъ что-то лукавый и умный Симеонъ Полоцкій.

Кто-то сталъ урезонивать Андрея.

Гнѣвно поднялась съ мѣста Софья, но ее остановили: неприлично-де.

Ѳеодоръ сидѣлъ блѣдный, какъ смерть.

А еще третій ударъ долженъ былъ закончить для царя тяжелый день.

— Привезли извѣстіе изъ Соловокъ.—шепнулъ ему Симеонъ.

— Что? Какъ, такъ скоро?

— Гонецъ не доѣхалъ: встрѣтилъ посла отъ Мещеринова въ Вологдѣ, и вернулся. Окопка окончилась.

— А Никаноръ?..

— Вотъ, все въ свиткахъ: это отъ Мещеринова, а это—отъ какого-то чернеца Өеоктиста.

— Читай!...—безсильно протянулъ царь свитки Симеону.

«Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу. Бьетъ челомъ холопъ твой Иванко Мещериновъ. Посланъ я, холопъ твой, съ полкомъ на твою Великаго Государя службу на Соловецкій островъ, подъ Соловецкій монастырь, на измѣнниковъ и непослушниковъ, на соловецкихъ воровъ; и велѣно мнѣ, холопу твоему, надъ тѣми соловецкими ворами, измѣнниками чинить всякой воинской промыселъ со всякимъ радѣніемъ и усердіемъ неотложно, чтобъ, Государь, воровство ихъ и мятежъ искоренить вскорѣ, а я, холопъ твой, будучи подъ Соловецкимъ монастыремъ, и чинячи промыселъ надъ ворами, и бился я, холопъ твой, съ ними, ворами, полтретья года, не щадя головы своей на многихъ вылазкахъ и на приступахъ, и милостью, Государь, Божіею и твоимъ, Великаго Государя, счастьемъ, я, холопъ твой, съ твоими начальными и ратными людьми, городъ взялъ и воровъ погубилъ... И Никонора, измѣнника, казнилъ, и другихъ воровъ. А казну...»

— Читай другое.

Өеодоръ говорилъ черезъ силу, еле слышно.

— Можетъ послѣ, государь?... Недужится тебѣ.

— Читай!

«Государю Царю и Великому Князю. Бьетъ челомъ нищей твой, Государь богомолецъ, Соловецкаго монастыря выходецъ, чернецъ Өеоктистъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 184 году, ноября противъ 9 числа, пошелъ я, нищей твой, Государевъ богомолецъ, изъ Соловецкаго монастыря черезъ

городовую стѣну отъ церковныхъ раскольниковъ и отъ твоихъ, Великаго Государя, противниковъ въ полкъ воеводы Ивана Мещеринова и о томъ ему, Ивану, вѣдомо чинилъ, кое мѣсто твоихъ, Великаго Государя, ратнымъ людямъ для взятіе монастыря въ городъ войти; и говорилъ ему, воеводѣ Ивану Мещеринову, многажды, чтобы онъ надъ тѣми соловецкими ворами промыслъ чинилъ неоплошно отъ храма Онуфрія Великаго, у бѣлой башни въ исподнюю бойницу, гдѣ мощно твоимъ, Великаго Государя, ратнымъ людямъ въ городъ войти, и монастырь взять; и генваря, Государь, въ 22 день, послалъ онъ, воевода Иванъ Мещериновъ, меня, нищяго твоего, Государева богомольца, для взятія Соловецкаго монастыря; я, нищей твой, Государевъ богомолецъ, тое бѣлые башни въ бойницу вшелъ и твоихъ, Великаго Государя, ратныхъ людей въ городъ ввелъ; и взяли мы обитель безъ крови...»

— Безъ крови...—повторилъ царь.

«... И церковныхъ мятежниковъ и твоихъ, Великаго Государя, противниковъ, соловецкихъ воровъ побили, а иныхъ, пущихъ воровъ, воевода Иванъ Мещериновъ перевѣшалъ, а многихъ чернецовъ, выволоча за монастырь, на губу, заморозилъ. До трехъ сотъ, а то болѣ! Вживѣ осталось съ десятокъ. И какъ, Государь, воевода Иванъ Мещериновъ въ городъ Соловецкаго монастыря вшелъ, то казну пограбилъ, образы и складни—дачи прежнихъ Великихъ Государей, Царей и неокладные, и ризъ, и стихарей, и патрахилей, и поручей, да двѣсти книгъ печатныхъ и письменныхъ, и сосудовъ серебряныхъ, мѣдныхъ и оловянныхъ многое число, слюды самые добрые пудъ съ пятнадцать, и платье соболье и кунье, пушки и пищали, и порохъ и всякое ружье, и многіе часы, укладку и желѣза многіе-жъ пуды, взялъ. И то и иные твоей, Великаго Государя, монастырской казны, денегъ и золотыхъ три пуда, и вещей и жемчуга выслалъ, слыхать, онъ, Иванъ, ту казну изъ Соловецкаго монастыря къ себѣ въ пожитки. А Никаноръ и старцы цѣлую ночь мерзли, и говорили де съ царемъ судиться станемъ у Бога»...

Симеонъ оборвалъ посланіе. Θеодоръ помертвѣлъ: съ нимъ начинался припадокъ.

X.

На Повѣнцѣ.

Лѣто. Благоуханное сѣверное лѣто... Воздухъ полонъ смолистымъ, сладковатымъ запахомъ.

Воздухъ: дышать не надышишься.

«У насъ духъ-то тройной противу другихъ мѣстъ»,— говорятъ поселяне здѣшняго края.

И они не подозрѣваютъ, что говорятъ почти точной химической формулой.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь дышишь чуть не чистымъ «озономъ», «тройнымъ воздухомъ...»

Благодать.

Мы въ лѣсахъ Повѣнецкаго края. Высоко-высоко поднимаютъ свои верхушки вѣковыя сосны. Точно колонны гигантскаго храма. И молиться хочется въ тишинѣ этого нерукотвореннаго храма изъ вѣковыхъ великановъ. Вотъ на одной горѣ «гуменце выстрижено»: нѣтъ лѣсу. И далеко-далеко видно оттуда въ прозрачномъ воздухѣ. Съ одной стороны каменная лѣстница безконечныхъ горъ на сотни верстъ террасой спускается къ Балтикѣ; съ другой—такая же лѣстница къ Ледяному морю.

И вездѣ зеленоватыя озера наполняютъ гигантскія ступени лѣстницы и переливаются одно въ другое алмазными водопадами.

Вонъ, сзади сверкаетъ узкая лента Долгихъ озеръ, тамъ уже за предѣлами горизонта Повѣнчанкой она сливается съ Онежскимъ озеромъ...

Впереди—Маткозеро, Телекенское, Выгозеро—съ черными пятнами островковъ на зеленоватомъ фонѣ воды. И снова тамъ и сямъ темную картину оживляетъ серебро широкихъ водопадовъ. Горы, одинокіе, огромные камни, разсѣянныя всюду озера, водопады; лѣсъ, вода и камень.

Лѣсъ въ Повѣнецкомъ краю.
(Изъ книги Пришвина: „Въ краю непуганныхъ птицъ“).

Не даромъ здѣсь сложилась эта красивая легенда «Вначалѣ,—говоритъ она,—въ мірѣ ничего не было. Вода вѣчно волновалась и шумѣла... Этотъ шумъ несся къ небу и безпокоилъ Бога. Наконецъ, разгнѣванный, Онъ крикнулъ на волны, и онѣ окаменѣли—превратились въ горы, а отдѣльныя брызги въ камни, разсѣянные всюду. Мѣста между окаменѣлыми волнами наполнились водой и образовались озера, рѣки» (*Пришвинъ:* «Въ странѣ непуганныхъ птицъ»).

Здѣсь, въ этомъ не тронутомъ человѣческой рукой краю нашъ знакомецъ—Ивашка.

Онъ отдыхаетъ на краю лѣсной, бѣлой ложбины маленькаго озера.

Около него его котомка и шапка, полная желто-розовой душистой морошки. Не то задремалъ, не то задумался соловецкій сидѣлецъ.

Мечтаетъ. Да и какъ не замечтаться около этой красоты. И лѣсъ дремлетъ, застылъ; только верхушками что-то шепчетъ въ дремотѣ.

Ивашка задержался около Березова Волока. Торопиться на Москву было не зачѣмъ. Онъ еще не успѣлъ оправиться отъ болѣзни, какъ пришла вѣсть, что «окопка кончилась».

Обитель разгромлена, и никакая помощь Хованскихъ и другихъ ей уже не нужна. И Ивашка остался «отдохнуть»: нечего скрывать— русая дѣвушка съ прялкой завладѣла Ивашкой. И онъ уже почти рѣшилъ, что уйдетъ отсюда только съ ней, своей Дарьюшкой.

Но пока онъ еще колеблется: время ли думать о бракѣ въ такія времена. Не грѣхъ ли?

И теперь, обдѣлавъ для хозяина одно дѣльце въ Повенцѣ, идетъ посовѣтоваться со старцемъ Корниліемъ, молва о которомъ ходитъ по всему Олонецкому и Обонежскому краю.

«Найду ли старца-то?—думаетъ Ивашка.—Все онъ бродитъ»...

Въ самомъ дѣлѣ, не легко найти старца Корнилія: такъ часто мѣняетъ онъ мѣсто. Года два, какъ онъ поки-

нулъ свою келью, вырытую въ гранитной скалѣ на рѣкѣ Водлѣ и поселился на Кятковерѣ. Но говорятъ, и тамъ не хочетъ остаться, ищетъ новаго мѣста. Облюбовалъ уже мѣстечко на Выгозерѣ, хочетъ тамъ часовню строить. Однако и на это мѣсто не «больно надѣется», и теперь, по слухамъ, живетъ на Выгозерѣ и собирается, осмотрѣвши мѣсто «на случай», вернуться на Водлю: тамъ попъ Павелъ изъ Водлозера очень ему по-душѣ.

«Чай, Богъ дасть, еще застану въ этихъ краяхъ»,— надѣется Ивашка.

Онъ «засталъ» о. Корнилія у Сѣвернаго угла Выгозера—недалеко отъ рѣки Выги...

О. Корнилій здѣсь совсѣмъ «на часъ» и оставаться не хочетъ, но все же успѣлъ вырубить келью. Собственно рубить не было нужно: келья, какъ и прежняя на Водлѣ-рѣкѣ самородная: съ трехъ сторонъ гранитныя скалы; съ четвертой онъ устроилъ деревянную стѣну, съ окномъ и дверью. Сверху потолокъ. И внутри печь.

Вотъ и все.

«Я жить не буду, такъ кто-нибудь спасется въ гонительное время: годится».—думалъ, строя келью, Корнилій,— «а то можетъ умирать сюда приду...»

Но умирать-то онъ еще, видимо, не собирался. Правда, ему было уже лѣтъ «подъ сто»; но никто не далъ бы и семидесяти крѣпкому, величественному и сѣдому старику съ длинной, серебряной бородой.

Ивашку онъ принялъ ласково, и много, и хорошо побесѣдовалъ юноша со столѣтнимъ старцемъ. Онъ разсказалъ старцу о «сидѣніи», а старецъ повѣдалъ свою долгую скитальческую жизнь. Разсказалъ, какъ началъ свой подвигъ иноческій у старца Капитона на Ветлугѣ.

«Святая то была жизнь... У Капитона-то были вериги, чай пуда два. Ѣлъ въ два дня немного хлѣба и сурово зеліе, какъ солнце зайдетъ. И свитки у него не было, одинъ чапанъ, да мантія. И на ребрахъ не спалъ, а такъ сидя, мало подремлетъ.

И отъ насъ то же требовалъ... Сладкая была жизнь, чистая... Да недолго пожилось; за послушаніе услалъ меня въ Корниліевъ монастырь Комельскаго Корнилія: рано-де мнѣ пустынно жить...

Постригли меня тамъ (ранѣе меня Конономъ звали) и жилъ я до смерти моего старца—тоже Корниліемъ звать,— а потомъ, гдѣ только не побывалъ я, ищучи добраго житія.

Былъ и въ Новгородѣ, когда тамъ Никонъ на митрополіи былъ. И приходитъ ко мнѣ разъ Пименъ черный, дьяконъ, что теперь у васъ около Березова Волока.

— Что ты, — говоритъ, — вѣдаешь, Корнилій, митрополитъ-то антихристъ.

— Бѣснуешься такъ говорить,—ему отвѣчаю.

— Идемъ, и посмотримъ, какъ людей благословляетъ. Пошелъ: по новому благословляетъ, не какъ прежніе святители. Ну, гляжу, антихристъ-не-антихристъ,—ученіе намъ писанія объ антихристѣ вѣдомо, отъ кого родиться и какъ явиться имать... Вѣдомо, что и Ильи и Эноха еще не было и знаменій нѣтъ, а что еретикъ, шишъ антихристовъ,—это вѣрно. И пересталъ у него благословеніе брать. А онъ, Никонъ-то: «чего ради, говоритъ, ко благословенію не ходиши?..»

Молчу!

— Хощеши,—сотворю тебя игумена въ Деревяницкій монастырь?..

Молчу.

И ушелъ отъ еретика, а скоро и начались перемѣны. Стали ереси, какъ капусту сажать: одну за другой.

На Дону былъ, въ Ниловой пустыни былъ: избили меня здѣсь еретики еле не до смерти, а теперь вотъ по здѣшнему краю скитаюсь, хваля Бога».

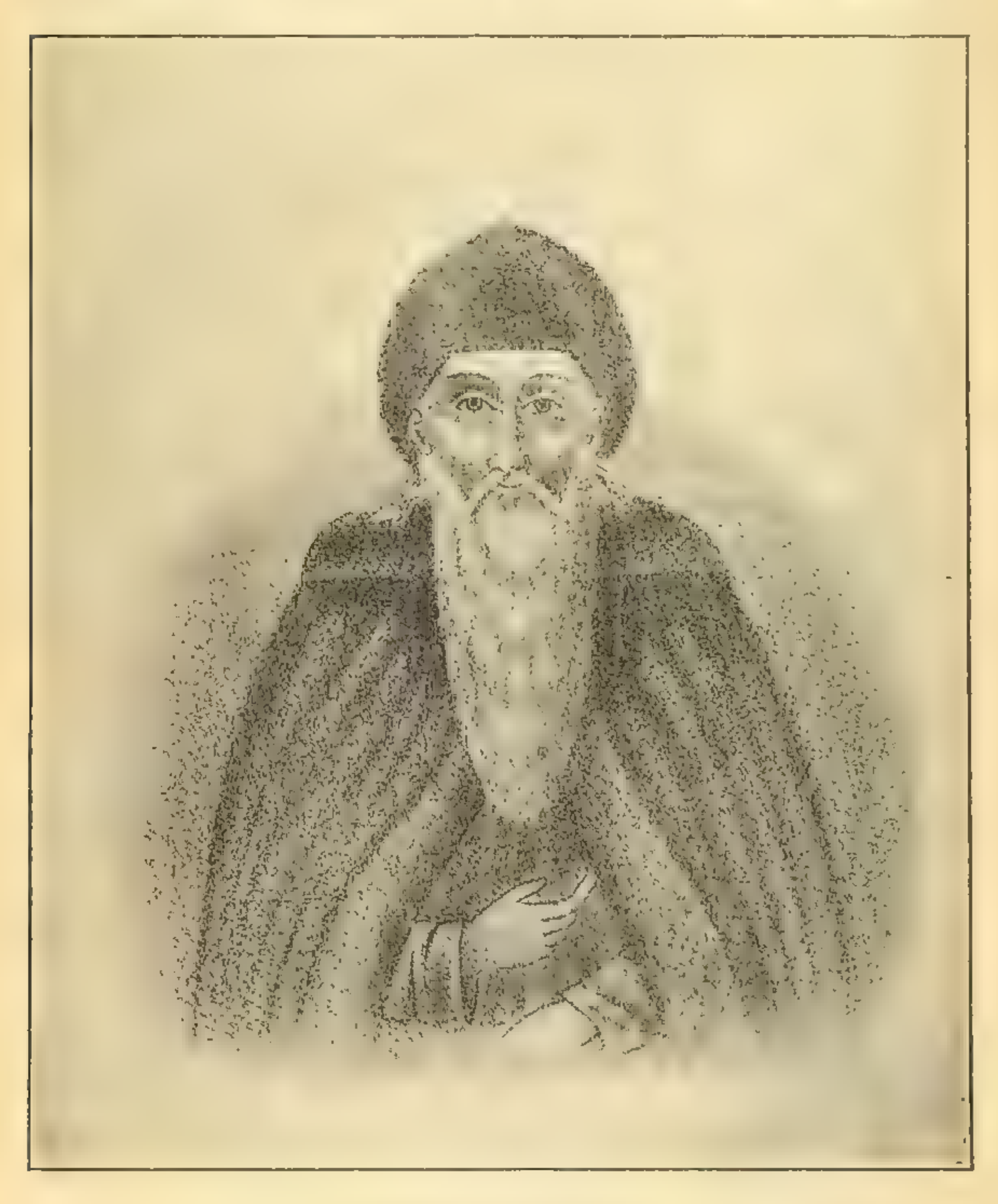
— А злыхъ людей не страшно?—спросилъ Ивашка!

— Что у меня имъ взять. Да и Господь хранитъ.

«Еще за Москвой, взяли меня разъ воры. Схватили кошель: тамъ однѣ книги да денегъ десять алтынъ. Велѣлъ мнѣ атаманъ читать, и читалъ всю ночь. Прочелъ про Моисея Мурина, како зрѣніе злодѣйствъ ему душу сожгло,

да привело въ пустыню. Отъ Пролога про старца, коего ограбили разбойники, а онъ ихъ въ дорогѣ догналъ со свитой. «Возьмите, молъ: простите. я про свитку забылъ и отъ васъ скрылъ»...

Про иного старца, его же разбойники угрозой заставляли съ ними вино пити. И онъ, не пія отъ рождества

Инокъ Корнилій.

своего, шлъ не жизнь храня, а дабы на злодѣевъ душу не легло новое душегубство...

И много другого читалъ. Слушалъ атаманъ, да и заплакалъ. «Престану, говоритъ, отъ душегубства». И мнѣ же еще къ десяти алтынамъ милостыню далъ....»

Съ большимъ трепетомъ сказалъ Ивашка и о своемъ дѣлѣ; боялся онъ, какъ, дескать, со старцемъ, который съ дѣтства жены не зналъ, говорить о такомъ грѣховномъ дѣлѣ, какъ бракъ...

— Слыхать, о. Корнилій, всюду безженное житіе проповѣдуютъ. Да и то—для браку ли теперь время?

И вдругъ Корнилій даже просвѣтлѣлъ весь, какъ разсказалъ ему Ивашка о своей суженой:

— Благослови Богъ. Плохи времена, вѣрно. А все-жъ, коли сердцемъ сошлись, отъ Бога сіе. Отъ Бога: не противься, такъ надо, чтобы наши чада вѣру святую донесли до прихода Христа-Жениха... Надо.

Кого Богъ къ иночеству зоветъ, иди; кого къ святому браку, не противься. Только попа бери добраго. Да на, вотъ, тебѣ подарочекъ и знай: береги на черный часъ. Понадобится.

Корнилій снялъ съ божницы какой-то грязный тяжелый кусокъ и подалъ Ивашкѣ.

— Что это?

— А то, изъ чего ефимки дѣлаютъ...

— Серебро?

— Оно... Я хотѣлъ было вериги сковать, да думаю грѣхъ: не нужно иноку и близко къ серебру да золоту подходить.

— Откуда же это, старецъ,—робко спросилъ Дмитріевъ?—вѣдь здѣсь рублевъ на два ста, а то больше...

— А пойдемъ поглядимъ... Они прошли черезъ моховое болото къ высокой сланцевой скалѣ, еле покрытой кустарникомъ.

Съ необычайной для старца силой Карнилій сдвинулъ гранитный кусокъ и передъ глазами Ивашки сверкнула: *серебряная рѣка.*

Это серебряныя жилки «текли» по углубленіямъ ущелья. Ивашка даже перекрестился съ испугу.

— Господи, какое богатство... Что же ты его не берешь, отче. Мы бы съ нимъ всѣхъ бояръ, да самого Іоакима купили.

— А то, что правды деньгами не купишь, а нечистой помощи намъ не нужно,—отвѣчаетъ старецъ, приваливая камень, а человѣку лучше держаться отъ денегъ подальше... Разскажу я тебѣ изъ Пролога.

Два брата нашли кучу золота. Одинъ перекрестился, да черезъ золото и перескочилъ, да бѣжать. А другой сталъ думать: сколько на золото можно добра сдѣлать: церковь, молъ, построю, богадѣльню. Нищихъ накормлю. Взялъ, а золото-то оказалось сильнѣе его: затянуло его въ грѣхъ, да гибель. Такъ-то.

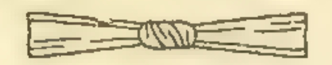
Ну, иди: спаси тебя, Христосъ. Изъ этихъ-то мѣстовъ уходи лучше. Здѣсь скоро темно будетъ, а потомъ посвѣтлѣетъ, да не по добру. Огни загорятся, костры не изъ сосны-матушки, а тѣлъ человѣческихъ...

Ты уходи: благословляю. Дай Богъ тебѣ пути добраго.

И снова замелькали передъ Ивашкой горы, озера, камни, расплавленное серебро водопадовъ. Вонъ «Серебряная» гора: о ней говорятъ что тамъ внутри серебряная рѣка течетъ *).

Сказка, можетъ быть близкая къ правдѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

*) Залежи серебра были извѣстны послѣ и выговцамъ-скитникамъ. Не очень давно залежи открыты на Сегозерѣ. Позже открыто и золото.

Царевна Софья.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

На Москвѣ.

I.

Въ теремѣ царевны Софьи.

Хорошо, мирно и тихо въ «кельѣ» царевны Софьи. Посмотрѣть со стороны, это—монастырь.

Настоящая келья, гдѣ не знають ни суеты буйной тогдашней Москвы, ни другихъ интересовъ, кромѣ молитвы, да этихъ, правда, необычайныхъ для московской царевны «мірскихъ» книгъ. И этихъ обязательныхъ въ теремѣ русской знатной дѣвушки пялецъ съ хитрымъ вышиваньемъ.

И на мысль не придетъ, что въ этихъ хоромахъ нѣтъ мира. И не святыя грезы наполняютъ дѣвичью келью, особенно, послѣднее время послѣ кончины царя Өеодора.

Какъ звѣрь въ клѣткѣ, мечется послѣдняя царевна, «по ошибкѣ родившаяся женщиной». У нея уплывала власть: съ избраніемъ Петра власть перешла къ ненавистной мачихѣ и Нарышкинымъ. Погибло все, что пріобрѣла она при своемъ больномъ братѣ за шесть лѣтъ его царствованія. И приходилось замкнуться въ этой тѣсной кельѣ, жить затворницей въ тюрьмѣ-терему.

Если только мачиха съ Петромъ въ настоящую келью не запрячутъ,—думаетъ Софья.—Нѣтъ... Не хочу,—повторяетъ она десятки разъ на дню.—Я одолѣю... Не уступлю.

Послѣдніе дни жизнь ея кельи стала совсѣмъ необычайной: точно сплошное «машкерадное дѣйство» дѣялось. Каждый день стали появляться какіе-то невѣдомые иноки и ведутъ тайные разговоры цѣлыми часами. А царевна не была изъ

числа богомольныхъ: вѣдомо, значитъ, ряженые: слыхать, даже бояринъ «дядя» Иванъ Михайловичъ Милославскій и тотъ заходилъ въ рясѣ и скуфейкѣ.

И Голицынъ, «ближній царевнинъ другъ», портитъ свою красоту кафтаномъ какого-то блаженнаго.

А сегодня и совсѣмъ вопреки обычаю въявь пришли безъ машкеры. Милославскій Иванъ Михайловичъ, Хованскій,—«князь Тараруй», какъ его прозвали,—съ какимъ-то головой стрѣлецкимъ, Василій Голицынъ и даже самъ владыка-патріархъ. И совсѣмъ ужъ какъ будто неладны для терема слышатся рѣчи.

— Ну... что, дядя?—смущаясь начала царевна, не зная, какъ приступить къ видимо серьезному совѣщанію...

Можетъ, смущало ее, что двое изъ собесѣдниковъ. Хованскій и стрѣлецъ Юдинъ держались, какъ-то на-сторожѣ. какъ чужіе... Мало знаемые люди.

— Что скажу? А то, что опасно стало.

Стрѣльцы шевелятся... Раззадорили ихъ тѣмъ, что имъ покорились, да полковниковъ били кнутомъ за налоги и обиды, и теперь имъ уйму нѣту...

Бродятъ, какъ овцы безъ пастуха и кружала разбиваютъ, да начальныхъ людей бьютъ.

Только вотъ на послѣдяхъ стали имъ умные люди говорить, что недолго ихъ царство... Растолковали имъ. что Грибоѣдовы да Карандѣевы, коихъ кнутомъ били, птица мелкая. А настоящіе ихъ вороги повыше стоятъ—Языковы. тамъ Лихачевы, а пуще всего Нарышкины. Что имъ только немного поправиться, какъ они стрѣльцовъ въ три погибели согнутъ... И все нынѣшнее буйство имъ вымѣстятъ.

— Ну.. къ чему же ты это?—прервала царевна, не угадывая цѣли лукавой рѣчи.

— А къ тому говорю, что если имъ врачество указать, такъ они за него обѣими руками ухватятся.

— Что за врачество?

— Дѣло просто... Намекнуть имъ, что нужно-де всѣхъ старыхъ вымести; съ Нарышкиныхъ начать и новую власть уставить, которая всѣхъ ихъ вины забудетъ. Для чего. молъ.

Ивана устрашили и сами себѣ навязали вороговъ... Они ужъ поймутъ, что дѣлать...

Планъ былъ обдуманъ хитро и тонко: въ самомъ дѣлѣ, стрѣльцы стали немного пугаться отвѣтственности за послѣднія буйства и подсказать имъ, что и все правительство, при которомъ они шумѣли, можно «похерить»,—было бы геніальнѣйшей провокаціей.

И Софья поняла это. Впрочемъ, она знала, что и планъ этотъ давно проводится въ «дѣйство» разбросанными по Москвѣ агентами.

— А Нарышкины, чай, ужъ учуяли.

— У нихъ вся надежда на Матвѣева. Пріѣдетъ, молъ, успокоитъ. И вѣрно: любятъ его. Старикъ ловкій, ну да и тутъ нѣтъ худа безъ добра...

Милославскій снова умолкъ, точно выжидая рѣчей другихъ.

У Софьи, видимо, вертится на языкѣ какой-то вопросъ, но говорить еще боязно. Хотѣлось спросить: такъ какъ же быть... Что надумалъ «Лиса» Милославскій,—и что-то удерживало отъ вопроса: должно опять, хмурый видъ Хованскаго.

— Все въ рукахъ князя Ивана,—началъ опять Иванъ Михайловичъ, точно угадавши мысли царевны.

Не захочетъ онъ у Матвѣева быть на послугахъ. Да у него съ Нарышкинымъ на запяткахъ стоять за каптаной; Матвѣевъ-то, слышь, такъ ѣздитъ, по-заморскому... такъ онъ стрѣльцамъ разъяснитъ.

Князь Хованскій—человѣкъ храбрый, честный, но немного туговатый умомъ—смотрѣлъ растерянно. Онъ плохо еще понималъ въ чемъ дѣло... Нечуждый тщеславія, онъ мечталъ, пожалуй, о болѣе почетномъ положеніи, чѣмъ то, какое занималъ онъ, потомокъ Гедиминовичей, и Иванъ Михайловичъ билъ прямо въ цѣль, игралъ на его самолюбіи.

Но въ обстановкѣ совѣщанія ему чувствовались ложь и что-то темное, и онъ не рѣшался подать голосъ.

— А что мнѣ Матвѣевъ,—наконецъ, выговорилъ онъ,— старикъ хорошій.

— Хорошій-то онъ хорошій. Да норовитъ ужъ очень въ правители, не почтя тѣхъ, кто его родомъ постарѣе. Да и жёстокъ. Небось, стрѣльцамъ при немъ не гулять. Коли его власть будетъ, всѣхъ разошлетъ на рубежи. Да еще подъ начало поставитъ старыхъ воеводъ какому-нибудь, какъ онъ, новому выходцу.

По лицу князя было видно, что его задѣли за живое, и «Лиса» торопился пользоваться впечатлѣніемъ.

— А нужно тебѣ, князь, благо стрѣльцы тебя за Большаго чтутъ, за правду встать—за царевича Ивана. Обидѣли сироту, и никто за него не вступится. А почто его царства лишили... Чай не съ улицы подкинули. Царевъ сынъ, какъ и Петръ. А поможешь, тебѣ первая честь, какъ и по крови твоей надлежитъ.

— Ивана точно что обидѣли,—раздумчиво, точно еще не осиливъ всего, протянулъ Тараруй,—оно точно: ему бы царемъ быть.

— Вотъ постой за него.. Вѣди стрѣльцовъ къ Кремлю. Хотимъ, молъ, Ивана царемъ. А недруговъ нашихъ намъ выдай. Они за тобой-то, небось, пойдутъ.

Хованскій взглядами просилъ совѣта Юдина, но тотъ упорно и угрюмо молчалъ.

— Вѣдомо пойдутъ... И то говорятъ: какого-де мы выбрали царя... Быть намъ у бояръ въ ярмѣ. Еще какому-нибудь чужеземному непріятелю отдадутъ въ неволю. А то еще много говорятъ, что-де и вѣру христіанскую старую искоренять. Имъ бы дать молиться по старому... А?

— А по насъ, что и не дать... Пусть молятся. Мы, не какъ Матвѣевъ, новыхъ образовъ не заводимъ,—отвѣтилъ за царевну дядя.

— Чѣмъ ты благословишь, святый владыка,—обратилась къ патріарху Софья, видя, что тотъ хмурится.

— На царство Ивана благославляю. Самой тебѣ вѣдомо, неволей я Петра благословилъ. И отъ Нарышкиныхъ мнѣ сладости мало. А о вѣрѣ князь говоритъ что-то неладное, кажись.

Благословлю, коли ты мнѣ послѣ сама поможешь, ко-

ли Богъ приведетъ съ твоими врагами управиться, и церковныхъ...

Софья испуганно взглянула на патріарха и перевела взглядъ на Хованскаго.

Патріархъ смолкъ.

— Все будетъ, какъ хочешь владыка. И съ землей и монастыремъ,—торопилась замять Софья опасную рѣчь.—Только это дѣло намъ помоги вершить... Все будетъ...

Патріархъ уже понялъ неловкость заговорить о церковныхъ врагахъ при Хованскомъ и не возражалъ.

— А кто же править будетъ?—задалъ щекотливый вопросъ Юдинъ.

Милославскій, Софья и Голицынъ переглянулись.

— Кому же править, какъ не старшей сестрѣ, обыкшей уже въ дѣлахъ царства,—снова неудачно впутался не совсѣмъ толковый святитель.

— Нѣтъ, это будетъ неладно... Не достоитъ царствомъ бабѣ править. Неслыханно такое дѣло... Не надлежитъ,—отрѣзалъ Хованскій.

— Неслыханно,—подтвердилъ Юдинъ.

У царевны сверкнули глаза гнѣвомъ. Рука было поднялась для привычнаго гнѣвнаго жеста. Но она во время сдержалась и приняла скромный видъ инокини.

— Не думаю я о власти. И кромѣ меня найдется. Гдѣ мнѣ... Только бы Ивана возвести съ Петромъ рядомъ. А править найдутся люди постарше меня и поумнѣе и потверже... Изъ именитыхъ бояръ.

— Такъ, какъ же, значитъ, за Ивана, князь, подымешь стрѣльцовъ?—спросилъ «князь-дядя».

— Ладно... Приведу. Обидѣли сироту, вѣрно... Положитесь на меня, а я ужъ пойду... Дѣло есть... Благослови, святый владыко.

Князь Хованскій, видимо, торопился убраться. Его проводили и сразу собраніе стало оживленнѣе. Освободились отъ Тараруя.

— И зачѣмъ ты его привелъ,—обратилась Софья къ дядѣ.—Не нашъ онъ...

— Безъ него нельзя... Онъ намъ великая помога... Недаромъ его стрѣльцы «Большимъ» прозвали А окажется не подъ стать—уберемъ. Кабы поумнѣй былъ, не привелъ бы.

— Ишь ты. Свободу, вишь, еретикамъ,—воспользовался Іоакимъ возможностью дать выходъ гнѣву.—Не свобода имъ нужна, а костры: «Еретикамъ нѣсть иного врачеванія, паче смерти»... Такъ уговоръ-то помнишь, княжна. Вымести пора весь еретическій соръ,—дотла вывесть...

— Твое дѣло, владыко святой. Слова вопреки не скажу... Самъ видишь, мнѣ они не поддержка. Неприлично-де царевнѣ царствомъ править. А Пульхерія царица?.. Любо въ земляхъ иноземныхъ: не только правительницы, а самодержицы.

— Благословляю,—подтвердилъ патріархъ.

Милославскій рѣшилъ, что все сказано.

— Ну, а у меня все готово. Хованскій-то только печать приложилъ... И то онъ всѣ наши рѣчи повторялъ, что мы по стрѣльцамъ пустили. Наши орудуютъ. Ужъ по всей Москвѣ ходитъ слухъ, что Ивана отравить хотятъ... что и Ѳеодора то-жъ отравили. Одинъ человѣчекъ слухъ пустилъ, что стрѣлецкое войско и все распустить хотятъ, а то послать на ляха. А вотъ и списокъ нашихъ вороговъ: очистимъ Москву и некому будетъ намъ перечить.

Онъ вынулъ длинный свитокъ: Долгорукій, князь Юрій, да Михайло, Юрьевъ сынъ, Нарышкинъ Кириллъ Полуэхтовичъ, да Матвѣевъ, Языковъ, Семенъ-чашникъ. да дохтуръ, что царя отравой сморилъ, Гаденъ, да стольника Нарышкина дѣти: Аѳанасій, да Левъ, да Мартемьянъ, да Ѳедоръ...

На, вотъ, читай сама царевна.

— Ивана Языкова нѣту. И ворогъ, и больно онъ за старый крестъ распинается: еретикъ...

— Впишемъ,—поддакнулъ Милославскій.

Софья пробѣжала списокъ.

Ни одна жилка не дрогнула въ ея лицѣ, когда передъ нею стали проходить эти лица. обреченныя на казнь.

Въ головѣ ея даже не шевельнулась мысль, что въ эту минуту, когда она держитъ въ рукахъ страшный списокъ, имена, написанныя въ немъ.—еще не «звукъ пустой». а жи-

вые люди... Что они дышать, радуются жизнью, пьютъ жадными устами отъ кубка, любятъ, надѣются, окружены семьями *(Полевой)*. Для нея это были лишніе люди, бревно на дорогѣ, и она спокойно убирала это бревно.

— Можетъ и Хованскаго съ сыномъ сюда же? По ошибкѣ какъ-нибудь его задѣнутъ, а намъ посвободнѣй. Да и этого стрѣльца, что съ нимъ... Въ лѣсъ смотритъ.

— Ихъ время не уйдетъ... Подождемъ.

— Когда же?

— А тамъ увидимъ.

***

Тараруй въ это время ужъ хлопоталъ среди своихъ за Ивана, не зная, что его приговоръ подписанъ тѣми самыми людьми, которымъ онъ обѣщалъ служить... Что только на-время не внесенъ онъ въ *кровавый свитокъ*.

Шло 11-ое мая. Матвѣевъ былъ ужъ подъ Москвой, нужно было торопиться.

II.

Около Марьиной рощи.

Первую половину мая 1682 года проводили въ Москвѣ тревожно. Началась тревога со дня смерти царя Ѳеодора (27 апрѣля), и не только она не стихла, а все росла и множилась.

Какимъ-то темнымъ людямъ нужна была смута,—и ее усердно и умѣло сѣяли.

На что ужъ въ захолустьѣ поселился Ивашка Дмитріевъ, гдѣ-то чуть не у Марьиной рощи, а и сюда заглядывали невѣдомые люди и говорили, видимо, неподобныя рѣчи. Правда, въ этомъ углу поселилось много всякаго новаго люда. Жили и стрѣлецкія семьи, которымъ почему-нибудь было тѣсно на «слободѣ». Народъ, значитъ, былъ для смуты нужный. Заглядывала сюда не разъ какая-то старушка-нищенка, и—страшно сказать—ходитъ слухъ, что это—царевны Софьи мамка. И говорила, что-де царя отравили

зельемъ Нарышкины, черезъ лѣкаря Гадена. Да и Ивана отравить хотятъ. И будетъ тогда всѣмъ погибель: крестить станутъ въ нѣмецкую вѣру, а стрѣльцовъ разошлютъ въ рубежные города. Ходили какіе-то странники да юродивые, и всѣ въ одинъ голосъ: «Гибель,—говорятъ,—идетъ... Чернокнижника Матвѣева только ждутъ: наведетъ онъ на весь городъ тьму, и тутъ и Ивана изведутъ, стрѣлецкія и новыя слободы пожгутъ». А постельница Ѳедора Родимица деньги стрѣльцамъ раздавала: «постойте, молъ, за Ивана да за царевну».

Иванъ Дмитріевъ и его Дарьюшка, счастливо устроившіеся въ своей хижинѣ, не обратили бы вниманія на темныя рѣчи, если бы у нихъ не было болѣе вѣрнаго источника свѣдѣній.

Нопѣ подъ обѣдъ, 14 мая, напугалъ ихъ ужъ вѣстникъ настоящій: приходилъ братъ Ивана, Андрей, стрѣлецъ, близкій къ головѣ Юдину, правой рукѣ Ивана Хованскаго. И разсказалъ, что все толкуютъ вправду, стрѣльцы хотятъ итти въ Кремль сажать Ивана на царство и искать обиды на воеводахъ Долгорукихъ, Рамодановскомъ, Языковѣ за то, что тѣснятъ да обворовываютъ.

— И все бы то хорошо и по правдѣ,—говорилъ Андрей, — да кабы не быть ловушкѣ. Князь Иванъ Софьѣ вѣритъ, а она, кажись, смуту лжой сѣетъ. И хочетъ брата на брата натравить. И лиситъ все Милославскій Иванъ, а этой Лисѣ какая вѣра?

И повѣдалъ Андрей, что будто бы и списокъ есть измѣнниковъ, которыхъ повершить надо. И хотятъ завтра, покуда Матвѣевъ еще не вошелъ во всѣ дѣла. И Долгоруковы и Ромодановскіе, и Языковы, двое Нарышкиныхъ, цѣлыхъ семеро. И Артамона Матвѣева и врача Гадена. А какой Матвѣевъ измѣнникъ? Не знай, что и будетъ. Матвѣевъ Лисѣ бѣльмо на глазу.

Неудивительно, что послѣ этихъ рѣчей молодые Дмитріевы чувствовали себя непокойно; хотя дѣло ихъ касалось мало.

— Чего не можетъ быть, когда разгуляется народъ; тутъ другъ друга палить будутъ. И мало ли еще что. На дняхъ къ Дадьюшкѣ присталъ какой-то изъ важныхъ видно, слышь. стольникъ. И такія рѣчи говорилъ, что и думать совѣстно.

Кабы не деверь, что во-время пришелъ да выкинулъ стольника, не знай, чтобы и дѣлать. Сила бабья. А ушелъ пригрозилъ: ладно, говоритъ, усмиришься. И всѣмъ вамъ дамъ знать.

И теперь Дарьюшкѣ чудится злое, блѣдное лицо. И вотъ теперь ночь глухая, а ей не спится.

Во время смуты что хочешь сдѣлаетъ такой-то злодѣй.

И еще Ивашка пропадаетъ часто, дѣла у него какія-то. Не быть добру, не быть,—подсказываетъ сердце Дарьюшкѣ. И она досадуетъ на мужа, который спокойно спитъ. И Дарьюшка всячески старается заставить себя спать, но нейдетъ сонъ.

И вслушивается она: не слышно ли сторожевого набата. Не начали ли уже жечь Москву: да и не услышитъ въ такую ночь.

А ночь наканунѣ страшнаго дня была бурная и мрачная. «Холодный и рѣзкій вѣтеръ, переходившій временами въ вихрь, клубилъ на темномъ ночномъ небѣ громады облаковъ, громоздя ихъ другъ на друга, разгоняя въ разныя стороны, вновь сбивая въ сплошныя массы и погружая улицы, зданія, церкви и башни въ непроглядную непроницаемую тьму. Слышны были раскаты отдаленнаго грома. Временами яркая молнія охватывала полнеба, обливая волшебнымъ свѣтомъ башни и храмы Кремля» *(Полевой)*.

— Не къ добру, — повторяла Дарьюшка. — Кажись свѣтать начинаетъ.

«Тукъ, тукъ, тукъ», — стукнула щеколда у дверей.

Дарья вздрогнула.

— Кто тамъ?

— Отоприте добрые люди,—донесся чей-то молодой голосъ,—спасите отъ ночи.

Дарья торопливо разбудила Ивашку.

— Кто тамъ?

Осторожно отворили они калитку, освѣщая фонаремъ позднихъ гостей.

— Убогіе...

За дверью стоялъ молодой парень съ тонкимъ русскимъ лицомъ, въ простомъ холопьемъ кафтанѣ, придерживая рукой старика, одѣтаго, какъ нищій, изъ тѣхъ, что по святымъ мѣстамъ ходятъ, и, видимо, больного. Онъ еле держался на ногахъ.

— Вотъ отецъ занемогъ. Итти не можетъ... Укройте отъ ночи.

Не совсѣмъ обычный выговоръ обратилъ вниманіе Ивашки.

— Чтой-то, точно нѣмецъ по обличію: въ Архангельскѣ онъ нѣмцевъ-то наглядѣлся.

— Да чьи вы?.. Крещеный ли вы народъ?

Молодой человѣкъ, видимо, колебался.

— Гаденъ это, царевъ лѣкарь, а я—его сынъ. Крещены мы, и, коли Богъ у васъ есть, спасите,—рѣшился онъ, видя, что скрываться будетъ хуже.

— Гаденъ? Чернокнижникъ...—даже вскрикнула отъ испуга Дарьюшка, и передъ ея глазами точно пронесся бѣлый свитокъ, на которомъ написано кровью имя «дохтура».

— Ну, ты!—прикрикнулъ Иванъ.—Откуда ты знаешь, чернокнижникъ или кто? Вѣдомо, для смуты его приплутали. Да и разбирать некогда. Кто бы ни былъ,—не погибать чать... Онъ—нехристь, да мы-то крещены. Веди скорѣе, пока никто не видалъ.

Дарьюшка съ состраданіемъ и тайнымъ ужасомъ помогла юноши ввести больного отца. Еще бы: еретикъ, да еще, говорятъ, колдунъ. А все жалко.

«Господи, началось вѣрно»,—подумалось ей въ то же время.

Да, началось, хотя врачъ Гаденъ ушелъ изъ дома ранѣе начала: его предупредили о смыслѣ креста на его воротахъ, и кабы не болѣзнь, онъ, былъ, можетъ-быть, далеко отъ несчастной Москвы.

III.

15 мая 1682 года.

Еще не взошло и солнце. Небо только чуть зардѣлось. Легкій сумракъ еще покрывалъ голубымъ налетомъ предметы, скрадывая, стирая очертанія наиболѣе отдаленныхъ.

Москва спитъ. Спитъ крѣпкимъ предутреннимъ сномъ.

Узенькія тѣсныя улички пусты. Окна домовъ наглухо закрыты ставнями. Заперты тяжелыя массивныя ворота.

Тихо.

По временамъ гдѣ-гдѣ брякнетъ цѣпью собака. Загремитъ колотушка проглядѣвшаго зорю караульщика. Перекликнутся пѣтухи.

И больше—ни звука.

Спитъ городъ, спитъ и Кремль. За высокими зубчатыми стѣнами пусто, только стража не спитъ, бродятъ возлѣ всѣхъ входовъ, поеживаясь отъ легкаго утренняго холодка. Во дворцахъ тихо, ни въ одномъ окнѣ не видно никого, только въ опочивальняхъ мигаютъ тусклые огоньки передъ образами.

И вдругъ тишину ранняго утра разорвалъ рѣзкій набатъ: бомъ-бомъ-бомъ.

Кричащіе, волнующіе, мятежные звуки набата сорвались съ колокольни Ивана Великаго и понеслись надъ спящей Москвой. И едва успѣли донестись до земли первые звуки, едва смолкнулъ первый ударъ, гдѣ-то подхватили, и уже два колокола начали сѣять тревогу.

Потомъ еще и еще.

Прошла минута и всѣ «сорокъ сороковъ» московскихъ церквей вторили Ивану Великому. Всѣ, и большіе и малые колокола, разнесли повелительный, властный призывъ къ чему-то. Готовилось что-то важное, необыкновенное.

Вся Москва сразу пробудилась.

За запертыми воротами началось движеніе. Хлопали двери. Люди полуодѣтые выскакивали изъ домовъ и води-

ли испуганными глазами по небу, ища зарева. Думали, что вся Москва загорѣлась сразу. Но утреннее небо все было сѣровато-бѣло и только на востокѣ краешки облаковъ золотились первыми лучами невидимаго солнца. Не видѣли пожара, и еще большій страхъ охватывалъ поднятый съ постелей народъ. Ждали какого-то неслыханнаго несчастія.

Въ одномъ мѣстѣ говорили, что казанскіе и астраханскіе татары собрали войско и напали на Москву. Въ другомъ — говорили: Стенька Разинъ воскресъ и теперь мститъ за свою казнь—грабитъ и убиваетъ всѣхъ подъ рядъ и т. д.

Крымскій ханъ, турецкій султанъ, ляхи, Стенька, казанскіе татары—всѣ одновременно напали на Москву,— вотъ къ какому заключенію могъ прійти досужій человѣкъ, если бы такой нашелся въ Москвѣ, который бы переслушалъ всѣ толки перепуганныхъ москвичей.

На одномъ дворѣ старуха рѣшила, что настал Страшный судъ и стоя предъ образами кричала:

— Грѣшница я, Владычица - Матушка, Николай-Угодникъ, не погубите. Грѣшница я, грѣшница.

И всюду метались безъ толку, собирали въ кучу вещи. Плакали, кричали...

Но весь этотъ шумъ, вся суматоха не выходила за ворота. Улицы были попрежнему пусты. Никто не рѣшался итти навстрѣчу страшной, невѣдомой опасности. Самые храбрые осмѣливались только выглянуть за ворота и опять прятались, ничего не увидавъ.

Неизвѣстность продолжалась недолго.

Прошло не больше 20 минутъ, и къ звукамъ набата присоединились еще какіе-то звуки—рѣзкіе, отрывистые. Эти звуки усиливались, приближались по направленію къ Кремлю и скоро москвичи сквозь гулъ набата узнали барабанный бой, десятки барабановъ били тревогу. А за барабанами новый шумъ, темный, густой съ рѣзко взвивающимися по временамъ струйками — топотъ, ревъ, выкрики, шумъ оружія.

У всѣхъ щелей въ заборахъ, воротахъ появились испуганные нетерпѣливые глаза.

И москвичамъ представилось невиданное зрѣлище.

Впереди шли барабанщики всѣхъ 25 стрѣлецкихъ полковъ, за ними несли 25 развернутыхъ знаменъ. За знаменами шли стрѣльцы. Но на этотъ разъ вмѣсто правильныхъ рядовъ надворной пѣхоты, одѣтой въ разноцвѣтные (по полкамъ), зеленые, желтые, синіе и т. д. кафтаны, была безпорядочная, взбудораженная толпа. Всѣ были одѣты одинаково — на всѣхъ былъ одинъ нарядъ палача — красная кумачевая рубаха съ засучеными рукавами. Да сейчасъ стрѣльцы и не были солдатами, они шли исполнять роль судей и палачей.

Двадцатитысячная толпа двигалась къ Кремлю съ шумомъ, съ угрожающими криками.

— Выведемъ лиходѣевъ царскихъ.

— Всѣхъ Нарышкиныхъ перебьемъ.

— Отомстимъ за царевича Ивана.

Стрѣльцамъ сообщили, что Нарышкины извели зельемъ царевича Ивана и они шли мстить отравителямъ за царевича. Шли готовые на все, даже на осаду Кремля, съ пушками, со знаменами.

Былъ уже день, когда первые ряды стрѣльцовъ подошли къ Кремлю. Входъ былъ свободенъ, противъ ихъ ожиданія, и стрѣльцы сквозь Фроловскіе и Никольскіе ворота наполнили Кремль.

Многіе боярскіе дѣти попробовали оказать стрѣльцамъ сопротивленіе, но были избиты.

Это сопротивленіе слишкомъ незначительное, чтобы сдержать бунтовщиковъ, только раздражило ихъ.

Стрѣльцы собрались передъ Краснымъ крыльцомъ. Размахивая бердышами и копьями, они принялись кричать:

— Нарышкиныхъ сюда!

— Къ намъ на расправу лиходѣевъ... Подать сюда!

— Извели царевичей отравнымъ зельемъ,—теперь хотятъ Нарышкина Ивашку царемъ... Непопустимъ.

— Недаромъ примѣрялъ Ивашка вѣнецъ царскій!

— Мы ему мученическій примѣримъ. Подать сюда Нарышкиныхъ.

— Выведемъ вороговъ государевыхъ. Всѣхъ перебьемъ...

— Нарышкиныхъ сюда. А то все по бревнушку разнесемъ!

— Ивашку съ Аѳонькой, Артамошку Матвѣева...

— Долгорукихъ... Подать—отравителей...

— Нарышкины хотятъ царское сѣмя вывести. Мы ихъ выведемъ.

— Отплатимъ за государя Ѳедора Алексѣевича. Выведемъ измѣну.

— Перебьемъ всѣхъ бояръ, коль не выдадутъ царскихъ вороговъ. Подать сюда!

***

Ивашка не могъ усидѣть дома. Любопытство тянуло его къ Кремлю. «Что-то тамъ дѣлается,—заварилась каша большая, къ добру или худу»?

Напрасно умоляла его Дарьюшка — «не ходи, молъ... Нечего тебѣ тамъ дѣлать»... Онъ все-таки пошелъ. Уже около кремлевскихъ стѣнъ разыскалъ онъ своего братана Андрея. Онъ съ кучкой стрѣльцовъ стоялъ отдѣльно отъ толпы хмурый и злой.

На площадкѣ и въ стѣнахъ Кремля немного утихло. Стрѣльцы ждали выхода царицы и бояръ изъ дворца и на время пріумолкли.

Конечно, въ толпѣ шумѣли, переговаривались, бранились. Но прежняго дикаго рева не было.

— Они давно собираются весь царскій родъ перевести, Нарышкины-то,—убѣждалъ одну кучку какой-то изъ прислужниковъ Милославскихъ... — Пуще всего имъ Софья—бѣльмо на глазу. Чай слыхали, что царевна на похоронахъ говорила.

— На похоронахъ?

— На выходѣ къ Архангельскому собору. За гробомъ братацаря пѣша шла, за гробъ держалася, да какъ убивалася!

— Да вѣдь имъ соборами изъ теремовъ выходить не положено!?

— Ну, соборы соборами, а она вышла! И смотрѣть было куда, какъ трогательно, какъ она слезами обливается, да причитаетъ, да голосомъ ведетъ, да во весь народъ такъ и сказываетъ: «Отошелъ братъ Ѳедоръ отъ сего свѣта, нежданно-негаданно, отравили его враги зложелатели! Старшій братъ нашъ Иванъ въ цари не избранъ, и остались мы безъ матушки, безъ батюшки, безъ братца-царя, сиротами горе-горькими»...

— Неужто такъ и сказывала, что отравили?

— Я жъ тебѣ говорю,—своими ушами слышалъ!

— Отравили, вѣдомо... отравили,—поддакивала, не зная зачѣмъ замѣшавшаяся сюда баба-богомолка.

— Врачъ Гаденъ настоялъ зелья-то... Слышь, три ночи на лунѣ ворожилъ. И то зелье въ три дни сушилъ... И селезенку и сердце на тло ѣстъ...

Къ кучкѣ, гдѣ стояли братья Дмитріевы, подошелъ странникъ съ котомкой, въ скуфеечкѣ, должно быть, инокъ.

— А перво нужно вѣру отстоять... Вѣру нарушили.

— Дай Матвѣевымъ волю—не только крестъ истинный, аллилуію дотла истребятъ, а арганы въ церкви введутъ, какъ у люторовъ... Да колокольчики. И папу-бабу на престолъ посадятъ.

— Коли я еще въ Соловкахъ жилъ, былъ мнѣ гласъ въ дусѣ тонцѣ... Невѣдомый гласъ... Слышу это я: «Иди — говоритъ, — на Москву. Да пріиди ко всѣмъ вѣрнымъ моимъ и скажи: приспѣ, молъ, часъ. Постойте за аллилуію-матушку, да крестъ честной... Пожгите латынскія книги и чтобы было по-старому... Иди,—говоритъ,—иди».

Я и пошелъ.

— А ты, отецъ, въ Соловкахъ былъ? Когда?

— Всю осаду просидѣлъ... и біенъ былъ,—гордо отозвался «инокъ».

— А звать-то какъ?

— Паисіемъ зовусь. Священноинокъ.

— Не слыхалъ что-то,—протянулъ Ивашка.

— Гдѣ тебѣ, чай, слыхать... Подкеларемъ былъ...

— Не слыхалъ, хоть тоже всю осаду сидѣлъ,—улыбнулся Ивашка... Чудеса.

— Э... Э... Да, старый знакомый,—вмѣшался одинъ стрѣлецъ.—Кажись я тебя, надысь, у патріарха на дворѣ видѣлъ... Владычный келейникъ тебя сбитнемъ угощалъ. Чего же ты это общаешься съ еретиками?

«Подмутитель» понялъ, что онъ случайно попалъ въ просакъ.

— Видишь, какія времена пришли мирныя,—съ горечью заговорилъ Андрей.—Патріарховы холопы о крестѣ, да о сугубой аллилуіи заботятся... Не ладно.

— Не ладно... Не ладно,—поддакнулъ Ивашка.—Ишь-то—изъ Соловокъ, говоритъ. А по рожѣ—прямо изъ царева кружала.

***

Между тѣмъ, въ царскомъ теремѣ шелъ большой переполохъ.

Всѣ въ ужасѣ метались по дворцу. Не знали, что дѣлать. Выйти къ стрѣльцамъ никто не рѣшался. Послали, наконецъ, за патріархомъ.

Іоакимъ пришелъ блѣдный, дрожащій отъ страха. Онъ испугался демоновъ, которыхъ самъ же вызвалъ и не зналъ, чью сторону держать. Собрались всѣ бояре, царица, патріархъ и стали обсуждать положеніе. Началось совѣщаніе подъ яростные крики бунтующихъ стрѣльцовъ, недолгое, но всѣмъ оно показалось безконечнымъ. Всѣ ждали, вотъ сейчасъ ворвутся и перебьютъ всѣхъ.

Наконецъ, рѣшили итти и успокоить стрѣльцовъ, сказать имъ, что царевичъ живъ, показать его.

И снова остановка—кому итти: всѣ боятся, никто не рѣшается. Нарышкины попрятались. Ивана Нарышкина, котораго особенно настойчиво требовали стрѣльцы, спрятали подъ рухлядью въ чуланѣ, и, чтобы чуланъ не возбуждалъ подозрѣній, оставили дверь въ него открытой.

Время идетъ, крики стрѣльцовъ становятся все яростнѣе и нетерпѣливѣе. Ждать больше нельзя. Царица рѣшилась итти сама съ обоими царевичами. Патріархъ и бояре пошли за ними. Обоихъ царевичей наспѣхъ одѣли какъ попало, въ выходное царское платье.

Все готово. Пора итти. Дорого каждое мгновенье.

Но страшно... На площади уже нечеловѣческіе крики, какой-то звѣриный ревъ.

И опять остановка. Кому итти первымъ? Быть можетъ, перваго разорвутъ въ куски.

Царица снова рѣшаетъ. Она отворяетъ дверь и первымъ пропускаетъ царевича Ивана.

**
*

Терпѣніе стрѣльцовъ къ этому времени уже истощалось; уже раздались предложенія итти самимъ искать Нарышкиныхъ. Наиболѣе возбужденные тѣснились уже у самаго крыльца. Желѣзная рѣшетка, огораживавшая крыльцо, трещала отъ ихъ напора.

И вдругъ растворилась дверь изъ дворцовыхъ сѣней, и передъ мстителями за царевича Ивана на крыльцѣ появился онъ самъ—живой, невредимый.

Стрѣльцы остолбенѣли. Никто изъ нихъ не думалъ о возможности обмана, всѣ вѣрили, что царевичъ отравленъ.

Шумъ сразу смолкъ.

Царица воспользовалась затишьемъ и подвела обоихъ мальчиковъ Петра и Ивана къ краю крыльца.

— Смотрите, вотъ оба царевича здѣсь, живы. Лиходѣи наши смутили васъ. Смотрите сами, васъ обманули,—дрожащимъ отъ сдерживаемаго волненія голосомъ сказала Наталья Кирилловна и остановилась, смотря внизъ на огромную безконечную толпу. Эта толпа держала въ своихъ рукахъ жизнь ея братьевъ, племянниковъ, а, можетъ быть, и ея.

Толпа молчала. Стрѣльцы не знали, что имъ дѣлать. Предлогъ бунта, который привелъ ихъ сюда—месть за царевича, былъ отнятъ. Возбужденіе сразу прошло и его мѣсто заняла какая-то нерѣшимость, неловкость.

Заговорили.

— Чего же мы шли, повѣрили брехнѣ? Чай Цыклеръ мастеръ врать давно, всѣмъ вѣдомъ, а мы уши развѣсили.

— Заварили кашу Милославскіе, а расхлебывать ее не имъ, а намъ.

— Айда назадъ! Вдругорядъ умнѣе будемъ, не станемъ бунтъ подымать изъ боярскихъ сплетенъ.

Но агенты Софьи и Милославскихъ, разсѣянные среди стрѣльцовъ, нашлись.

— Ишь, нарядили. Опять намъ Гришку хотятъ посадить на царство. Царевича извели, онъ померъ.

— Это не царевичъ. Глаза отводятъ! Нарышкиныхъ сюда! Пускай покажутъ, гдѣ настоящій царевичъ!

Царица напугалась, но все же отвѣтила.

— Идите сами посмотрите ближе. Идите, кто раньше видѣлъ царевича. За что вы взводите на насъ такой поклепъ.

Предложеніе приняли. Живо притащили откуда-то лѣстницу и нѣсколько человѣкъ влѣзли по ней.

— Ты—царевичъ Иванъ Алексѣевичъ? Не извели тебя Нарышкины?—спросили мальчика.

— Я,—отвѣчалъ испуганный царевичъ.—Никто меня не изводилъ и жаловаться мнѣ не на кого.

Большаго удостовѣренія требовать было нельзя и стрѣльцы слѣзли. Однако не успокоились. Изъ толпы раздались новые крики.

— Хоть живъ царевичъ, а все убить его недоброхотовъ.

— Сейчасъ не тронули, такъ послѣ изведутъ. Мѣшаетъ онъ Нарышкинымъ.

— Видали, чай, какъ Ивашка-то съ Аѳонькой порфиру примѣряли!

Десятокъ-два Софьиныхъ «статистовъ» подхватили.

— Смерть Нарышкинымъ!

— Всѣхъ перебить!

На Красномъ крыльцѣ снова перепугались. Царица хотѣла увести дѣтей, но бояре запротестовали.

— Помилуй, матушка, они—защита наша. Ихъ не тронутъ, а съ ними и насъ остерегутся.

Опять заговорили, что дѣлать? Матвѣевъ предложилъ.

— Идите кто-нибудь, бояре, поговорите, пообѣщайте всѣхъ полковниковъ-обидчиковъ, и всѣхъ, кто стрѣльцамъ неугоденъ, наказать. Накажемъ, молъ, по строгу, только послѣ. Сейчасъ пускай идутъ домой. Теперь, я, чай, сговориться съ ними

можно; слыхать, одни горланы орутъ. Я самъ пошелъ бы, да меня, слышь, прежде всѣхъ рѣшили убить вороги наши,—пожалуй, пуще ихъ растравлю, а старой головы не жалко за царя сложить.

Выбрали четверыхъ: Шереметева, Черкасскаго, Голицына и Хованскаго. Бояре сошли внизъ.

Увидѣвъ депутатовъ, стрѣльцы замолкли и выслали своихъ выборныхъ для переговоровъ.

Черкасскій обратился къ выборнымъ стрѣльцамъ съ вопросомъ.

— Чего вы хотите? Царевичи оба живы, никто на нихъ и не злоумышлялъ. Это хорошо, что вы любите царя и не жалѣете себя для него. За это царица велѣла васъ благодарить. Но чего ждете еще?

— За царскій привѣтъ, бояринъ, спаси Господи. Мы рады за царей-государей всегда стоять,—отвѣтилъ Черкасскому высокій черный стрѣлецъ, съ умнымъ смѣлымъ взглядомъ.—А чего хотимъ мы, знаешь, мы не таимся. Мы царскихъ вороговъ и недоброхотовъ вывести хотимъ. Пускай царица прикажетъ выдать намъ на судъ нашъ,—какъ хотимъ, такъ и казнимъ всѣхъ лиходѣевъ и измѣнниковъ. Допрежъ всего Нарышкиныхъ, Ивана съ Аѳанасьемъ, за то, что на царя Ѳедора и на царевича Ивана зло мыслили и царскую порфиру къ себѣ примѣряли; Ромодановскаго за то, что Чигиринъ турскимъ и крымскимъ людямъ продалъ; Долгорукихъ, Михайла съ Юрьемъ, за многія неправды, которыя чинили они намъ, царскому войску: безъ уходу били кнутомъ, ссылали въ дальніе города, чинили хлѣбную и денежную недодачу; дьяка Ларіона Иванова, за то, что съ Долгорукимъ приличенъ, похвалялся —хотѣлъ нами безъ вины земляной городъ обвѣшать...

Стрѣлецъ продолжалъ читать по списку длинный перечень ближнихъ царскихъ людей, выдачи которыхъ они требовали съ обозначеніемъ ихъ винъ. Черкасскій и другіе бояре внимательно слушали его.

— Боярина Кириллу Нарышкина, стольниковъ Льва и Ѳедора...

Черкасскій качалъ головой—всѣхъ близкихъ у царицы. всѣхъ—никого не оставляютъ. «Милославскихъ рука—и смѣни оставить не хотятъ».

Стрѣлецъ, наконецъ, кончилъ.

— Мы перескажемъ царицѣ, какъ она положитъ, такъ и быть. Кто виновенъ—накажемъ. А пока идите домой.

— Сейчасъ пускай намъ выдастъ! Мы ждать не хотимъ!— снова выкрикнула купленная свора подстрекателей.

— Сейчасъ нѣтъ при царицѣ Нарышкиныхъ, и никого изъ тѣхъ, кого вы ворогами считаете. Кого она вамъ выдастъ? Идите, не пугайте царевичей, они еще младенцы.

Къ Черкасскому на помощь сошелъ Матвѣевъ. Старый бояринъ наблюдалъ за переговорами и, увидѣвъ, что выборные стрѣльцы настроены довольно мирно, рѣшилъ вмѣшаться.

— Здорово, молодцы!

— Будь здравъ, бояринъ,—отвѣчали стрѣльцы, удивленно поглядывая на смѣлаго старика.

— Вы что же здѣсь? Я васъ и не узналъ было, да вы стрѣльцы ли? Давно ли стрѣльцы усмиряли мятежи. Я помню при мнѣ не разъ вы государю служили. Вы Стеньку Разина смирили. Чигиринъ отстояли стрѣльцы и много заслугъ я знаю за вами. Не даромъ служилъ я долго государю. И царскимъ жалованьемъ, и вольностями, и почетомъ не изобижены вы были отъ государей. А теперь вамъ, видно, наскучило царское жалованье, да почетъ, что разомъ хотите заставить забыть всѣ прежнія заслуги? Хотите прослыть бунтовщиками, а не славными государевыми слугами? Одумайтесь. Коли чего недостаетъ, чѣмъ изобижены, скажите, я передамъ царицѣ. Чай. мнѣ повѣрите. что я не обману васъ, хоть вы и чтите меня за лиходѣя?

Матвѣевъ говорилъ громкимъ яснымъ голосомъ. Его рѣчь была далеко слышна, и она произвела на стрѣльцовъ впечатлѣніе. Боярина уважали и любили за его честность и справедливость.

Стрѣльцы скучились къ нему. Выборные были забыты. Говорили всѣ.

— Помилуй, бояринъ, какъ не вѣримъ!

— Сдѣлай милость, заступись: Долгорукіе царское жалованье грабятъ, во всемъ недодача!

— Полковники насъ въ холопей своихъ совсѣмъ обратили!

— Дьяки взятками замучили. Безъ посула ничего не добьешься.

— Заступись, бояринъ, мочи не стало!

Посыпались Матвѣеву со всѣхъ сторонъ жалобы.

Онъ спокойно и внимательно слушалъ, ласково глядя на говорившихъ.

— Вотъ такъ, такъ... Что нужно, все я передамъ царицѣ; она въ обиды ваши вникнетъ и супостатовъ вашихъ безъ грозы не оставитъ. Чего недостаетъ, все дастъ. И завсегда, коль въ чемъ обида, нужда, сказывайте. А бунтомъ—что? Вы только царскій гнѣвъ накличите. Одумайтесь вы, да и ступайте, чтобы воровскіе людишки на Москвѣ не думали, что славное стрѣлецкое войско за одно съ ними мятежи-бунты чинитъ!

— Мы не мятежники, бояринъ!

— Мы только за царевича вступились!

— Мы противъ государя никогда!

— Вѣрю вамъ. Прощайте, молодцы, помните, что я вамъ говорилъ. Коль нуженъ буду, что вспомните, покличьте. Прощайте!

— Прощай, бояринъ!

— Спаси Господи на добромъ словѣ.

Матвѣевъ съ боярами поднялся назадъ къ царицѣ.

Стрѣльцы послѣ его ухода какъ будто успокоились: крики смолкли, и снова заговорили о возвращеніи. Отдѣльныя кучки стрѣльцовъ поворотили къ выходу.

Дѣло Милославскихъ, казалось, было проиграно.

Растерявшіеся Милославскіе не знали, что дѣлать.

Выходъ былъ одинъ: провести нѣсколько человѣкъ своихъ въ самый дворецъ, пройти на Красное крыльцо, напасть на бояръ и кинуть двоихъ-троихъ на копья стрѣльцовъ, въ разсчетѣ, что пролитая кровь, какъ хмель, ударитъ имъ въ голову и снова подниметъ толпу.

Такъ и рѣшили. Кучка клевретовъ «князя-лисы» проскользнула во дворецъ, но они еще не успѣли осуществить свой планъ, какъ случай и неумная молодость Михайлы Долгорукова (сынъ начальника стрѣлецкаго приказа и его «товарищъ» по приказу) сдѣлали его, въ сущности, излишнимъ.

Не даромъ молодого сына князя Юрья прозвали—«Михайло —долгія руки, короткій умъ».

Неумный и чванный своею должностью товарища приказа вдругъ надумалъ разыграть грозное начальство.

Воспользовавшись спокойствіемъ стрѣльцовъ, онъ подошелъ къ краю крыльца и заговорилъ грозно, начальническимъ тономъ:

— Слушайте, вы, воры. Кто васъ привелъ сюда? Что вамъ здѣсь нужно? Да какъ вы смѣли выйти самовольно, безъ полковниковъ? Какъ смѣли въ Кремль явиться безъ кафтановъ? А? Батоговъ захотѣли? Такъ я вамъ прикажу дать. Крамольничать, воры. Расходись. Вонъ изъ Кремля! Зачинщиковъ перевязать и въ приказъ, слышали?

Рѣчь Михайлы, нелюбимаго стрѣльцами, чрезвычайно раздражила ихъ, но они еще сдерживались.

— Молчи, бояринъ, мы тебѣ не холопы,—крикнулъ ему кто-то.

— Да, я васъ своимъ холопамъ въ холопы отдамъ. Вы— воры низовскіе, а не стрѣльцы. Воры. Всѣхъ велю заутра на...

Но кончить ему не пришлось.

Взбѣшенная послѣдними оскорбленіями толпа вдругъ заревѣла. Въ одинъ мигъ рѣшетки, огораживавшія крыльцо, были сломаны, и передніе стрѣльцы вбѣжали на крыльцо.

Царица вскрикнула, и, прижавъ къ себѣ обоихъ царевичей, бросилась въ дальній уголъ. Бояре сжались кучей около нея.

Самъ Долгорукій поблѣднѣлъ и тоже хотѣлъ бѣжать, но не успѣлъ. Стрѣльцы схватили его на руки, подтащили къ краю крыльца и, раскачавъ, бросили внизъ—въ толпу.

Нижніе приняли его на острія копій, и бояринъ съ коротким жалобнымъ стономъ осѣлъ на копьяхъ. Потомъ мертваго или полумертваго сняли съ копій и изрубили бердышами.

Не успѣли еще сойти убійцы Долгорукаго съ крыльца, какъ изъ сѣней Грановитой палаты выбѣжала кучка стрѣльцовъ, ранѣе посланная Милославскими.

Они подбѣжали къ стоявшимъ еще на крыльцѣ царицѣ и боярамъ и, схвативъ Матвѣева, поволокли внизъ.

Черкасскій и царица уцѣпились за него. Бояринъ успѣлъ вырваться и, бросившись къ царевичамъ, схватилъ подъ руку Петра. Стрѣльцы вырвали.

— Пожалѣйте, пощадите старика,—со слезами просила за своего пріемнаго отца царица.

Но убійцы оттолкнули ее и продолжали волочь Матвѣева къ мѣсту, откуда только-что сбросили Долгорукаго.

Царица, закрывъ лицо руками, бросилась съ рыданіями въ уголъ. Царевичи плакали. У многихъ бояръ на глазахъ показались слезы.

Стрѣльцы дотащили Матвѣева, столкнули внизъ. Старикъ полетѣлъ прямо грудью на копья.

Озвѣрѣлые, пьяные отъ крови стрѣльцы съ криками прикончили его.

Бояре, опомнившись, въ ужасѣ бросились во дворецъ, унося царицу съ дѣтьми.

Стрѣльцы, окончивъ свое дѣло, всей массой съ ревомъ ринулись искать Нарышкиныхъ. Цѣлый день стрѣльцы оставались полными хозяевами Кремля. Они искали всюду —въ покояхъ царицы, царевенъ—перерывали всѣ вещи, постели. Въ церквахъ забѣгали въ алтари, искали подъ престолами и жертвенниками.

Убили Ѳедора Салтыкова, принявъ его за Аѳанасія Нарышкина. Убили князя Григорія Ромодановскаго, дьяка Ларіона Иванцова. Убивали всѣхъ, кто попадалъ подъ руки. Всѣхъ найденныхъ во дворцѣ вытаскивали на Красную площадь и тутъ убивали.

Тѣхъ, кого убили не въ Кремлѣ, приносили въ Кремль мертвыми и здѣсь ругались надъ ними.

А у Кремля стояла блѣдная отъ ужаса толпа, терроризованная стрѣльцами, не смѣвшая уйти или молчать. Смот-

рѣла и, на крики стрѣльцовъ послѣ каждаго убійства: любо ли? кричала:—любо.

***

Третій день продолжается кровавый пиръ.

Пьяные отъ вина и крови стрѣльцы бродили по городу, разыскивая утаившихся вороговъ.

По пути разбивали кабаки, и грабили случайныхъ прохожихъ.

На окраинѣ, гдѣ жили Ивашка съ Дарьюшкой, съ тревогою ждали исхода событій. Старикъ Гаденъ совсѣмъ разболѣлся, и въ горячкѣ лежалъ въ чуланѣ. Дарьюшка, уже забывшая, что это колдунъ и чернокнижникъ, заботливо ухаживала за старикомъ. Сынъ Гадена сидѣлъ около него угрюмый и мрачный: онъ плохо надѣялся на спасеніе. Иногда и Дарьюшка смотрѣла съ тревогой изъ калитки избешки.

И вчера и нынче близко бродилъ ея черный преслѣдователь. Дарья знала, что это стольникъ Петръ Толстой, принимавшій дѣятельное участіе не только въ подготовкѣ бунта, но и во всѣхъ стрѣлецкихъ убійствахъ.

И догадывалась, что онъ на этотъ разъ не ради ея одной.

Онъ что-то учуялъ: вѣроятно, подглядѣлъ иноземцевъ.

Тревога Дарьи была бы еще сильнѣе, если бы могла знать, что еще вчера стольникъ заглядывалъ въ оконце чулана.

Сегодня Дарьюшкѣ особенно не сидится. Сердце болитъ. И особенно ласково ухаживаетъ она за нѣмцемъ.

Вотъ точно шумъ какой донесся издали.

Да, вѣрно. Кричатъ. Ближе!

Вотъ можно уже разобрать отдѣльные выкрики:

— Туда... Тамъ слышь.

— Кто?

— Дохтуръ... Колдунъ... Гаденъ.

Мануэль блѣдный вскочилъ съ мѣста.

— Нашли...

Онъ заметался по чулану, не зная, что дѣлать.

Дарьюшка, убиравшая въ своей избѣ, замерла.

И вся вытянувшись, прислушивалась къ страшному шуму.

— Идутъ... За Гаденомъ,—кричалъ кто-то издали. Толстой ведетъ... У кружала остановились...

Это прибѣжалъ стрѣлецъ-деверь.

Крики, наконецъ, дошли до ушей больного.

Онъ поднялъ голову.

— Идутъ... Ну, воля Божія,—слабымъ голосомъ прошепталъ онъ.—Пришелъ часъ... А про сына-то знаютъ?—съ тревогой спросилъ онъ подошедшаго къ нему стрѣльца...

— Нѣтъ, кажись. Одного тебя поминаютъ. Должно не подглядѣли молодого-то.

— Слава Господу... Смилостивился. Ну такъ его, коль можно, поберегите, а мнѣ помогите-ка встать... Спаси васъ Богъ за жалость.

— Куда ты... На ногахъ не стоишь,—остановилъ было его стрѣлецъ.

— Ничего. Навстрѣчу пойду... Какъ-нибудь пройду шаговъ десятокъ. Да поскорѣе... Скорѣе нужно.

Дарьюшка понимала старика: въ самомъ дѣлѣ, онъ-то пожилъ. Нужно молодого спасать, и стала поднимать Гадена.

— Ты куда?—встревожился отецъ.

Мануэль сталъ накидывать опашень.

— И я пойду, помирать, такъ вмѣстѣ.

— Ни-ни... Не отравляй мнѣ послѣдняго дня. Мнѣ ужъ и такъ пора: умираю. Дай я благословлю тебя.

И старикъ положилъ руку на голову сына.

Дарьюшка и Мануэль плакали. Стрѣлецъ тоже смахнулъ слезинку.

«Ишь, нѣмецъ, а въ Бога вѣруетъ, а еще говорили чернокнижникъ»,—подумалъ онъ.

Но медлить было некогда.

Шатаясь, вышелъ Гаденъ изъ воротъ и пошелъ навстрѣчу смерти. Онъ торопился отойти подальше, чтобы отвести бѣду отъ добрыхъ московитовъ. Если встрѣтятъ не близко, такъ займутся однимъ имъ и забудутъ объ укрывателяхъ.

Вотъ буйная толпа совсѣмъ близко. Старика замѣтили.

— Здѣсь онъ. Держи... Вотъ онъ, колдунъ-то...

Толпа съ яростью бросилась на отравителя. Его разорвали бы въ клочки, если бы не начальникъ отряда.

— Не трогай... Поведемъ въ приказъ... Говори: ты дохтуръ Данила?

— Я...

Его связали и поволокли почти волокомъ.

Толстой что-то говорилъ стрѣльцамъ, но его не слушали, и стольникъ недовольно нахмурился.

Его планъ не удался. Натравить на Ивашку не пришлось.

О Мануэлѣ онъ не зналъ, и науськать на обыскъ было невозможно. Онъ однако вернулся, чтобы кинуть угрозу:

— Погодите вы, укрыватели... Доберусь еще я до васъ...

Но Дарья его не слышала: она плакала навзрыдъ.

А Ивашки не было и дома.

***

Гдѣ же былъ въ это время Ивашка?

Любопытство вмѣстѣ съ надеждой помочь какому-нибудь горюну заставило его всѣ дни толпиться среди буйной толпы стрѣльцовъ. Правда, еще въ первый день онъ убѣдился, что едва ли что можно сдѣлать съ пьяными стрѣльцами, которыхъ такъ ловко умѣли разжигать ловкіе «людишки» Милославскихъ.

Сколько просилъ онъ вмѣстѣ съ Юдинымъ не позорить Божія храма, когда изъ-подъ самаго престола лѣпной церкви Воскресенія тащили Аѳанасія Нарышкина и затѣмъ разсѣкли на части на паперти.

Не послушали...

Минутами ему казалось, что стрѣльцы трезвѣютъ, но стоило какому-нибудь «вору» изъ купленныхъ «княземъ-лисой» бросить ядовитое словечко и снова хмель убійства туманилъ голову.

Къ боярину Петру Салтыкову ходили просить прощенія за то, что по ошибкѣ убили его сына стольника Ѳедора.

Съ такой же цѣлью ходили къ старику Юрію Долгорукому, каясь, что «бѣсъ попуталъ». Разозлилъ ихъ Михайло и

они по дьяволью наущенію не удержались... убили его во злѣ—и теперь жалѣютъ. И кланялись въ ноги.

А послѣ этой сцены покаянія убили самого старика и выбросили его трупъ въ навозную кучу.

Какой-то холопъ наговорилъ ушедшимъ стрѣльцамъ, что-де грозится князь; молвилъ-де невѣстѣ: «Не долго имъ бунтовать, скоро будутъ висѣть на зубцахъ Бѣлаго да Земляного города... Щуку-де, съѣли, да зубы остались»...

И за эти неосторожныя, можетъ быть, даже не сказанныя слова, князь заплатилъ жизнью.

Все время умѣлая рука управляла безвольной толпой, и эта рука не знала пощады.

По списку все должно быть выполнено...

Эта рука предала и Ивана Нарышкина, который считалъ себя безопаснымъ въ чуланѣ вдовы царицы Мареы Матвѣевны.

Софья первая стала настаивать на его выдачѣ: «Брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ; не погибать же намъ за него всѣмъ»,—говорила она царицѣ Натальѣ...

Ей поддакивали бояре и настояли на своемъ. Даже когда Наталья послѣ соборованія и причащенія Ивана слишкомъ долго прощалась съ братомъ, не имѣя силъ оторваться отъ него, ее торопили.

— Сколько вамъ, государыня, не жалѣть, все отдать придется. А тебѣ, Иванъ, скорѣе бы итти, а то намъ за тебя придется погибнуть,—говорилъ старикъ Яковъ Одоевскій.

И Иванъ пошелъ на пытки и смерть. Съ ужасомъ слѣдилъ за нимъ Ивашка, когда его тащили въ Константиновскій застѣнокъ, потомъ на Красную площадь.

Темный стоялъ съ маленькой кучкой стрѣльцовъ-единовѣрцевъ, когда рубили на части молодого Нарышкина, почти мальчика.

Кругомъ толпа ликовала, смѣялась.

— Любо ли?.. Любо ли?..

— Любо...

И только одна, двѣ кучки сумрачно молчали на пьяные крики.

Прибѣжалъ, звеня веригами и крестясь большимъ крестомъ, юродивый Никита,—одинъ изъ учениковъ Аввакума,—съ образомъ Богородицы, съ которымъ вышелъ изъ церкви Спаса Иванъ Нарышкинъ.

Его поблѣднѣвшее лицо теперь свѣтилось жалостью и скорбью: онъ не смогъ или не хотѣлъ скрыть свое подлинное лицо, подъ обычной маской безсмыслія и смотрѣлъ скорбящимъ пророкомъ.

Вотъ онъ собралъ въ руку нѣсколько капель крови и брызнулъ въ толпу.

— На страданіе крещу... Сварили кашу изъ крови... Смотрите, какъ хлебать-то придется. Отслужили бѣсу обѣдню, милости онъ него ждите,—кричалъ Никита, стараясь отрезвить толпу, которая любила его слушать.

И потомъ падалъ на землю, цѣлуя икону Владычицы, и шепталъ, сбиваясь съ обычнаго тона.

— Обидѣли тебя, матушку. Обидѣли... Кровью Твой ликъ чистый забрызгали, окаянные... Предали Сына Твоего на растерзаніе...

Ближайшіе къ Никитѣ стрѣльцы, смущаясь, отходили, но толпа продолжала ликовать.

— Проймешь ихъ,—ворчалъ сосѣдъ Ивашки,—коли церквей своихъ не жалѣютъ,—престолъ чуть не опрокинули у Спаса... Остановишь ли ихъ, бѣсноватыхъ.

Ивашка окончательно рѣшилъ бѣжать скорѣе изъ ада кромѣшнаго и вдругъ застылъ.

На ту же площадь тащили Гадена.

— Нашли,—вздрогнулъ Ивашка.

Запачканный грязью, покрытый кровью, старикъ, видимо, ужъ не сознавалъ, что около него происходило.

Пытка въ Константиновскомъ застѣнкѣ погасила послѣдніе остатки и безъ того еле теплившейся жизни.

— Отравитель... Сознался... Въ пыткѣ все показалъ...

«Ядомъ,—говоритъ,—змѣи персидской, съ дурманомъ, царя опоилъ»,—слышались голоса...

Дохтура бросили на плаху. Ивашка стоялъ съ широко открытыми отъ ужаса глазами.

Онъ не слышалъ, какъ кто-то подошелъ къ нему и ударилъ его по плечу.

— А-а... а вотъ и утайщикъ, тотъ, что колдуна-отравителя пряталъ... Ну-те, братцы, и его.

Ивашка взглянулъ помутнѣвшими непонимающими глазами. Передъ нимъ былъ Петръ Толстой.

Иванъ почувствовалъ, что надвигается гибель. Къ его счастью, толпа была слишкомъ занята казнью «кудесника».

И спасеніе подоспѣло... Стрѣлецкій сотникъ изъ Воробьина полка, стоявшій въ толпѣ тѣхъ, «кому не было любо», быстро подошелъ къ Толстому.

— Укрыватель, говоришь. Взять его и отвести въ приказъ. допросить надо.

Три стрѣльца окружили Ивашку и повели.

Петръ Толстой снова проигралъ: Ивашку уводили, хоть правда, въ тюрьму, но представится ли другой случай сдѣлать вдовой красавицу изъ Марьиной рощи, кто знаетъ.

Онъ пошелъ однако слѣдомъ за стрѣльцами изъ боязни, что Ивашку выпустятъ: онъ чувствовалъ, что стража не изъ тѣхъ, кому нравилась заваренная Милославскими крутая кровавая каша...

Сзади снова донеслись тѣ же крики: любо, любо.

Это умиралъ подъ топоромъ колдунъ, лучшій и честнѣйшій изъ лѣкарей до петровскаго времени.

Кровь Ивана Нарышкина и Гадена была послѣдней.

Хмель проходилъ. Кровавыя воды дошли, наконецъ, до души самыхъ пьяныхъ.

Да и списокъ былъ законченъ. Подстрекатели временно могли отдохнуть.

IV.

У патріарха. Въ кельѣ.

Патріаршая келья давно перестала быть въ собственномъ смыслѣ монашеской кельей.

Правду Снѣгиревъ пишетъ въ своихъ «Памятникахъ о скромномъ жилищѣ святителя всей Россіи», «которое будто бы состояло изъ двухъ небольшихъ комнатъ со стрѣльчатыми сводами»...

Но онъ, кажется, забылъ, что кромѣ этихъ палатъ были еще вовсе не малыя «брусяныя хоромы» второго этажа. Да и эти малыя верхнія хоромы вовсе не обличаютъ большой иноческой скромности.

Сейчасъ мы въ «комнатѣ», т.-е. кабинетѣ, гдѣ святитель занимается дѣлами.

Кабинетъ гораздо больше того, въ какомъ видѣли мы царя Алексѣя.

Стекольчатыя окончины (рамы), нарядныя, съ травами и птицами «въ фигурныхъ съ орликами» рамахъ, уже однѣ показывали, что денегъ для «наряду» не жалѣли: стекло, тѣмъ болѣе «знаменное», т.-е. расписанное, стоило по тому времени большихъ денегъ.

Стѣны кабинета расписаны «бытейскимъ письмомъ», притчами евангельскими; на одной изъ стѣнъ висѣли два фряжскихъ листа «козмографіи». Въ переднемъ углу стоялъ стулъ «вседневный», т.-е. не парадный, однако рѣзной и крытый золотомъ. Подъ нимъ подножье—«лоскутъ писцовой бѣлый черевей на тафтѣ»...

Весь полъ убранъ коврами.

На столѣ, рядомъ съ чернильницей, шкатулкой чернаго дуба и печатью, на шелковомъ шнурѣ, серебряно-вызолоченныя зубочистки и уховертка.

Въ углу поставецъ «навоженъ красками». Въ немъ кубки серебряные, склянки нѣмецкаго дѣла, горшечки и барашки мурамленные, кружка чеканная золотая, два кувшина византійскіе. И чудное твореніе Бэнвенуто Челлини... Жемчужныя раковины въ видѣ женской груди, а надъ ней золотая, украшенная эмалью, головка, покрытая, вмѣсто волосъ, тремя змѣями. Двѣ змѣи уязвляютъ грудь... На головѣ два алмаза. Лагалище подложено бархатомъ зеленымъ. Фигура на стоянцѣ восточнаго хрусталя съ поддономъ. Стоянецъ обложенъ золо-

томъ и эмалью. Вмѣсто ножекъ четыре золотыхъ съ эмалью личины.

На стѣнѣ часы съ писаннымъ золотомъ кругомъ.

И въ сторонѣ библіотечка, въ которой вмѣстѣ съ Кормчей лежали: «дохторская книга» и знаменитый Люцидаріусъ— полная темныхъ и невѣжественныхъ разсказовъ о томъ, какъ земля устроена и какъ на ней люди живутъ. И по правдѣ сказать—святитель и Іоакимъ и даже Никонъ болѣе вѣрили разсказамъ этой книги о пупѣ земли и о людяхъ, «не имущихъ головы, а только на груди дыры», чѣмъ странному для нихъ «чертежу» великой «козмографіи».

Въ данную минуту святитель сидитъ за своимъ столомъ, съ интересомъ слушая, что ему докладываетъ дьякъ, Яковъ Поздньшевъ.

— Какъ ты тамъ написалъ «азъ», прочти и «добро».

«Хм»...—откашлялся дьякъ.

«Статія первая: Которыя раскольщики святѣй церкви противятца и хулу возлагаютъ и въ церковь къ пѣнію и ко отцемъ духовнымъ на исповѣдь не ходятъ, святыхъ Таинъ не причащаются и въ домы свои священниковъ со святынею и съ церковной потребою не пускаютъ и стоятъ въ томъ своемъ воровствѣ упорно и тѣхъ воровъ пытать, отъ кого они тому научены и сколь давно, и на кого они станутъ говорить, и тѣхъ оговорныхъ людей имать и разспрашивать и давать имъ межъ себя очныя ставки, а съ очныхъ ставокъ пытать, и которые и съ пытокъ начнутъ въ томъ стоять упорно жъ, а покоренія жъ св. церкви не принесутъ, и такихъ за такую ересь, по трикратному у казни вопросу, буде не покорятца, жечь въ срубѣ и пепелъ развѣять...

Статія четвертая: Которые люди ходили по деревнямъ и людей, которые въ совершенныхъ и малыхъ лѣтахъ перекрещивали и прежнее святое крещеніе нарицали неправымъ, а перекрещенье вмѣняли въ истину и тѣхъ воровъ, которые перекрещивали, хотя они церкви Божьей и покоренье приносятъ и отца духовнаго и св. Таинъ причаститься желати будутъ истинно и ихъ исповѣдавъ и причастивъ, казнить смертію безъ всякаго милосердія».

— Безо всякаго милосердія,—довольнымъ тономъ повторилъ патріархъ.

Добро... Коли царевна сіи статіи подписаніемъ утвердитъ, мы воистину зло пресѣчемъ у корене...

Вотъ у меня и попѣ въ погребу двое изъ такихъ-то.— Одного-то, должно, сожгутъ, а другого-то не хотятъ. Онъ, молъ, мятежу не чинилъ, а чего бы разбирать: оба братья родные, вѣдомо, одно творятъ. Одна сорная трава...

— А что, какъ стрѣльцы-то: баламутятъ ихъ,—обратился святитель къ дьяку.—Коли бы ихъ поднять, небось, статіи-то тогда обѣими руками подписали, съ перепугу...

— Слышно мутятся. Да здѣсь, кажись, внизу въ подъяческой Иванъ Ушакъ: онъ лучше тебѣ доложитъ, владыка святый.

— Ну? Здѣсь, позови-ка его сюда. Давно не былъ...

Хитрая, скользящая фигурка поддьяка проползла въ дверь. Поддьякъ сотворилъ метаніе и всталъ близъ стола.

— Ну, докладывай... Что вы тамъ творите?

— А все, государь, ладно...

— Мутятся?

— Я тебѣ ужъ, государь, сказывалъ. На полкѣ, въ Титовомъ полку, порѣшили подать о вѣрѣ челобитную, чтобы государь возстановилъ правую вѣру и честный крестъ. Чернослободецъ Семенъ Калашниковъ сулилъ челобитчика выискать.

— Ну, слышалъ... Сергія выискали!

— Выискали... Спервоначалу его, Савву Романова, просили, а онъ инока Сергія указалъ. Тотъ писалъ всю ночь и слышно вельми слезно. Коли читалъ, такъ всѣ плакали...

Владыка нахмурился...

— Слыхалъ я эти сказки...

Взглянувъ искоса на патріарха, поддьякъ понялъ, что хвалить Сергія, даже въ передачѣ чужого мнѣнія, не слѣдуетъ и поторопился добавить:

— Мой холопъ слушалъ: говоритъ, одни-де пустыя слова и вѣжества ни мало.

— Ну? Потомъ что? Ты говоришь Сергія-то смѣнили?

— Точно, къ Хованскому ходили. Тотъ похвалилъ. Но для спору Сергія не одобрилъ. Вижу, говоритъ, что ты больно смиренъ и тихъ, не рѣчистъ, и ухватился за Никиту попа. Порѣшили пренія требовать и чтобы скорѣе, до вѣнчанія царскаго.

— Да ты что про старое все... Мы и царей уже недѣля, какъ повѣнчали, а ты старое воротишь!

— А докладываю, что не успѣлъ прошлый разъ узнать.

Послѣ вѣнчанія еще созвали голку, опять въ Семена Титова полку, и положили написать челобитную покрѣпче да ширше. Написали въ двадцати столбцахъ. И по приказамъ ходили, за рукоприкладствомъ къ челобитнымъ.

— А стрѣльцы-то что?

— Больше половины согласны,—а восемь не хотятъ, хоть и говорятъ: «По старому, молъ,—чтобы вѣшать и казнить не дадимъ»...

— Не дадутъ... Такъ? Значитъ встанутъ?

— Нѣтъ. Не подъ силу имъ, владыка святой, встать. Не отдохнули еще. Всю свою силушку на Дмитріевъ день уложили. И нонѣ ихъ не поднимешь. Что хочешь,—то и дѣлай! Кабы Хованскій поумнѣе былъ, онъ бы и не зачиналъ теперича: отдохнуть бы далъ...

— Зато мы въ дальній ящикъ не отложимъ, поторопимся, а потомъ и прихлопнемъ статіями...—съ угрозой пошутилъ владыка, хлопая по свиткамъ будущихъ 12-ти статій.

— А выборные?—снова началъ онъ разспросы.

— Выборные ежедень пьяны. Нонѣ, ради того, что къ тебѣ въ гости пожалуютъ Хованскій съ товарищами, ихъ поятъ въ крестовой палатѣ. Они и пришли пораньше. И ужъ угостились...

— Нонѣ придутъ? Вотъ что? Будемъ, значитъ, гостей ждать. Они что же мѣшкаютъ. Скоро трапезовать надо.

— Ждутъ, какъ Хованскій отъ царевны принесетъ приказъ итти къ твоей святости.

— Ладно... Иди коль. Что-то мнѣ потрапезовать дастъ Тихонъ. Вторникъ нонѣ...

— Вотъ, владыка святый, принесли роспись.

Подскочилъ одинъ изъ «полутысячи» патріаршихъ стольниковъ.

Іоакимъ, забывъ о дѣлахъ, съ нетерпѣніемъ сталъ читать роспись—меню, нововведеніе, какое не знала тогдашняя Русь.

«Вторникъ, Іулія 3 день. Икра зернистая. Икра бѣлой рыбицы. Вязига подъ хрѣномъ. Прикрошка тѣлная. Присолъ щучей. Присолъ стерляжей. Щука паровая. Лещъ паровой Язь паровой. Линь паровой. Схабъ бѣлужей. Кружокъ тѣлной. Збитень. Шти съ кашей. Уха окуневая. Пирогъ косой. Уха карасевая. Пирогъ съ тѣлесы. Потрохъ. Пироги долгіе. Щука колодка. Пироги подовые. Звѣно бѣлой рыбицы. Пышки. Полъ головы осетрьи. Оладьи путные. Звѣно ставное. Сырники. Блины тонкіе. Блюдо карася. Блюдо преnья».

— Ладно... Хорошо, что калья-то есть... *)

А вонъ, кажись, два святителя идутъ... Не позвать ли ихъ потрапезовать... Вели, Петръ, прибавить еще что. Да ренскаго и романеи подать, какъ на гостяхъ.

Вошли митрополиты—нижегородскій Филаретъ и астраханскій Никифоръ.

Іоакимъ поднялся имъ навстрѣчу и облобызался по-гречески.

— Прошу гостей въ садишко... Въ палатку...—пригласилъ онъ и три святителя поднялись вверхъ, въ садъ.

Да, *поднялись*.

Смиренная фантазія Іоакима пожелала имѣть верховой садъ.

Онъ помѣщался *на крышѣ* казенной палаты. На бревенчатомъ мостѣ.

Насколько скроменъ былъ этотъ садишко, видно, напримѣръ, изъ того, что въ 1676 году туда для разсадки покупали: 30 тюльпановъ вялыхъ, 21 кустъ маку дивьяго, миру 16 кустовъ, турскаго ромаку 20 кустовъ, салату турскаго на 10 алтынъ, свеклы на 10 денегъ, 2 куста дымныхъ. Садили, кромѣ того, горохъ и бобы.

---

*) Калья—похлебка съ паюсной икрой и огурцами. Акад. слов., II., стр. 320.

Владыки помѣстились въ палаткѣ...

Побесѣдовать, однако, не удалось.

Тотъ же Яковъ Позднышевъ, доложилъ, что, молъ, «идутъ, ждутъ въ сѣняхъ крестовой палаты».

Патріархъ, не успѣвъ досказать о своихъ планахъ выстроить «чердакъ деревянный на столбикахъ точеныхъ съ рѣзными подзоринами и четырьмя точеными яблоками»,—спустился внизъ.

У дверей въ большой крестовой палатѣ кучкою стояли стрѣльцы.

Многіе были здѣсь въ первый разъ и съ любопытствомъ смотрѣли въ открытыя двери на иконостасъ передней стѣны, весь уставленный иконами, особенно на чудный образъ «Не рыдай мене мати» и «Отечество въ силахъ».

И на патріаршій золоченый стулъ...

— Вотъ, здѣсь, слышь, былъ образъ св. Анны, что въ Кашинѣ. Той, что святости патріархъ обнажилъ. Его сняли и сожгли, слышь...

А вправо,—вмѣстѣ съ Николой Можайскимъ,—былъ Ефросинъ Псковскій. Тоже сняли, персты, вишь, не ладно сложены, —разъяснилъ сѣдой стрѣлецъ.

При входѣ патріарха со святителями всѣ умолкли, нѣкоторые выборные подошли подъ благословеніе, посадскіе не двинулись.

— Почто, братіе, пришли къ нашему смиренію,—строго спросилъ Іоакимъ, проходя къ расписанному столу.

Отвѣчалъ Хованскій:

— Пришли къ твоему благословенію всякихъ чиновъ люди; побить челомъ о исправленіи православной вѣры, чтобы служба была въ соборной церкви по старымъ книгамъ...

Іоакимъ молчалъ... Ему рѣчь заготовилъ раньше астраханскій Никифоръ, но Іоакимъ не отличался находчивостью и не собрался отвѣтить сразу.

— Говори ты,—обратился Хованскій къ стрѣльцу Юдину.

— Мы пришли, святѣйшій патріархъ, къ твоему благословенію. За что старыя книги отринуты и какія въ нихъ ереси обрѣтаются, чтобы намъ про то вѣдомо было.

— Чада мои и братья! — отвѣтилъ патріархъ Іоакимъ, успѣвшій припомнить Никифорову запись,—не надобно вамъ судить и простого человѣка, кольми паче аріереевъ: они образъ Христовъ. Вы простого чина воинскаго люди и это дѣло вамъ не за искусъ. Не я вамъ патріархъ и не самъ себѣ такую тутоту восхитилъ, и не накупился на престолъ, а избранъ повелѣніемъ великаго государя и всего священнаго собора... Вы должны намъ повиноваться, а вы вмѣсто того намъ прекословцы и непослушаніи являетесь. Вы порицаете нашу вѣру, называете насъ еретиками. Никакого поврежденія въ вѣрѣ не сдѣлано, книги исправлены согласно греческимъ, древнимъ славянскимъ и Божественному разумѣнію; триперстный крестъ утвержденъ соборомъ и восточными патріархами и не сами мы все завели, но опять же отъ Божественнаго Писанія.

Отвѣчалъ Павелъ Даниловецъ—посадской.

— Истину глаголешь, патріархъ, епископъ—Христовъ образъ. Только ты запамятовалъ: и мы же Христовы тѣлеса. И народъ хранитель вѣрный благочестія. А еще скажу: носишь ты Христовъ образъ. А Христосъ, помнится мнѣ, рекъ: научитесь отъ Мене, яко кротокъ и смиренъ сердцемъ, а не срубами и казнями грозилъ. Велѣно начальникамъ служить, да не всѣхъ слушать. И ангела—если не право возвѣщаетъ. Что за ересь — двумя перстами креститься, по преданію. И въ божество и человѣчество крестимся. Зла тѣмъ не творимъ. отъ Божественнаго Писанія сіе творимъ. За что тутъ вѣшать и жечь.

— Мы за крестъ и молитву не жжемъ,—отвѣчалъ Іоакимъ, —а за неповиновеніе сожигаемъ.

— Понялъ. Жжете за неповиновеніе. А неповиновеніе въ крестѣ и молитвахъ. Будто, святый владыка, на одно выходитъ.

— И не мы жжемъ... Приказъ-то судитъ, а для казни отдаемъ градскому суду,—поправился святитель, понявъ, что сказалъ не ладно.

— Такъ, святый владыка. И Іуда не распялъ Христа, а только Пилату предалъ. И Пилатъ «умы руцѣ»: не повиненъ,

молъ, въ крови Праведнаго... Или и вы мнитися быти правы, убивая Христа чужими руками?

Глаза Іоакима вспыхнули злымъ огонькомъ, но отвѣтить онъ не нашелся.

Только «записалъ у себя въ сердцѣ» слова смѣлаго мятежника.

— Градской судъ казнитъ,—говоришь ты,—продолжалъ Павелъ.—А вотъ нонѣ проходилъ я мимо твоего низу. Мимо подъяческой. Внизу стонъ и плачъ...

Слышь, какой-то изъ нашихъ умираетъ... Замучили на пыткѣ. Онъ-то ужъ молчитъ, а братъ его еще кричать можетъ...

— Ты чей?—рѣзко прервалъ патріархъ.

— Посадскій.

— А звать?

— Павелъ.

— Такъ!

— Ты вотъ сказываешь, святѣйшій патріархъ,—вмѣшался стрѣлецъ Савватій,—что не за вѣру у васъ мучаютъ, а святитель нижегородскій моритъ въ тюрьмѣ діакона Іосифа и старцевъ Питирима и Игнатія и жесточайше томитъ, предавая хребты ихъ на раны и плещи на біеніе.

Митрополитъ Новгородскій стоялъ тутъ же, но молчалъ.

— А ты кто?—тѣмъ же звенящимъ угрозой голосомъ спросилъ Іоакимъ.

— Савватій зовусь.

— Посадскій?

— Стрѣлецъ.

Патріархъ снова умолкъ: вмѣсто отвѣтовъ—только «составлялъ списки».

Споръ продолжался, но вяло и лѣниво: стяжатели старой вѣры понимали, что здѣсь говорить не съ кѣмъ и не о чемъ и просили собора. А патріархъ упорно думалъ о кальѣ и о пирогѣ съ тѣлесы.

— Ну, идите, отцы честные, съ миромъ... Царскій указъ о соборѣ, коли соизволитъ царевна, князь въ приказы пришлетъ,—заторопился патріархъ.

Всѣ вышли хмурые и недовольные, понимая, что передъ ними стѣна—холодная и мертвая, не слышащая голосовъ, смущенныхъ совѣстей и болѣющихъ желаніемъ мира душъ.

Святители пошли трапезовать.

Снизу неслись чьи-то тихіе стоны *).

Внизу.

При патріаршемъ домѣ не было тюрьмы. Въ виду этого Никонъ и Іоакимъ обратили во временныя тюрьмы погреба каменные, расположенные какъ разъ подъ подъяческой палатой и подъ помѣщеніями тѣхъ судныхъ приказовъ съ семью судьями, о какихъ писалъ Павелъ Алепскій.

И никогда погреба не служили такой усердной службы, какъ около 1685 года.

Впрочемъ, тамъ немного.

На земляномъ полу кто-то стонетъ. Но кто? не видно. Золотая полоска свѣта освѣщаетъ только узенькую полосу среди тюрьмы.

— Къ солнышку бы...—слышатся стоны. Кто-то другой съ усиліемъ передвигаетъ несчастнаго. Вотъ онъ и въ свѣтлой полосѣ. Теперь его видно.

На лицѣ печать смерти: онъ, видимо, не могъ выдержать пытки. Руки мертвыя, выдвинутыя изъ суставовъ, лежатъ по бокамъ покрытаго кровавыми рубцами тѣла.

На лицѣ на минуту скользнула тѣнь радости: умирающій обрадовался лучамъ солнышка. Радость скользнула и померкла.

— Испилъ бы ты?—глухо говоритъ пересохшимъ голосомъ кто-то другой. Говорящаго все еще не видно. Онъ за предѣлами свѣтлой полосы...

---

*) Есть миссіонерская книга, излагающая преніе 3-го и 5 іюля. Она зовется „Никита Пустосвятъ" Историч. событіе. Содержаніе пренія изложено здѣсь фантастически и лживо. Насколько невѣжествененъ авторъ книги, показываетъ, напр., слѣдующее: патріархъ Іоакимъ ссылается у него на посланіе ап. Павла къ Кириллу и въ скобкахъ цитируетъ (1 Кир. IV. I). Аѳанасій Холмогорскій ссылается на Минологій, издан. въ 1727. А Никита цитируетъ „Поморскіе Отвѣты".

— Попа бы мнѣ... Придется умереть безъ попа...—тоскливо жалуется первый.

— Какъ его приведешь сюда, попа-то, въ волчьи палаты. Ну, да погоди... Придетъ Даша—я ей скажу. Може и найдетъ... Сторожъ-то тутъ добрый: кабы деньги—пожалуй и выпустилъ бы.

— Дарья отца Никиту призоветъ, или кого... Поп... про... сп...—сквозь силу процѣдилъ умирающій.—Будь милостивъ...

И впалъ въ забытье.

Одинъ изъ заключенныхъ, конечно, Ивашка.

Кто же другой?

Нашъ старый знакомый,—братъ Ивашки, псковичъ Игнатка.

На несчастье Ивашки—онъ оказался вмѣстѣ съ нимъ въ приказѣ, и родство, которе они не скрыли, было весьма опасно. Не даромъ по логикѣ Іоакима: братья, такъ одна негодная трава.

И, можетъ быть, именно ради брата, опаснаго мятежника, Ивашку «били кнутомъ и желѣзомъ жгли».

Но пытка для него была легче и онъ выстоялъ,—хотя, конечно, весь искалѣченный и измотанный.

И теперь думалъ о братѣ и о томъ, какъ достать попа.

Разговоръ, доносившійся сверху, вывелъ его изъ раздумья. Онъ узналъ голосъ.

«Это онъ, ворогъ... Толстой»,—догадался Ивашка.

Говорилъ въ самомъ дѣлѣ Толстой съ Позднышевымъ.

— Какъ ваши птицы поютъ?

Спрашивалъ стольникъ.

— Каки птицы? Патріарховы попугаи, что ли?

— Ну... Тѣ, птицы, что внизу?

— А-а-а!

— Ихъ дѣло приказъ порѣшилъ.

— Какъ? Слабенекъ приказъ-то. Чай, въ монастырь на работы...

— Нѣту... Вѣдь это перекрещики. Рѣшили нещадно. Вотъ у меня указъ-то.

— Ну-ка...

Дьякъ вытащилъ изъ-за пазухи свитки. Ивашка съ трудомъ поднялся на вывихнутомъ локтѣ и сталъ напряженно слушать...

... И вотъ тотъ Игнатка Дмитріевъ, посадскій изъ Пскова, на пыткѣ въ разспросѣ говорилъ: «до псковскаго-де пожару жилъ онъ во Псковѣ у товарища своего у Мартинки Кузмина и живучи училъ его старымъ книгамъ Кирилла Іерусалимскаго да книгу О вѣрѣ, а онъ-де, Игнатка, вѣруетъ тѣмъ книгамъ, которыя сперва печатаны блаженной памяти при государѣ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцѣ, а соборной-де, апостольской церкви онъ, Игнатка, ни въ чемъ не повинуетца и святыхъ животворящихъ Христовыхъ Таинъ причаститися нынѣшними просфорами не хочетъ и новоисправленнымъ книгамъ греческаго закону не вѣритъ и четвероконечному кресту не поклоняетца».

Да онъ же, Игнашка, винился и говорилъ: «У псковитянина-де, посацкаго человѣка, у посацкаго у Павелка Корнышева крестилъ онъ, Игнатко, во дворѣ его въ избѣ младенца—дѣвочку по старому Требнику въ три погруженія, тому назадъ лѣтъ съ пять, а нарекъ имя ей Евдокеей, а воспріемники-де были у того крещенія тетка его, Павелкова вдова Ѳеодосьица, а кумъ-де былъ онъ, Игнатко самъ; онъ же, Игнатко, въ томъ же году за Михайловскими воротами на Троицкой мельницѣ крестилъ у мельника у Кирки младенца дѣвочку же, а нарекъ имя ей Евдокеи же».

Боярамъ сіе чтено.

И великіе государи и сестра ихъ великая государыня благородная царевна указали и бояре приговорили:

Велѣть вора и раскольника зажечь въ кострѣ, сказавъ ему вину его и пепелъ разметать и затоптать...

— А-а-а!—разнесся по погребу тихій стонъ Ивашки.

.. Дальше, про другого-то, скорѣе,—торопилъ стольникъ.

... «А Ивашка Дмитріевъ, Соловецкаго монастыря бунтарь, съ пустяки показалъ»... быстрѣе зачиталъ дьякъ. Ну, это не важно... Вотъ... Бояре приговорили... Велѣть...

Ивашка не слышалъ приговора. Онъ мертвымъ пластомъ повалился на полъ.

Ивашка не слышалъ конца суроваго приговора, который читалъ Позднышевъ.

Не слышалъ онъ и разговора около его погреба послѣ ухода дьяка.

Говорилъ тотъ же Толстой съ кѣмъ-то другимъ, или, вѣрнѣе, другой: ему отвѣчалъ испуганный и измученный женскій голосъ.

— Муженька пришла навѣстить... Такъ. Не долго ужъ. Скоро будетъ на площади кнутомъ битъ и въ дальніе города сосланъ, коли ранѣе отъ кнута не сдохнетъ...

Собесѣдница (это была Дарьюшка, пришедшая навѣстить мужа) вздрогнула.

— Бояринъ, родимый, пожалѣй,—кинулась она въ ноги стольнику,—попроси... отпусти ты его мнѣ...

Дарьюшка рыдала, цѣлуя цвѣтные сапоги Толстого.

— Приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ—поговоримъ...

Дарья отшатнулась и приподнялась съ земли.

— Не пойму, что говоришь?..

— А поймешь... Приходи, поживи у меня недѣльку—потомъ отпущу: еще съ подарочкомъ отпущу.

И мужа вызволимъ... Живи себѣ мирно: никто не тронетъ... Акимъ ко мнѣ милостивъ...

Дарья поняла. Блѣдная встала она передъ патріаршимъ холопомъ. Ее шатало.

— Богъ тебя накажетъ, что надъ бѣднымъ человѣкомъ глумишься... Не попуститъ тебѣ Владычица.

И Дарьюшка отошла отъ «дьявола».

— А ты все-таки подумай. Авось и надумаешь...—смѣялся стольникъ.

— Небось вечеромъ придешь. Такъ спросишь около Власія на Арбатѣ: гдѣ, молъ, тутъ Толстой живетъ?

Дарьюшка, обезсиленная, измученная, опустилась около крыльца подъячьей палаты.

До ея ушей доносились стоны и они рвали ей сердце.

«Онъ, вѣрно, стонетъ. Ванюша мой... замучили, изломали, чай... А помочь нечѣмъ... Приди, говоритъ»...

Къ ней подошелъ патріаршій сторожъ.

— Что онъ тебѣ пѣлъ, стольникъ-то,—началъ онъ.

Дарьюшка кое-какъ разсказала.

— А, поганецъ! Отпущу, молъ, какъ придешь. А какъ онъ отпуститъ?.. Гдѣ у него сила отпускать-то? Вотъ мы можемъ, потому ключи у насъ... И тебя на грѣхъ соблазнять не будемъ. Дашь полсотни рублевъ—и все будетъ честь-честью. Твоего мужа выпущу почью. А самъ на низъ уйду. Я одинъ, какъ перстъ; чего мнѣ тутъ сидѣть: сладкаго мало.

— Полсотни... Нѣту у меня ничего... Какія полсотни. Все бы отдала, да нѣтъ...

Сторожъ отошелъ и Дарья осталась одна съ своей тоской.

«Господи, научи, что дѣлать... Коли итти? Грѣхъ-то какой? Господи.

Вѣдь измучаютъ. Сожгутъ».

— Дарья.. Ты?—донесся до несчастной женщины слабый голосъ.

Дарья прильнула ухомъ къ знакомой двери.

— Попа найди... Поскорѣе!

«Попа?»... Дарьюшка обмерла отъ горя.

— Неужто помирать хочешь?.. Ванюша? что ты? Она готовилась уже заплакать, какъ по покойникѣ.

— Не я. Братецъ умираетъ... Попа проситъ, чтобы по правой вѣрѣ былъ. Найди... Никиту попроси...

— А какъ введу-то, Ваня. Не позволятъ.

— Попроси. Може пустятъ... Подари что...

Сторожъ снова подошелъ къ Дарьѣ послушать о чемъ рѣчь: запрету на разговоръ не было.

— Принеси полсотни: пущу и попа. Да что: обоихъ, коли хошь, выпущу; мнѣ все равно—не жаль... Поищи, може, найдешь.

Дарья, не сознавая себя, отошла отъ двери и машинально пошла къ Спасскимъ воротамъ.

«Надо попа... Гдѣ? Никиту найду, до пользы-то что. не пустятъ, почти вслухъ говорила она, въ отчаяніи хватаясь

за голову.—Полсотни, полсотни... полсотни,—звенѣло у ней въ ушахъ... Господи, пошли смерть скорѣе... Или итти къ нему, къ срамнику, може, проститъ Господь. Нѣтъ. Нѣтъ. Умру лучше...»

И снова чудились пытки, дыба, кнутъ; ея Ваня, покрытый кровью. Разлука съ нимъ.

Все по прежнему она шла туда. И не замѣтила, какъ оказалась около своей избы.

«Владычица спаси»,—кинулась она къ кіоту. Забывъ всѣ молитвы, она о чемъ-то просила Царицу Небесную... Плакала, снова начинала молиться. И потомъ въ отчаяніи кинулась къ иконѣ Владычицы, чтобы поцѣловать, облить слезами Ея ризы.

Кіотъ пошатнулся. Что-то звякнуло и покатилось по полу.

«Что это?»

И вдругъ вздрогнула отъ радости.

На полу лежалъ серебряный слитокъ отца Корнилія.

«Послала Владычица... Царица Небесная... Выкупила.»—шептала Дарьюшка, обливаясь слезами.

Она слышала о слиткѣ отъ мужа, но успѣла забыть о немъ. И вотъ онъ здѣсь. Дарья понимала, что откуда бы онъ ни явился—этотъ слитокъ—все равно. Совершилось чудо. И плакала отъ счастья: Владычица смилостивилась и значитъ и Ивашка будетъ свободенъ.

Она торопливо пошла искать отца Никиту.

V.

Великая пря іюля 1682 г.

Со времени бунта прошло полтора мѣсяца и Кремль снова наполненъ «чужими». снова на Красной площади толпа. Но на этотъ разъ толпа пришла не за тѣмъ, чтобы убивать и грабить. Она пришла сюда разрѣшить свою религіозную смуту. Новшества Никона смутили народъ. Народная масса не знала—кому вѣрить. Сердце, даже тѣхъ—кто не пошелъ за стоятелями старой вѣры въ ихъ мученическомъ бунтѣ за правду

отцовъ—лежало къ старымъ книгамъ, по которымъ молились отцы и дѣды, къ старымъ обрядамъ. Многихъ уже не тянуло и въ церковь—новшества вызывали сравненія, наводили на грѣшныя мысли. Жалко было стараго. Но открыто встать противъ новаго, отказаться отъ новыхъ книгъ—многимъ мѣшалъ авторитетъ царя, признавшаго новшества, и привычка слушаться владыкъ.

Часть болѣе сознательная давно поняла, что оставаться съ владыками, «раздравшими церковь», грѣхъ. Но многіе еще недоумѣвали: куда итти—на чью сторону встать?

И сегодня, 5 іюля 1682 года, надѣялись получить отвѣтъ. Сегодня долженъ былъ быть въ Кремлѣ «соборъ» и патріархъ передъ народомъ хотѣлъ объяснить, какія ереси содержатся въ старыхъ книгахъ. Сторонники старыхъ книгъ должны были защищать ихъ.

Понятно, что народъ, бросивъ всѣ дѣла, повалилъ въ Кремль—должно было, наконецъ, рѣшиться—на чьей сторонѣ правда.

Патріарха еще не было—онъ служилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ. «Отцы»—защитники «старой вѣры» уже стояли передъ Архангельскимъ соборомъ съ зажженными свѣчами, за аналоями, на которыхъ были разложены книги, на одномъ лежали крестъ и Евангеліе, на другомъ икона Страшнаго суда. Это были—Никита, бывшій суздальскій попъ, извѣстный своею челобитной Сергій «адамантъ крѣпкій», инокъ Савватій.

Въ сторонѣ съ кѣмъ-то бесѣдовалъ Павелъ Даниловецъ.

Народъ тѣснился вокругъ, съ почтеніемъ смотря на нихъ. Слышались одобрительныя перешоптыванья.

— Вотъ,—это истинные служители Христовы.

— Не краснорожи, какъ никоніанскіе попы. Видать, что не чревоугодники.

— Да, не толсты брюха-то у нихъ, не какъ у архангельскаго владыки.

— Вѣрите ли, братцы,—на старый клобукъ поглядѣть и то сладостно. Видишь, что свои люди, не чужеземскіе выдумщики.

— А вѣдаешь ли ты, отколь рогатые клобуки пошли,—спрашиваетъ какой-то посадскій.

— Отколь?

— А въ Римѣ папежскомъ была на престолѣ въ папахъ баба еретица. Она и устроила себѣ клобукъ на подклейкѣ. А одинъ папа на флоренскій соборъ въ клобукѣ на подклейкѣ пришелъ и грековъ научилъ.

— Ишь, выставляютъ рожи-то: коли не для того клобуки, чтобы лицо смиренно закрывать иноческн.

Немного подальше шелъ другой разговоръ.

— Да въ правду-ль будетъ пря?

— Сказывали будетъ, стрѣлецъ знакомый сказывалъ.

— Чай, увильнетъ Акимъ, хитеръ онъ. Вѣдь знаетъ на-передъ, что нечего ему съ отцомъ Никитой претъся.

— Анъ нѣтъ. Хованскій, слышь, припугнулъ его.

— Ага, давно бы надо. А жарко, братцы.

Около Иверской пожилой мужчина, изъ посадскихъ, разсказывалъ о бесѣдѣ въ Крестовой палатѣ,—вставляя и то, что, можетъ быть, слышалъ гдѣ въ иномъ мѣстѣ.

— Приходятъ эвто, третьево дни къ патріарху,—онъ говоритъ:—не ваше-де дѣло о вѣрѣ разсуждать,—мы, говоритъ, на себѣ образъ Христовъ носимъ, вы насъ слушайтесь.

— А чево же Павелъ-то?

— А онъ говоритъ—образъ-то Христовъ въ сердцѣ кроткомъ, Христосъ, молъ, сказалъ: «Научитесь отъ Мене, яко кротокъ и смиренъ сердцемъ», а не въ срубѣхъ, да огнѣ Спасовъ ликъ.

— А патріархъ?

— Вы, говоритъ, невѣжи,—за букву «азъ» церковь раздираете. А ему Павелъ: дьяка Алмаза за букву «азъ» въ титулѣ царскомъ били батоги нещадно, зачѣмъ-де допустилъ написать обладатель, а не облаадатель. А у насъ «азъ» славу Сына Божія бережетъ отъ Арьевой прелести. Рожденна, а не сотворенна. Чего крѣпче!

— Уменъ Павелъ-то. Въ Писаніи хоть молодъ, а силенъ.

— Какъ стали уходить, Акимъ-то хотѣлъ его благословить никоніански, ну Павелъ не пошелъ—благослови, говоритъ, по-старому.

— Что же, благословилъ?

— Гдѣ тамъ, они стараго креста, какъ нечистый ладана, боятся. Пожалуй, царевна, милостей лишитъ, а царская-то милость ему дороже Бога. За власть онъ десять вѣръ перемѣнитъ готовъ.

Рядомъ шелъ споръ.

— Чѣмъ онъ хорошъ, Микитка-то,—говорилъ солидный, толстый купецъ, отирая вспотѣвшее лицо. Кабы былъ твердъ, а то отрекся, потомъ опять за старое.

— А ты бы не отрекся? Храберъ. Чай я не говорю, что онъ святой, а и святые отрекалися, ты про Петра апостола слыхалъ? Конечно, онъ не батюшка Аввакумъ, али Ѳедосья Прокопьевна, и не какъ соловецкіе мученики. А все—угодный Богу человѣкъ. Вдругорядь онъ не отречется, понятно страховато было впервый. Вонъ, соловецкій Никаноръ, сначала вѣдь тоже отрекся, а потомъ, какъ всякому дай Богъ, грѣхъ свой искупилъ. Мученической кончины удостоился. Ты бы, твое степенство, думалъ, что говоришь.

— Что же,—смутился купецъ,—я ничего.

Между тѣмъ, молебенъ въ Успенскомъ соборѣ кончился, а патріарха все не было.

Прошло довольно много времени, когда, наконецъ, къ народу вышелъ не патріархъ, а высланный имъ верхоспасскій протопопъ Василій.

Всѣ ждали, что протопопъ объявитъ о выходѣ патріарха, о порядкѣ спора.

Но онъ, вмѣсто того, всталъ на возвышеніе противъ угла Грановитой палаты и началъ читать печатное обличеніе.

Сначала народъ молча слушалъ, не разобравъ, что читаетъ Василій. Но, понявъ, вдругъ зашумѣлъ.

— Чего тамъ бормочешь?—слыхали вашу брехню. Лаяться вы дошлы. А ты—докажи.

— Шли патріарха самого,—чего онъ боится.

Стрѣльцы, не привыкшіе стѣсняться, бросились къ Василію и, вырвавъ у него изъ рукъ тетрадку, хотѣли бить и самого его. Протопопу пришлось бы плохо, если бы за него не вступился Сергій.

— Оставьте,—остановилъ онъ стрѣльцовъ,—онъ не самъ

собой пришелъ, его прислалъ патріархъ. Онъ человѣкъ подневольный—чего съ него взыскивать. Да и за что его бить, чай, вы не никоніане, чтобъ вмѣсто Божія слова кулакомъ вразумлять.

Стрѣльцы оставили Василія и даже возвратили его тетрадку. И блѣдный, перепуганный протопопъ снова началъ читать. Но кругомъ былъ такой шумъ, что чтенія не слыхать было и рядомъ.

— Когда же патріархъ, дождемся, что ли его?

— Онъ видно хочетъ, чтобы народу поменѣ осталось, прослушаютъ, дескать, вотъ, протопопа, наскучитъ и уйдутъ.

— А совсѣмъ напрасно отцы связались со стрѣльцами, чего отъ нихъ ждать добраго, чуть не по нихъ, они и съ кулаками, а насильемъ развѣ можно Божье дѣло вершить.

— Они еще и продадутъ отцовъ, имъ дай поболѣ вина и они, что хошь, отдадутъ. Говорятъ, ихъ выборные-то еще третьево дни, когда ходили съ отцами къ патріарху, перепились, да и грозятъ имъ: «посмотримъ-де, какъ-то будете отвѣчать патріарху и властямъ». Зря отцы имъ вѣрятъ.

— Пропьютъ...

— Какъ было не повѣрить? Вѣдь сами стрѣльцы-то послали за отцами. Писать челобитную, да давать отвѣтъ. Сами они захотѣли добыть старую вѣру.

— А по мнѣ, не надо было вѣрить. Свертѣли ихъ въ эти дни попойки, да всякій шумъ. Не до вѣры имъ. А коль есть добрые, тѣмъ пьяные нагадятъ.

А протопопъ все читалъ.

Наконецъ, Сергій, сжалился надъ нимъ.

— Всуе трудишися, человѣче. Никто не хочетъ слушать. Иди, и такъ скажи пославшему тебя.

Протопопъ послушался и ушелъ.

Патріарха не было. Но народъ не хотѣлъ уходить, не хотѣлъ и стоять, занимаясь празднословіемъ. И Сергія начали просить.

— Научи насъ, отче, отъ Божественныхъ Писаній, какъ избѣжать прелести никоніанскія.

Сергѣй поднялся на возвышеніе и сталъ читать соловецкія

тетрадки. Толпа сразу смолкла, внимательно слушая, и негромкій, чуть дребезжащій голосъ Сергія разносился далеко по площади.

Послышались вздохи, всхлипыванія, которыми толпа сопровождала чтеніе.

Сергій читалъ долго, наконецъ, истощенный трехдневнымъ постомъ, которымъ готовился къ собору, онъ изнемогъ и сошелъ съ возвышенія.

Но народъ снова просилъ.

— Отче, научи отъ Божественныхъ Писаній, какъ, живя въ міру, избѣжать сѣтей дьявольскихъ.

Сергій, чувствуя, что у него не достанетъ силъ, попробывалъ было передать тетрадки Саввѣ Романову. Но тотъ отказался.

— Не мое это дѣло, читай самъ, вы за этимъ и званы.

Сергію пришлось итти самому.

Но на этотъ разъ онъ читалъ недолго. Скоро изъ дворца показался Хованскій. Увидѣвъ его, Сергій прекратилъ чтеніе и сошелъ внизъ.

Хованскій попросилъ у отцовъ благословенія, приложился къ иконамъ. Потомъ передалъ вѣсти.

— Отцы честные, государыня-царевна указала собору быть въ Грановитой палатѣ. И сама она съ царицей будутъ тамъ и выслушаютъ васъ.

—Помилуй, бояринъ,—отвѣтилъ Никита, — какое мѣсто собору въ палатѣ. Здѣсь, передъ всѣмъ народомъ, должны мы свидѣтельствовать о вѣрѣ. Намъ прятаться въ палатахъ не къ чему,—худыя дѣла подъ кровомъ прятать нужно, а Божье дѣло нужно дѣлать всенародно. Пускай здѣсь патріархъ покажетъ отъ Божественныхъ Писаній: въ чемъ ересь въ старыхъ книгахъ, а мы отъ Писанія же покажемъ, что ихъ вѣра, никоніанская—латино-римская ересь. А народъ пускай самъ судитъ гдѣ правда, у насъ, или у никоніанъ, и за правымъ пойдетъ.

— Но здѣсь не мѣсто царевнамъ и царицѣ, а онѣ хотятъ быть на соборѣ.

— А я скажу, что на соборѣ имъ нигдѣ не мѣсто, не бабье это дѣло, государямъ слѣдъ на соборѣ быть, а имъ сидѣть бы въ терему.

— Я пробовалъ, отцы, да не собьешь ее. И я и всѣ бояре просили остаться въ своихъ покояхъ. Нѣтъ—на своемъ стоитъ. Ужъ вы, отцы, идите въ палату.

Въ это время на Красное поднялось человѣкъ десять подъячихъ и холоповъ, съ огромными кипами старыхъ книгъ.

* * *

Патріархъ, боявшійся итти передъ народомъ, нарочно собралъ всѣ книги, какія только можно было, и послалъ нести ихъ черезъ Красное крыльцо, чтобы показать народу, какъ онъ силенъ и запугать самихъ защитниковъ старыхъ книгъ.

Хованскій показалъ отцамъ:

— Вонъ, видите, въ палатѣ ужъ все готово, и книги принесли.

— Нѣтъ, бояринъ,—угрюмо покачалъ головой Сергій,—въ палату мы не пойдемъ, мы знаемъ оттуда намъ одна дорога—въ застѣнокъ иль въ срубъ.

Народъ, слушавшій бесѣду отцовъ съ Хованскимъ, вмѣшался.

— Не ходите, отцы, къ нимъ въ палату,—послышались голоса.—Патріарху нужно говорить о Божественныхъ Писаніяхъ передъ народомъ. А царевнѣ здѣсь не мѣсто—царямъ-государямъ нужно тутъ быть.

— Собору и свидѣтельству Божественныхъ Писаній нынче быть не время—уже поздно. А государыня-царевна выслушаетъ отъ васъ челобитную, а тамъ и отпускъ будетъ вамъ,—говорилъ Хованскій.

— Не пойдемъ, мы для чего пришли? Чтобы передъ народомъ показать Никонову неправду. Чтобы спасти его отъ соблазна латино-римской вѣры. Въ палату народъ, чай, ты не пустишь. Да и негдѣ тамъ будетъ народу, а безъ народу намъ и дѣлать нечего,—отвѣтилъ Сергій.—Да и боимся мы—отвыкли ужъ мы вѣрить патріарху.

— Не бойтесь, отцы, зла вамъ не будетъ, вѣрьте мнѣ, не патріарху: я вамъ говорю. И народъ пускай идетъ. Пускай идетъ съ вами кто хочетъ.

Отцы колебались.

Тогда Хованскій, который боялся упустить случай устроить хотя бы небольшое преніе, хотя чуть открыть глаза народу, рѣшительно сказалъ:

— Цѣлую крестъ, клянусь кровію Христовой: никто вамъ никакого зла не сдѣлаетъ, а коли будетъ что,—то что вамъ, то и мнѣ.

Отцы все молчали.

Наконецъ, Никита рѣшился.

— Отецъ Сергій, я ему вѣрю,—сказалъ онъ.

— Ну, хорошо,—согласился со вздохомъ Сергій.

Отцы помолились, потомъ Никита взялъ крестъ, Сергій—Евангеліе, Савва—икону Страшнаго суда и пошли. За отцами понесли аналои и книги.

Когда отцы, съ Никитой во главѣ, вошли уже въ сѣни Грановитой палаты, имъ встрѣтилась цѣлая толпа поповъ, шедшихъ съ верху. Увидѣвъ Никиту, попы заволновались.

— А, вотъ онъ, отступникъ, соблазнитель. Бить его.

Одинъ подскочилъ къ Никитѣ и схватилъ его за волосы. Другіе хотѣли бить, но шедшіе сзади стрѣльцы съ бранью оттащили ихъ.

На шумъ пришелъ Хованскій.

— Что случилось?

— Заступись бояринъ, вонъ попъ меня сейчасъ билъ,—бросился къ Хованскому Никита.

Хованскій негодовалъ.

— Я ничего не знаю, а ихъ набралось, какъ ярыжекъ кабацкихъ. Заковать этого въ цѣпи,—скомандовалъ онъ стрѣльцамъ,—и держать въ Стрѣлецкомъ приказѣ до моего указу. У меня будутъ буянить. А вы всѣ пошли вонъ,—крикнулъ онъ на поповъ.

— Идемте, отцы,—продолжалъ Хованскій,—теперь со мной вамъ худа не будетъ никакого.

— Не пойдемъ, бояринъ,—отвѣчалъ Никита,—въ западню ты насъ ведешь, и не дошли еще, а чуть не избили меня.

— Что же будетъ тамъ, какъ попадемъ въ палату,—сказалъ и Сергій.—Лучше намъ дождаться, когда патріархъ соборъ на-

значить при всѣмъ народѣ. А то неправды стало много—боюсь я.

— Я клялся вамъ, отцы, вы мнѣ не вѣрите. Неужели я клятвопреступникъ, чай, я не никоніанинъ. Видали какъ съ обидчикомъ я расправился. Чего же больше. Нѣтъ, отцы, вы обѣщали мнѣ вѣрить,—снова началъ уговаривать Хованскій.

— Коль обѣщали,—пойдемъ, отецъ Сергій. Что будетъ,—сказалъ Никита.

Наконецъ, добрались до палаты.

Низенькая, тѣсная палата была уже почти полна. На царскомъ тронѣ сидѣли двѣ царевны—Софья и ея тетка Татьяна Михайловна. Пониже были: царица Наталія Кирилловна, царевна Марія Алексѣевна и патріархъ. Направо отъ трона расположились архіереи, а налѣво бояре и выборные стрѣльцы.

Отцы разставивъ аналои, разложили на нихъ книги и приготовились къ спору.

— Зачѣмъ пришли вы въ царскія палаты и чего требуете отъ насъ?—началъ споръ Іоакимъ.

— Мы пришли,—отвѣчалъ Никита,—къ государямъ нашимъ—побить челомъ о исправленіи православной вѣры, чтобы дали намъ по отеческому преданію молиться.

— Не вамъ подобаетъ,—злобно смотря на Никиту, сказалъ Іоакимъ,—исправлять церковныя дѣла. Вы должны повиноваться матери святой церкви, пекущейся о вашемъ спасеніи. Книги исправлены съ греческихъ и нашихъ харатейныхъ книгъ по грамматикѣ, а вы грамматическаго разума не коснулися и не знаете, какую содержитъ въ себѣ силу.

— Мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, а о церковныхъ догматахъ,—рѣзко оборвалъ патріарха Никита, замѣтивъ въ его рѣчи намѣреніе просто протянуть время и кончить споръ ничѣмъ.—Зачѣмъ архіереи при осѣненіи берутъ крестъ въ лѣвую, а свѣчу въ правую руку? Почему свѣча и огнь честнѣе Креста Господня?

Отвѣчать Никитѣ вызвался было епископъ Аѳанасій.

— Вотъ и видать, что ты не разумѣешь...

— Что ты—нога—выше головы лѣзешь?—отстранивъ рукой Аѳанасія, закричалъ на него Никита, разсерженный слиш-

комъ явнымъ намѣреніемъ патріарха и архіереевъ «сорвать» преніе.—Не съ тобой говорю, а съ патріархомъ.

— Видали, что Никита дѣлаетъ,—вмѣшалась въ споръ Софья, только и ждавшая какого-нибудь повода сорвать бесѣду.—При насъ архіереевъ бьетъ, а что было, кабы мы патріарха одного на площадь къ нему пустили.

— Не билъ онъ, а только отстранилъ,—раздался изъ толпы чей-то возмущенный голосъ.

Но Софья пропустила отвѣтъ мимо ушей и продолжала къ Никитѣ.

— Тебѣ ли со святѣйшимъ патріархомъ говорить. Помнишь—самъ въ своемъ непокорствѣ и расколѣ каялся.

— Не запираюсь,—отвѣтилъ Никита. Понесъ я покаяніе за мечомъ, да за срубомъ. А на челобитную, которую я подалъ на соборѣ, никто мнѣ отвѣта не далъ изъ архіереевъ. Сложилъ на меня Семенъ Полоцкій книгу «Жезлъ», но въ ней и пятой части противъ того, что въ челобитной, нѣтъ. Изволишь—и теперь готовъ отвѣчать противъ «Жезла», и если буду виновать, дѣлай со мной, что хочешь.

Да вотъ смотри, царица. Вотъ Господь Саваоѳъ зритъ на насъ сверху. Видишь ли, какъ Онъ благословляетъ?

Никита указалъ на Саваоѳа, написаннаго на потолкѣ палаты и благословляющаго двуперстно.

— Не стать тебѣ съ нами говорить и на глазахъ нашихъ быть. Вели читать челобитную,—нашлась отвѣтить Софья.

— Замазать надо...—не удержался вслухъ выразить свой основной миссіонерскій принципъ менѣе умный первосвятитель.

Начали читать челобитную.

Софья внимательно вслушивалась, думая найти и тутъ что-нибудь, чтобы помѣшать и чтенію челобитной. Наконецъ, она услышала, какъ Арсеній и Никонъ назывались «еретиками».

— Если Арсеній и Никонъ еретики,—искусственно негодующимъ голосомъ говоритъ она,—то и отецъ нашъ и братъ еретиками стали. Выходитъ, что и нынѣшніе цари—не цари и патріархи—не патріархи, архіереи—не архіереи. Мы такой хулы слышать не хотимъ—что отецъ нашъ и братья—еретики. Мы пойдемъ всѣ изъ царства вонъ.

— И сказалъ Каіафа, что намъ еще свидѣтельства. Слышали хулу Его: повиненъ смерти,—грустно проговорилъ несдержанный Павелъ Даниловецъ. —И еще писано: Сказали фарисеи: аще отпустишь Его—не другъ кесарю.

Въ самомъ дѣлѣ, пріемы Софьи—прекратить пренія и запугать бояръ и стрѣльцовъ очень напоминали судъ надъ Господомъ.

И ветхіе способы убить истину не остались совсѣмъ безъ успѣха. Нелѣпая съ начала до конца рѣчь Софьи сдѣлала свое дѣло—произошло временное смятеніе.

— Зачѣмъ царевнѣ и государямъ изъ царства вонъ уходить, мы рады за нихъ головы сложить,—бросились утѣшать ее бояре.

Смутили они и кое-кого изъ стрѣльцовъ.

Правда, изъ толпы стрѣльцовъ послышались возгласы другого характера.

— Пора, государыня-царевна, давно вамъ въ монастырь. Полно царствомъ-то мутить.

— Намъ бы здоровы были цари-государи, а безъ васъ пусто не будетъ. Но Софья разсчитала вѣрно: стрѣльцы боялись новой смуты. Они устали.

Когда, наконецъ, кутерьма, поднятая Софьей, успокоилась, началось снова чтеніе челобитной, прерываемое странными замѣчаніями Софьи, на которыя даже бояре, «другъ на друга взглядываясь, улыбались».

Увидѣвъ неудачу своего миссіонерства, Софья перешла къ болѣе подходящему для нея дѣлу.

Она занялась выборными.

— Вамъ бы, свѣты, надо за насъ постоять. Да и вы въ томъ крестъ цѣловали, что за нашъ царскій домъ стояти.

Смотрите, какъ отца моего хулятъ...

Убѣжденія сопровождались обѣщаніями милости за помощь..

Выборные поддавались, иногда только кидали мелькомъ:

— Такъ-то такъ, но каменіемъ насъ рядовые закидаютъ.

Архіереи, не умѣя отвѣчать на напоръ Никиты, «уповательно» глядѣли на Софью. Они засыпали стоятелей древней

вѣры ссылками на книги, но самыхъ книгъ не открывали. Сослались на патріаршій свитокъ царю Ѳедору, но и его «на свидѣтельство не дали». И тоскливо ждали приказа Софьи: кончить. И она спасла ихъ.

— Ну, будетъ. Наслушались хулы. Быть собору въ пятницу...—рѣзко произнесла она и пошла изъ палаты.

Въ то время, какъ въ палатѣ шло преніе, народъ стоялъ на площади, ничего не слыша, не зная, что дѣлается въ палатѣ, и начиналъ уже волноваться. Безпокоились за участь своихъ, такъ какъ знали, чего можно ждать отъ патріарха и Софьи.

Раздавались уже голоса.

— Что же, долго ли мы будемъ стоять сложа руки? Тамъ, можетъ, отцовъ давно прикончили.

— Ай-да всѣ въ палату—выручай.

— Чего еще ждать. Тамъ, по-крайности, узнаемъ, какъ, что.

— Понадѣялись на стрѣлецкихъ головъ—продадутъ они отцовъ за чару вина.

— Для нихъ вѣра что,—они хоть въ турецкую пойдутъ.

— Идемъ,—чего тутъ.

Еще немного—и народъ хлынулъ бы въ палату.

Вдругъ толпа затихла—на Красномъ крыльцѣ произошло какое-то движеніе.

Всѣ глаза устремились туда.

Дверь изъ сѣней отворилась и на порогѣ показался Никита: блѣдный, взволнованный онъ не могъ говорить и только высоко поднималъ надъ толпой руку съ «крестомъ».

Надъ толпой раздался его слабый отъ волненія голосъ.

— Тако креститеся.

Въ его голосѣ не было ликованія... И онъ, и Сергій, и Савватій, и даже неумный Хованскій, понимали смыслъ пренія въ палатѣ: понимали, что преніе только «царевнино комедійство», что самая безпомощность владыкъ должна была только острѣе поставить вопросъ о другихъ способахъ доказывать истину, т.-е. ихъ «головахъ».

Не даромъ Хованскій тотчасъ приставилъ къ отцамъ «сто человѣкъ для обереженія».

Но толпа не понимала этого, обрадованная уже тѣмъ, что отцы цѣлы, она ликовала безпредѣльно и рѣшила, что правое дѣло выиграно окончательно; восторжествовала святая вѣра. Не попустилъ поруганія Господь. Вѣрили, что теперь можно опять молиться по старымъ дѣдовскимъ обычаямъ, читать и пѣть по старымъ книгамъ, безъ сомнѣнія, безъ боязни. Вѣрили, что если истина доказана,—она будетъ признана всѣми.

И умный Сергій счелъ за лучшее оставить толпу въ невѣдѣніи, уже ясныхъ для него, намѣреній Софьи и патріарха.

—Братіе,—раздался съ крыльца голосъ Сергія,—поблагодаримъ Господа за то, что далъ побѣду правому дѣлу. Кто хочетъ, идите съ нами къ Спасу—помолиться.

— Мы всѣ за вами, отцы святые.

Вся многотысячная толпа, съ утра стоявшая на площади, цѣликомъ двинулась съ отцами за Яузу въ церковь Спаса въ Чигасахъ.

Тамъ отцы соборнѣ отслужили торжественное молебствіе съ водосвятіемъ, съ колокольнымъ звономъ. Народъ, не вмѣщавшійся въ маленькой церкви, заполнялъ не только церковный дворъ, но и улицу.

Послѣ молебна народъ съ ликованіемъ расходился подъ торжественный пасхальный звонъ, разнося по всей Москвѣ вѣсть о побѣдѣ правой вѣры и концѣ испытанія для вѣрующихъ.

А въ Кремлѣ въ это время пьяные выборные уже торговались съ Софьей о головахъ Никиты и другихъ защитниковъ старой вѣры.

Наивно и ярко рисуетъ разложеніе «надворной пѣхоты, пропившей вѣру», Савва Романовъ.

«И обѣща имъ царевна,—разсказываетъ онъ,—чести и дары великія дати: перваго выборнаго Стремяннаго полка, пятисотеннаго Никифора Силина, велѣла написати въ думные дьяки; другого пятисотеннаго, прозваніемъ Барана, пожаловала въ дьяки же, а сына его въ верха велѣла взять: а инымъ дала по сту и по пятидесяти рублей и приказала *на погребахъ поити ихъ, чего похотятъ*. Они же паче отрекошася, глаголюще: намъ до сего дѣла отнюдь нѣтъ».

Въ Титовомъ полку ее встрѣтило сопротивленіе. Пятидесятникъ Авдій Артемовъ отвѣща: «мы, государыня, безъ братскаго совѣта новшныя дати не смѣемъ, прибьютъ насъ камнемъ стрѣльцы рядовые, егда пріидемъ въ полкъ».

«Царевна же повелѣ у нихъ все оружіе отобрати и грамоты жалованныя взяти и отказати имъ всѣмъ отъ царскаго двора, чтобы и на караулъ не ходили, како хотятъ, тако и жити». Но одумавшись, и на нихъ рѣшила дѣйствовать аргументами «царевыхъ кабаковъ».

Рядовые стрѣльцы, дѣйствительно, сначала были очень недовольны затѣями своихъ выборныхъ и нѣкоторыхъ посажали въ тюрьмы, а остальныхъ рѣшили перебить и по прежнему итти съ барабаннымъ боемъ къ патріарху. Но средства Софьи оказались сильнѣе ихъ воли.

«Въ то время присла царевна нѣкоего человѣка къ нимъ съ жалованьемъ, иже пришедъ, глагола имъ: Великихъ государей дворяне и вся надворная пѣхота, цари государи жалуютъ васъ погребомъ по ушату пива простого на десять человѣкъ и подѣльнаго также и мѣра вина и мѣра меду. Они же, егда услышаша все, всю ревность о старой вѣрѣ повергоша и всякъ десятокъ свой ушатъ подхваташе побѣгоша на погребы и вси быша пьяны зѣло».

И при этомъ мужественные защитники старой вѣры, которымъ отцы ввѣрили свою жизнь и судьбу православной вѣры, восклицали: «что намъ больше того жалованья и чѣмъ насъ великіе государи не жаловали».

Результаты мудрой политики Софьи были блестящи.

Въ пятницу, вмѣсто собора, былъ схваченъ стрѣльцами Никита. А во вторникъ, 21-го, когда настроеніе совсѣмъ выяснилось, скатилась на плахѣ его голова.

VI.

Новолѣтіе 1682 года.

День 1-го сентября—новолѣтіе—одинъ изъ самыхъ торжественныхъ праздниковъ въ старой Москвѣ.

Къ «дѣйству Новаго лѣта» съѣзжались въ Москву служилые люди, старые заслуженные бояре выѣзжали изъ своихъ вотчинъ, чтобы присутствовать при торжественномъ «чинѣ лѣтопроводства», наѣзжали и спеціальные посланцы отъ отдаленныхъ русскихъ областей.

Праздновалось новолѣтіе торжественно и пышно. «Дѣйство» обыкновенно совершалось въ присутствіи царя, всѣхъ бояръ, служилыхъ людей и всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ: всѣ собирались въ парадныхъ кафтанахъ, стрѣльцы со знаменами и оружіемъ. Толпы народа собирались со всей Москвы поглазѣть на «дѣйство» и побить челомъ государю, заполняли обыкновенно не только площадь, а и всѣ крыши. Иностранные послы нарочно пріѣзжали въ Кремль.

За цѣлую недѣлю до 1-го сентября плотники начинали устраивать передъ Краснымъ крыльцомъ помостъ для дѣйства. Царское мѣсто было особенно великолѣпно. Оно представляло точеный деревянный павильонъ въ видѣ часовенки съ пятью прозрачными слюдяными куполами тонкой нѣмецкой работы, поверхъ куполовъ вмѣсто крестовъ были поставлены золоченые чеканной работы орлы, внизу павильонъ былъ закрытъ слюдяными окнами. На другой сторонѣ помоста было устроено мѣсто для патріарха. Оно было проще—обыкновенное вызолоченое кресло, покрытое персидскимъ ковромъ подъ рѣзнымъ балдахиномъ.

Всю недѣлю толпились на площади зѣваки, возлѣ плотниковъ, дивясь на искусно сдѣланныя слюдяныя рамы, ажурные, словно кружевные купола.

Въ этомъ году царское мѣсто устраивалось больше, такъ какъ въ павильонѣ должны были помѣститься цѣлыхъ три трона для двухъ царей и Софьи.

Ждали, что въ этомъ году дѣйство, благодаря участію двухъ царей и правительницы, будетъ торжественнѣе, чѣмъ обыкновенно.

Но ожиданія оказались напрасными. 31 августа, наканунѣ новолѣтія, Софья прислала къ патріарху гонца съ извѣщеніемъ, что по нездоровью ни она, ни цари у дѣйства не бу-

дутъ, вмѣсто нихъ указала она быть у дѣйства начальнику стрѣлецкаго приказа Ив. Андр. Хованскому.

Софья боялась показываться въ Москвѣ. Боязнь новаго стрѣлецкаго бунта, которая заставила ее уѣхать изъ Москвы въ Коломенское, теперь еще больше усилилась подъ вліяніемъ нашептываній Шакловитаго, который, пользуясь своей случайной близостью къ правительницѣ, изо всѣхъ силъ старался запугать ее стрѣльцами и Хованскимъ. Хитрый дьякъ сумѣлъ оцѣнить значеніе стрѣльцовъ и добивался сверженія Хованскаго, чтобъ самому занять его мѣсто. Онъ понималъ, что начальникъ стрѣлецкаго приказа, если онъ будетъ умѣло пользоваться своей силой, можетъ стать первымъ лицомъ во дворцѣ, настоящимъ царемъ. Только нужно было умно пользоваться стрѣльцами, что было не по силамъ недалекому Тарарую и какъ разъ по плечу ловкому, пронырливому дьяку. И. Шакловитому удалось раздуть недовѣріе Софьи къ Хованскому до того, что она не только отказалась ѣхать въ Москву, но рѣшила убраться и изъ Коломенскаго, подальше отъ Москвы и Хованскаго.

Извѣстіе это обидѣло Іоакима: безъ царей и, стало быть, безъ ближнихъ бояръ дѣйство должно было выйти блѣднымъ, утратить всю торжественность. Не нравилось ему и назначеніе Хованскаго, извѣстнаго своей приверженностью къ «старой вѣрѣ».

— Скажи царевнѣ,—не сдержавъ недовольствія, сказалъ патріархъ,—напрасно обиды чинитъ народу и мнѣ. Безъ царей дѣйства—какъ нѣтъ. А коли вмѣсто себя она церковнаго раскольника, смутьяна поставитъ,—будетъ одно поруганіе вѣрѣ. Государямъ-царямъ я вѣрный слуга и обиды принимаю зря.

Несмотря на то, что гонецъ пріѣхалъ вечеромъ, вѣсть о томъ, что цари не будутъ къ дѣйству, сейчасъ же вышла на улицу и быстро распространилась по всей Москвѣ.

Городъ переполошился. Это былъ еще первый случай, когда цари отсутствовали на дѣйствѣ. Конечно, для такого необыкновеннаго происшествія стали искать и причинъ необыкновенныхъ. Причинъ искать долго не пришлось: она была у всѣхъ на умѣ—стрѣлецкій бунтъ. Слухи о готовящемся бунтѣ

уже давно ходили по Москвѣ,—и всѣ остановились на этомъ объясненіи.

Къ утру весь городъ зналъ, что во время дѣйства начнется новая смута пуще прежней.

Понятно, что охотниковъ смотрѣть на дѣйство нашлось немного. И утромъ 1-го сентября 1682 года Красная площадь имѣла необычный для этого дня видъ.

Площадь была почти пуста, только кое-гдѣ виднѣлись небольшія робко жавшіяся кучки зрителей.

Не было ни стрѣльцовъ, ни служилыхъ людей, обыкновенно окружавшихъ помостъ плотной стѣной и придававшихъ дѣйству особенно торжественный видъ. Не было и бояръ, и Хованскаго, замѣнявшаго царей, но они по чину дѣйства должны были выйти только къ концу его самой торжественной части.

Но вотъ патріархъ уже окончилъ литію, которая совершалась передъ дверями Успенскаго собора.

И подъ торжественный звонъ во всѣ колокола съ паперти собора къ патріаршему мѣсту двинулся крестный ходъ—съ хоругвями, съ крестами съ иконами. За иконами шли попы, архіереи и патріархъ, хмурый и недовольный.

Съ паперти Благовѣщенскаго собора, напротивъ, въ это время должны были итти къ помосту цари, теперь ихъ—замѣститель Хованскій и бояре.

Іоакимъ шелъ, не глядя впередъ и опустивъ голову: ему непріятно было увидѣть во главѣ торжественнаго шествія Хованскаго, своего недруга. Его вниманіе вдругъ привлекли перешептыванья шедшихъ передъ нимъ поповъ и архіереевъ. Недовольно поднялъ глаза Іоакимъ взглянуть, что за причина. Взглянулъ и, не вѣря себѣ, даже рукой провелъ передъ глазами, чтобы стряхнуть навожденіе.

Вмѣсто торжественной процессіи отъ Архангельскаго собора шелъ одинъ окольничій; ни Хованскаго, ни другихъ бояръ не было видно.

— Что это?—думалъ патріархъ,—неужели рѣшится пойти супротивъ царской воли? Неужели не придетъ?

— А може задержался? Чай, придетъ, посовѣстится,—вол-

новался онъ и, чтобы дать время Хованскому притти, нарочно замедлялъ шагъ.

Однако крестный ходъ уже вошелъ на помостъ, а окольничій все былъ одинъ.

— Что-жъ это онъ на смѣхъ что-ль одного послалъ. Пущай бы никого. А то... на издѣвку... Да и какъ смѣлъ этотъ притти. Не знаетъ, съ кѣмъ шутить, я покажу имъ какія со мной шутки.

Дѣйство было совсѣмъ погублено, и патріархъ былъ правъ,— появленіе окольничаго только еще болѣе подчеркивало это.

Вотъ и кончился ходъ. Патріархъ остановился, ожидая, но къ благословенію подошелъ все тотъ же окольничій. Не глядя, Іоакимъ благословилъ его и повернулся къ народу.

Но и тамъ было не то, что всегда. И тѣ небольшія кучки, что, не побоявшись слуховъ, пришли посмотрѣть дѣйство,— теперь не обращали вниманія на то, что происходило на помостѣ.

Всѣ оживленно толковали о чемъ-то постороннемъ. Многіе послѣ разговоровъ уходили, нѣкоторые почти бѣжали. Возлѣ помоста оставалась уже совсѣмъ незначительная кучка.

Іоакимъ прислушался къ тому, что говорили.

— Самъ слышалъ, чай, вчера, что говорили,—не стѣсняясь, во весь голосъ говорилъ высокій, пожилой мужчина своему сосѣду. Бунтомъ опять поѣдутъ стрѣльцы. Вонъ-вишь, ихъ тута нѣтъ. Выходитъ, болтали правду. Ни самого, ни рядовыхъ нѣтъ. Говорю, идемъ до грѣха.

Съ другой стороны старикъ тащилъ за рукавъ молодого парня, очевидно, сына.

— Ай-да, смотри, придутъ стрѣльцы, такъ поздно будетъ.

— Постой, тятя,—говорилъ тотъ.—Дай поглазѣть, занятно больно.

— Ай-да, говорю, проглазѣешь тутъ голову.

И безъ того маленькая кучка зрителей таяла на глазахъ патріарха.

Іоакимъ пошелъ къ своему мѣсту.

— Ну, погоди, Иванъ Андреичъ,—прошепталъ онъ, сжавъ зубы.—Попомнишь ты потѣшній денекъ.

***

Въ тотъ же день вечеромъ въ патріаршихъ покояхъ сидѣли самъ Іоакимъ и Шакловитый, только что пріѣхавшій изъ Коломенскаго.

Они сидѣли въ маленькой тѣсной комнатѣ, удаленной отъ парадныхъ горницъ. Все убранство комнаты состояло изъ небольшой божницы, стола и двухъ стульевъ, на которыхъ сидѣли патріархъ и его гость. Единственное окно комнаты было плотно закрыто ставнемъ снаружи и кромѣ того завѣшено и изнутри. Комната освѣщалась только блѣднымъ свѣтомъ восковой свѣчи, стоявшей на столѣ. Двери тоже были плотно затворены. Очевидно, собесѣдники находили нужнымъ прятаться.

— Прослышалъ я, святый владыка, объ обидѣ, какую учинилъ тебѣ Ивашка Хованскій,—говорилъ Шакловитый,—большая обида,—такой и снесть, по-моему, при чинѣ святительскомъ не можно. Непокорство такое и непочтенье татаринъ только, а не христіанинъ православный можетъ сдѣлать.

— Я своей обиды не помню, я—чернецъ смиренный, гордостью не возношусь,—«смиренно» отвѣчалъ патріархъ.—Обида Церкви, не мнѣ, рабу худому; такой обиды я не могу забыть. Поруганья вѣры я не прощу. А мнѣ обиды что, я къ нимъ привыкъ. И обо мнѣ напрасно говоришь, я не обиженъ...

Но голосъ и лицо Іоакима говорили совсѣмъ не то, что языкъ.

— Помилуй, владыка, такъ забывать себя грѣшно,—разжигалъ еще болѣе Шакловитый.—Обида тутъ прямая, ради священнаго сана ты не долженъ прощать.

— Христосъ намъ—наученье и примѣръ, Онъ заповѣдалъ прощать обиды,—все еще сдерживаясь, отвѣчалъ Іоакимъ.

— Припомни, сколько разъ ужъ ты прощалъ ему. Кто устроилъ бесѣду въ Крестовой палатѣ, кто устроилъ позорище въ Грановитой, на посмѣяніе церковнымъ раскольникамъ выставилъ тебя и всѣхъ архіереевъ. Все онъ, Ивашка, искусно напоминалъ Шакловитый.

Іоакимъ не выдержалъ.

— Небось, свое я отплачу,—вскочилъ онъ со своего стула. —Я... дай срокъ, я покажу...

—И нужно; ты, владыка, не въ мѣру мягокъ. Ты съ явнымъ раскольникомъ, своимъ обидчикомъ,—и чуть не другъ.

— Т-съ, погодь...—испуганно зашепталъ патріархъ. Онъ тебя зло мыслитъ. Вѣдь и Никиту онъ чуть не отстоялъ опомнясь. Когда бы не мудрость царевны, онъ бы и теперь тебя срамилъ. Ну, теперь поговоримъ о дѣлѣ.

Шакловитый заговорилъ тише.

— Я, чаю, ты, владыка, ищешь, чтобъ отъ своего лиходѣя избавиться. Дай-ка поразмыслимъ, какъ намъ его избыть.

— Т-съ, погодь...—испуганно зашепталъ патріархъ. Онъ вскочилъ, пріотворивъ дверь, выглянулъ за нее, потомъ снова плотно притворилъ..

— Про этакаго пса и говорить съ опаской надо,—не ровно услышитъ кто, да донесутъ ему. Забылъ ты, про кого мы говоримъ.

— Такъ ты, владыка, ради смиренья Тарарую меня не выдашь? За обиду, можетъ, добромъ ему заплатишь?

— Я уже сказалъ, обиды я не помню. А церковнымъ раскольникамъ и бунтовщикамъ я не потатчикъ. Онъ нынѣ супротивъ прямого царскаго указу пошелъ. Ужъ не впервой онъ, не повинуясь царской волѣ, по-своему дѣла вершитъ. Онъ государямъ—ворогъ. И за него я не заступникъ.

— Вотъ, правильно ты молвилъ, владыка,—ворогъ онъ государямъ. Самовластенъ онъ и гордъ, и непокоренъ. Все царство мутитъ Ивашка. Ужъ говорятъ въ народѣ,—де, сыну Хованскій царство готовитъ. Царевну, слышь, и государей по монастырямъ, а своего сына на царство.

— Неужто вправду?

— Говорятъ, я слышалъ, а провѣрять не намъ. Коли и ложь, такъ намъ она во спасеніе. Намъ разбирать теперь не время, только бъ ворога избыть.

— Для святого дѣла—все свято. Для блага земли и для спасенія вѣры отъ поруганья.

— Смутьянъ онъ, бунтовщикъ, я говорилъ давно царевнѣ, —убрать бы надо его, такъ нѣтъ,—она, вишь, боится стрѣль-

цовъ, да и на бояръ не надѣется, пріятели де Тараруя всѣ. И, дескать, зазорно отъ людей: онъ посадилъ меня на тронъ, а я его, взамѣнъ благодарности, да на плаху. Тогда, говорятъ, мнѣ нигдѣ заступы не жди, всѣ отъ меня уйдутъ.

— Что-жъ, развѣ не слыхала она про похвальбу-то, коли мыслитъ онъ противъ царскаго здоровья, такъ всякая заслуга не въ заслугу и супротивъ расправы никто не скажетъ.

— А что-жъ толку отъ слуховъ? Казни она по слухамъ, безъ суда,—все то же скажутъ. А судъ боярскій боярина по слухамъ не осудитъ. Имъ надо улики. А гдѣ онѣ? Хоть бы какой доносъ,—тогда бы другое.

— А если настрочить бы, Ѳедоръ Леонтьичъ, тебѣ,—робко бросилъ патріархъ.

По губамъ Шакловитаго пробѣжала еле замѣтная усмѣшка, онъ добился своего: Іоакимъ, всегда осторожный, трусливый, боявшійся сказать лишнее слово, говорилъ такія опасныя рѣчи.

— Настрочить,—легкое слово,—сказалъ дьякъ и, прищурившись, глянулъ на патріарха.—А знаешь ты, что будетъ за такое дѣло, коли Тараруй провѣдаетъ, кто настрочилъ.

— Ты по-опаснѣй говори,—боязливо оглядываясь, проговорилъ Іоакимъ, что ты: Тараруй, да Тараруй,—не къ мѣсту поминать зачѣмъ. Про пса и безъ клички я, чаю, можно говорить.

— Добро. А какъ же про доносъ, какъ напишу я: Ѳедоръ Шакловитый доноситъ-де, а на другой день на дыбѣ буду.

— Чай, ты не младенецъ,—не отъ своего имени, а отъ посадскихъ якобы и отъ стрѣльцовъ,—повинную-де мы несемъ, онъ подбивалъ-де на бунтъ, да на разбой.

Іоакимъ уже забылъ, что «ему примѣръ—Христосъ», забылъ, что «онъ обиды не помнитъ». Онъ «училъ» Шакловитаго, дрожа отъ злобнаго волненія.

— Такъ развѣ... и подлинно. Умнѣе не придумаешь.—одобрительно говорилъ дьякъ.

— Да ты пиши побольше, чтобы всѣхъ задѣло. Царевенъ-де по монастырямъ, царей губить хотѣлъ, а самъ на царство сѣсть, похвалялся, молъ, что родомъ онъ получше Романо-

выхъ—изъ Гедиминовичей. Не воровскаго, казацкаго ставленника внукъ, какъ нынѣшніе цари.

— Такъ, такъ, владыка,—удивлялся Шакловитый.

Положительно, подъ вліяніемъ обиды у патріарха явилась не только рѣшительность, но и умъ.

— Не забудь и про бояръ. Напиши-де похвалялся бояръ всѣхъ перебить. Да поимеппо тѣхъ, кто познатнѣе—Милославскихъ, Одоевскихъ, Черкасскихъ, Шереметевыхъ, чтобъ тѣ, что за пріятеля его считаютъ, не вздумали вступиться. Такъ вѣрнѣе,—бояре коль увидятъ, что онъ супротивъ нихъ шелъ, царевнѣ прекословить не будутъ.

— Вѣрно разсчитано, владыка,—восхищенно воскликнулъ дьякъ.—Такъ хорошо придумалъ, что подумаешь, что ты весь вѣкъ дьякомъ при разбойномъ приказѣ высидѣлъ...

Патріарха чуть покоробило отъ такой похвалы.

— Нужно итти, владыка,—всталъ дьякъ.—Дѣло не ждетъ. Прости.

— Какъ же доносъ? Сперва ты напиши, я очиню сейчасъ перо,—услужливо бросился въ другую комнату Іоакимъ.

— Нѣтъ,—улыбнулся Шакловитый.—своей рукой писать доносы, пожалуй, долго головы не сносишь. Отдамъ какому-нибудь приказному, иль, есть у меня холопъ грамотный, ему отдамъ. Благослови, владыка.

— Дай Богъ тебѣ успѣха,—сказалъ Іоакимъ и *благословилъ дьяка.*

На другой день утромъ на воротахъ дворца въ Коломенскомъ былъ уже прибитъ доносъ.

VII.

Именины царевны.

17-го сентября день святыхъ Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ Софіи. Именины царевны-правительницы.

Кажется первый разъ именинный день праздновался такъ необычно, какъ 17 сентября 1682 года, въ с. Воздвиженскомъ, гдѣ въ этомъ году жилъ дворъ.

День, который всегда, какъ свѣтлый праздникъ, праздновался милостыней нищимъ и тюремнымъ сидѣльщицамъ, тотчасъ послѣ обѣдни и государевой водки—боярамъ, окольничьимъ и думнымъ людямъ, начался *судомъ* надъ князьями Иваномъ и Андреемъ Хованскими.

Страшнымъ судомъ безъ подсудимыхъ и обвинителей, безъ опросовъ и ставокъ.

— Нинь, нашли день сидѣнье учинить,—ворчалъ князь Иванъ Андреевичъ «Большой» Голицынъ, которому очень хотѣлось спать послѣ государевой водки.—Да и видано ли дѣло: хотятъ судить, а за отвѣтчикомъ только-что послали. Хоть бы отдохнуть часокъ дали...

— Ничего, не долго протянутъ,—успокаивалъ его Троекуровъ,—слышь и смертная сказка готова. Только прочитаютъ: царевна съ Іоакимомъ попѣ передъ обѣдней порѣшили.

— Передъ обѣдней?—опѣшилъ Голицынъ.—Какъ передъ обѣдней?—Его тугой умъ плохо связалъ «смертную сказку» съ именинной обѣдней.

И еще болѣе недовольный, онъ, пошатываясь, двинулся въ палату, гдѣ начиналось «сидѣнье».

Оно въ самомъ дѣлѣ было очень коротко.

Черезъ часъ бояре уже сидѣли у переднихъ воротъ государева двора, ожидая осужденныхъ.

Князь Голицынъ Старшой даже успѣлъ вздремнуть на лавкѣ. Остальные нетерпѣливо взглядывали вдаль.

«Кажись, везутъ».

Въ самомъ дѣлѣ: по московской дорогѣ заклубилось облако пыли, а немного погодя на синевѣ хмураго сентябрьскаго дня, на сѣромъ пыльномъ фонѣ выяснилось нѣсколько всадниковъ, мчавшихся во весь духъ.

Передній всадникъ, одѣтый, какъ и всѣ остальные, въ кафтанъ стрѣлецкаго стремянного полка, держалъ въ поводу лошадь, на спинѣ которой лежалъ связанный начальникъ стрѣлецкаго приказа князь Иванъ Хованскій.

Онъ былъ плотно прикрученъ за руки къ сѣдлу, не связанныя ноги болтались по крупу, подпрыгивая при рѣзкихъ скачкахъ лошади. Нарядный праздничный кафтанъ былъ захватанъ

и въ нѣсколькихъ мѣстахъ изодранъ. Голова была тоже не привязана и тряслась и подпрыгивала на ходу, обметая сивой бородой пыль съ груди. Глаза на красномъ, отъ прилива крови, лицѣ были закрыты. Онъ былъ почти безъ сознанія.

За передовой кучкой ѣхало цѣлое войско изъ боярскихъ дѣтей и служилыхъ людей. Здѣсь тоже были связанные плѣнники, уже простые стрѣлецкіе выборные, сопровождавшіе Хованскаго.

Въ концѣ отряда везли Андрея Хованскаго, такъ же, какъ и отецъ, туго прикрученнаго къ лошади.

Оба отряда остановились передъ сидѣвшими возлѣ дворцовыхъ воротъ боярами. Изъ средины большого отряда выѣхалъ на огромномъ ворономъ конѣ начальникъ отряда князь Лыковъ.

Толстый Лыковъ, задыхаясь, слѣзъ при помощи стрѣльца съ коня, и подошелъ къ скамьямъ.

— Вотъ, бояре, по царскому указу, захватилъ я государскихъ измѣнниковъ князь Ивана Хованскаго и съ сыномъ Андреемъ. Куда укажете ихъ?

— Государыня-царевна указала суду быть здѣсь, въ великій день ей не докучать. Веди сюда,—отвѣтилъ Лыкову Шакловитый.

— Эй, снимите,—скомандовалъ бояринъ.

Хованскихъ отвязали и спустили на землю, не развязывая рукъ.

Въ первый моментъ оба плѣнника не могли стоять безъ посторонней помощи. Давъ имъ немного поразмяться и укрѣпиться на ногахъ, провожатые толкнули ихъ къ боярамъ.

Тараруй, чуть опомнившись и разглядѣвъ гдѣ онъ, заговорилъ, волнуясь и задыхаясь.

— Бью вамъ челомъ, бояре, на Лыкова Михайлу. Заступитесь. Разбоемъ онъ съ товарищами изъ стольниковъ и стряпчихъ и изъ городовыхъ дворянъ напалъ на меня, когда я, ѣдучи поздравлять царевну-государыню, присталъ въ своей палаткѣ передохнуть. Побилъ онъ моихъ людей и меня связалъ. И меня облыжно лаялъ измѣнникомъ и лиходѣемъ, ворогомъ царскимъ. И ввезъ сюда, какъ своего холопа... Заступитесь, бояре.

— Никто тебя не обидѣлъ. Бояринъ Лыковъ князь Михайло по царскому приказу ѣздилъ за тобой,—отвѣчалъ опять Шакловитый.—Измѣнникомъ тебя онъ назвалъ не облыжно, да тебѣ на этакое словно обижаться не пристало.

— Что же, бояре, неужели правда, что государи за вѣрную службу такое жалованье намъ указали дать? Что же вы молчите? Скажи хоть ты, Михайло Алегуковичъ,—кивнулъ Хованскій старику Черкаскому и, забылъ, что онъ связанъ, потянулъ правое плечо впередъ, показать на него рукой.

— Чего тебѣ еще—объявлено тебѣ вѣдь дьякомъ,—не глядя на него отвѣчалъ Черкаскій.—Государи не за службу тебя хотятъ казнить, а за измѣну, за умыселъ на ихъ царское здоровье, на патріарха и на всѣхъ на насъ бояръ и многія другія вины. Да прочитай имъ сказку,—махнулъ онъ Шакловитому.

Дьякъ всталъ и, доставъ изъ кармана листъ, началъ медленнымъ ровнымъ голосомъ:

«Лѣта 7191 сентября въ 17 день слушали великіе государи и сестра ихъ...»

— Брось это,—нетерпѣливо, гнѣвно дернулъ плечомъ Хованскій.—Слыхали мы, какъ пишутся указы. Ты дѣло читай—какія за нами противъ государей вины...

Дьякъ, не обращая вниманія, медленно вычиталъ начало указа.

«Великимъ государямъ вѣдомо учинилось, что бояринъ князь Иванъ Хованскій, будучи въ приказѣ надворной пѣхоты, а сынъ его бояринъ князь Андрей въ судномъ приказѣ, всякія дѣла дѣлали безъ великихъ государей указа. По розыску и свидѣтельствамъ оказалось, что оный князь Иванъ Хованскій роздалъ многую государеву денежную казну безъ указу, всякихъ чиновъ людямъ позволялъ ходить въ государевы палаты безъ всякаго страха съ наглостью и невѣжествомъ»...

«Сказкѣ» не было конца.

«Вмѣстѣ съ раскольниками ратовалъ на святую церковь: оберегалъ церковныхъ мятежниковъ отъ казни...»

Читалъ дьякъ обвиненья одно за другимъ, какъ изъ неизсякаемаго источника сыпались они изъ устъ дьяка.

Хованскіе молча стояли и слушали. Но не одинаково слушали отецъ и сынъ.

Таратуй насмѣшливо, гнѣвно улыбался, онъ думалъ, что ему ничего не будетъ стоить оправдаться отъ этихъ обвиненій и его только сердило то, что приходится терпѣть эту унизительную процедуру суда ему, знатному бояришу, князю Гедиминовичу.

Андрей, который былъ умнѣе отца, понялъ, что ихъ пѣсенка спѣта. Что если ихъ рѣшились тронуть, то живыми отпускать было слишкомъ опасно, и Софья и патріархъ на это не рискнутъ. И онъ не улыбался. Андрей закусилъ губы и носкомъ сапога рылъ землю, слѣдя глазами за разлетавшими крупинками песку, и запоздалыя ненужныя думы бродили у него въ головѣ.

«Опаснѣй надо было жить. Вѣдь, почитай, безъ стражи вездѣ бывали. И отецъ съ полсотней стрѣльцовъ въ такое разбойничье гнѣздо, къ измѣнникамъ изъ стремянного поѣхалъ. А я ужъ думалъ: у себя въ своей деревнѣ не достанутъ... Сами виноваты»...

Онъ посмотрѣлъ на сидѣвшихъ передъ нимъ бояръ. Внимательнымъ, пытливымъ взглядомъ прошелъ онъ по смущеннымъ лицамъ большинства. И надежда, все еще державшая, окончательно исчезла у него.

«Да, видно намъ конецъ,—вздохнулъ Андрей.—А надо было беречь себя для вѣры. Что будетъ теперь безъ насъ, кто оборонить ее отъ поруганья. У насъ была сила. А кромѣ силы они ничего не боятся. И при насъ не постыдились расправиться съ Никитой. А послѣ насъ имъ бояться нечего—грѣха для нихъ вѣдь нѣтъ. Что будетъ?.. Что будетъ? Мы виноваты. Погубили и вѣру и себя... Да что себя»...

И вдругъ рѣзкой болью застонало сердце.

Въ первый разъ съ ареста вспомнилъ онъ о себѣ, о своей семьѣ. Сразу заполонило и умъ, и сердце молодая, любимая жена и пятилѣтній сынишка.

Вытянувшись всѣмъ тѣломъ, напрягая связанныя руки, поднялъ онъ смятенный, ищущій помощи взоръ къ небу.

— Господи, защити... Тебѣ служилъ... Тебѣ... Безъ лжи... Какъ умѣлъ... Спаси...

Но прошла минута и Андрей снова сумѣлъ овладѣть собой, снова забыть о себѣ, о своихъ личныхъ печаляхъ.

А дьякъ кончалъ уже свою безконечную «сказку».

«Да сентября во второе число объявилось на нихъ, князя Ивана и князя Андрея, подметное письмо: извѣщаютъ московскій стрѣлецъ, да двое посадскихъ...

Призывали они ихъ къ себѣ въ домъ и говорили, чтобы помогали имъ доступать царства московскаго...

Убить обоихъ государей, да бояръ побить»...

Дьякъ повысилъ голосъ и медленно, отчеканивая каждое слово, началъ перечислять имена бояръ.

«Одоевскихъ троихъ, Черкасскихъ двоихъ... Голицыныхъ... Шереметевыхъ»...

И уже быстро зачиталъ онъ, заканчивая «сказку».

«Послалъ смущать по городамъ и селамъ... Подучалъ, чтобы побили воеводъ и приказныхъ... бояръ и боярскихъ людей... Чтобъ выбрали царемъ его—князя Ивана»...

И ровный, спокойный голосъ дьяка убивалъ надежду и у Тараруя, и тугой на соображеніе князь Иванъ понялъ, что если сплели такую «сказку», значитъ крѣпко рѣшили покончить съ ними.

Вотъ дьякъ снова повысилъ голосъ.

«Великіе государи и сестра ихъ указали, и бояре приговорили: по подлинному розыску и явнымъ свидѣтельствамъ и дѣламъ, и тому извѣстному письму согласно, казнить смертью».

Наступило молчаніе.

— Такъ, значитъ, вы, бояре, по доносу какого-нибудь выпоротаго холопа безъ розыску и безъ допросу боярина и князя съ сыномъ на смерть осудили?—спросилъ, шагнувъ впередъ, Хованскій.

— Не мы, а государыня-царевна,—не глядя на Тараруя, буркнулъ Черкасскій.

— Ой, ой, бояре, вотъ это такъ,—насмѣшливо улыбнулся тотъ.—Давно-ль такъ повелось у васъ, что можно Гедиминовича безъ боярскаго совѣта осудить. Ну, для чего жъ тогда вы здѣсь? Иль палачу въ подручные?

— Не зубоскалъ, бояринъ, ты не въ скоморошной палатѣ,—прикрикнулъ было Шакловитый.

— Ты кто таковъ?—надменно взглянулъ на него Хованскій.—Какъ смѣешь ты такъ говорить со мной? Давно ли ты изъ холоповъ въ дьяки пролѣзъ? А вы бояре молчите. Скажи-те—правду-ль такъ, или шутки вы съ нами шутите. Такого не бывало. По одному доносу безъ суда боярскаго бояръ допрежъ-то, кажись, не казнили. Что же?

— Да что ты за допросчикъ намъ,—сердито отвѣтилъ Одоевскій.—Тебя судили не по доносу только. Чего-жъ ты слушалъ, коли такое несешь. За многія вины. Слышь ты? *За многія* и промежъ прочихъ и по доносу.

Впередъ выступилъ Андрей Хованскій.

— Дозволь мнѣ, батюшка,—обратился онъ къ отцу, потомъ началъ говорить боярамъ:

— Какія жъ намъ вины, бояре. Тѣ—*многія*, чтобы по нимъ казнить немедля? Окромѣ той, что вотъ въ доносѣ—нѣтъ ни одной. Да и по тѣмъ винамъ, я чаю, не токмо что бояриша,—холопа безъ очныхъ ставокъ, безъ явнаго свидѣтельства къ пенѣ не присудятъ. Вонъ въ «сказкѣ» написано, что я неправедно судилъ. А я ни одного холопа такъ, какъ вы насъ съ батюшкой на смерть ужъ осудили, не судилъ. Смотрите только не было бы худа и вамъ самимъ отъ этого суда. Проруха можетъ случиться со всякимъ—нонѣ царствомъ правитъ баба. Ей чуть не угодилъ, вотъ и накликалъ опалу, прежней службы не помнятъ, и съ вами такая же расправа будетъ. Скажутъ, ужъ разъ судили, такъ можно и другорядь. Помните: въ ню же мѣру намъ мѣрите и вамъ отмѣрятъ. На себя веревку вьете. Виноваты мы, судите, да не за глазами. Дайте намъ ставки и доносчика приведите налицо. А покамѣстъ хоть къ государынѣ-царевнѣ насъ допустите, спросимъ ее: неужто правда, что вся прежняя служба ей забыта, коли по первому подметному письму какого-то Якимова холопа насъ казнятъ. Суда, бояре, мы просимъ; одного суда.

— Судъ былъ...—отозвался среди общаго смущеннаго молчанія Шакловитый.

— Гдѣ? когда?

— Нонѣ, у государыни-царевны сидѣнье было!

— Нонѣ?—протянулъ князь Иванъ,—на именины-то... хорошее дѣло... Такъ чѣмъ же васъ купила царевна?

Князь потерялъ самообладаніе и пересталъ сдерживаться.

— Или бѣсновалась хорошо Иродіадина дочь—и выплясала у васъ нашу голову? Чать не отъ водки ея опьянѣли. Отъ двухъ-то чарокъ развѣ вонъ Большой Голицынъ опьянится, а Михайлѣ Алегуковичу и десяти мало.

Совѣсть продали вы, бояре... Голову брата подносите на блюдѣ Иродіадѣ.

Несдержанная, но соотвѣтствующая языку вѣка рѣчь—подѣйствовала. Бояре начинали понимать, что и въ самомъ дѣлѣ были игрушкой въ рукахъ «прелестницы» и святителя.

Начались перешептыванія. Шакловитый, зорко слѣдившій за происходившимъ, сразу замѣтилъ перемѣну въ настроеніи бояръ и отозвалъ въ сторону Милославскаго.

— Что тянуть, Иванъ Михайлычъ. Пошли сказать царевнѣ—пущай она ихъ поторопитъ. А то на этихъ дурней положись, еще раздумаютъ,—кивнулъ онъ на бояръ.

А упустишь изъ рукъ Таруруя—вдругорядь не поймаешь.

— И вправду дѣло.

Милославскій позвалъ стольника и что-то шепнулъ ему. Тотъ отправился во дворъ. Минуты три всѣ молчали.

Князь Иванъ снова было началъ рѣчь.

— За что судить, бояре? За то, что вѣру святую не далъ на поруганіе. Да давно ли вамъ сталъ милъ Акимъ? Кажись, и ты князь (онъ кивнулъ одному изъ Голицыныхъ) не по новому крестишься.

А у тебя,—князь обратился къ Шереметеву,—какъ дочь зовутъ? Анной, въ память Кашинской Анны. Гдѣ теперь ея святая? Ея иконами у патріарха опочивальню топятъ... А ты...

Ему не удалось кончить. Стольникъ пришелъ съ извѣстіемъ, что царевна велѣла дѣла не перевершать. Вины-де Ивана и Андрей доказаны и слушать ихъ басни царямъ не къ чему.

Стали искать палача, но его не успѣли заготовить и на площади, у большой московской дороги, Хованскихъ вершилъ стремянной стрѣлецъ.

«Такъ были отпразднованы именины царевны-правительницы»,—заканчиваетъ разсказъ о «Иродовомъ пирѣ» расположенный къ Софьѣ С. М. Соловьевъ.

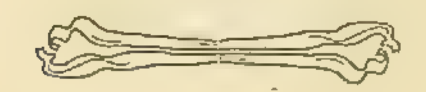
**
*

Дня черезъ три около «воровской» безъ креста могилы князей отдыхали шестеро путниковъ.

Одинъ изъ нихъ наскоро сбивалъ новый крестикъ надъ тѣломъ послѣдняго «властнаго» стоятеля правой вѣры.

— Сломаютъ, какъ увидятъ, а все-таки пусть постоитъ,— говорилъ путникъ.

Это шли на далекій Выгъ наши старые знакомцы—Ивашка, Дарьюшка и еще четверо, спасающихся отъ Акима и его еще неутвержденныхъ, но уже дѣйствовавшихъ во всю «статей».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

На Выгѣ.

I.

У Дениса Мышецкаго.

Зима въ 7195 году выпала ранняя.

Была только половина ноября, а все уже носило настоящій зимній видъ. Сильный холодный вѣтеръ, подпимая сухой разсыпчатый снѣгъ, крутилъ въ воздухѣ и снова бросалъ, носилъ по землѣ, передувая, наметая возлѣ всякой выбоины, кочки глубокіе сугробы. Надъ землей носилась какая-то сѣрая муть, густое движущееся мѣсиво.

Большое село Вологодской губерніи, Повѣнецкое, совсѣмъ замело. Вѣтеръ носилъ къ нему снѣгъ со всего поля, шумѣлъ въ трубахъ, трепалъ жиденькія соломенныя крыши избенокъ. Свѣтало, но мрачное сѣверное небо было попрежнему темно-мутно, только на востокѣ появилась бѣлесовато-сѣрая полоса. Въ воздухѣ чуть прояснилось, но вдаль попрежнему ничего не было видно, какъ-будто быстро движущіяся полосы прозрачной кисеи закрыли деревню, и она осталась вдругъ одна во всемъ мірѣ съ этимъ кусочкомъ голаго скучнаго поля подъ этимъ темнымъ угрюмымъ небомъ, на волю вѣтра.

Мрачно. Тоскливо.

Село уже проснулось. Изъ трубъ кое-гдѣ показывался дымокъ, который быстро подхватывалъ вѣтеръ и, разорвавъ на клочки, уносилъ куда-то.

Въ большой просторной избѣ захудалаго князя Дениса Мышецкаго тоже встали.

Только Соломоніи, дочери-невѣстѣ, позволяли спать: молода, утренній сонъ сладкій.

Самъ Денисъ, мужикъ лѣтъ 50-ти, давно и забывшій о своемъ княжествѣ, еще крѣпкій, худощавый съ небольшой рѣденькой бородкой съ ясными, глубокосидящими ласковыми глазами на простомъ и серьезномъ лицѣ, сидѣлъ на лавкѣ и обертывалъ портянкой ногу.

— Что-то Андрей запропалъ. Долго ли корму дать?— обратился Денисъ въ сторону хлопотавшей у печки старухи... Та не отвѣчала, да отвѣта и не потребовалось.

Дверь изъ сѣней отворилась и въ избу вошелъ сынъ Дениса Андрей. Андрей былъ высокій, крѣпкій юноша, почти мальчикъ. Красивое «породистое» лицо выражало уже не дѣтскую энергію, но вмѣстѣ съ этимъ гдѣ-то въ складкахъ губъ въ немъ сквозило отраженіе отцовской мягкости.

Войдя въ избу, Андрей отряхнулся и обтеръ красное мокрое лицо.

— Ну и погода,—сказалъ онъ, снимая полушубокъ.

— Что, все несетъ?—спросилъ отецъ.

— Пуще вчерашняго, такъ и рветъ. Свѣту вольнаго не видать. Дороги и слѣда нѣтъ.

— Избави Богъ въ такую непогодь въ полѣ быть—занесетъ. Умрешь безъ покаянія.

— Худо. А я сейчасъ видалъ Прохора. Говоритъ, вечеръ къ Игнатію кто-то съ Москвы пришелъ съ вѣстями и съ худыми отъ нашихъ. Что принесъ, доподлинно не слыхалъ. А только, говоритъ,—дурныя вѣсти.

— Хорошимъ откуда и быть. Озлились бѣсовы дѣти.

— Худо. И такъ, почитай, всѣхъ защитниковъ правой вѣры перебили; либо на кострахъ сожгли; либо въ тюрьмахъ сгноили, кого и теперь все гноятъ; либо въ монастыряхъ своихъ нечестью учатъ. Худо... Немного остается вѣрныхъ рабовъ Божіихъ, скоро и сѣмени не останется, кажись.

— Не попуститъ Господь. Не погибнетъ вѣра, небось. Не смущайся, сынокъ. На время искушеніе послалъ Богъ, чтобы извѣдать, крѣпка ли у людей вѣра. Не все зима. И лѣто будетъ...

— Не попуститъ? Знаю... Скажу тебѣ, отецъ, какъ на духу: видѣніе мнѣ было почесь. Дивно и страшно. Стою будто я на площади, а посередь площади стоитъ большой, дивный красоты храмъ. Кучи народа входятъ въ храмъ, крестясь по-старому, какъ Господь велѣлъ. Вошелъ вмѣстѣ съ народомъ и я. Внутри храмъ былъ еще лѣпѣе, нежели снаружи. Все блестѣло, какъ золото. Иконы старыя, темныя, прежнихъ новгородскихъ письмъ. Съ клиросовъ дивное ангельское пѣніе слышно: я стоялъ точно на небѣ у Престола Господня въ трепетѣ и радости и молился. И вдругъ богослуженіе оборвали. Въ церковь въѣхала на коняхъ куча пьяныхъ всадниковъ въ христіанской одеждѣ и съ бранью, съ криками стали бить и рубить саблями богомольцевъ. Богомольцы побѣжали вонъ. А начальникъ всадниковъ на конѣ въѣхалъ на амвонъ и совершилъ такое, что страшно и сказать,—онъ слѣзъ съ коня, растворилъ царскія врата и взявъ съ престола чашу со святыми Дарами, вылилъ ихъ подъ ноги лошади, а самъ сѣлъ на престолъ и сталъ кричать на своихъ приспѣшниковъ.

— Постой, Андрей, что ты это разсказываешь,—перебилъ Денисъ,—вѣдь, кажись, ты мнѣ ужъ читалъ такое. Кажись про то, какъ рыцари римскіе осквернили храмъ Премудрости Божіей въ Цареградѣ.

Андрей съ изумленіемъ взглянулъ на отца.

— Да, вѣрно,—задумчиво отозвался онъ,—похоже было, только церковь-то была наша и люди, говорю, были одѣты понашему. Ну вотъ... Я со всѣми вмѣстѣ бѣжалъ и сталъ поодаль. И видѣлъ я, какъ вытаскивали изъ церкви мертваго священника и сотни богомольцевъ. Потомъ выѣхали изъ церкви пьяные кощунники и убійцы и стали громить церковь снаружи. Скоро огромная высокая церковь подалась и упала. Злодѣи разломали и разбили иконы и церковную утварь. Отъ дома Божія осталась куча развалинъ, красныхъ отъ крови мучениковъ. Я закрылъ лицо руками, повалился и плакалъ отъ горя и страха. Когда я поднялъ голову, кощунниковъ уже не было. Я взглянулъ на развалины и опять слезы навернулись на глаза. Взглянулъ на трупы и сердце не то отъ скорби,

не то отъ радости задрожало: святыя тѣла свѣтились: точно невидимыя свѣчечки горѣли надъ каждымъ.

И вотъ чудо: невидимыя руки начали созидать новый храмъ надъ трупами мучениковъ. И на моихъ глазахъ выросъ храмъ среди дремучаго лѣса. Церковь была маленькая, деревянная, но вся окруженная свѣтомъ, и кругомъ избы, да башенки. И казалось, точно это крѣпость вѣрныхъ Божіихъ, укрывшихся отъ діавола. А потомъ скрылся этотъ храмъ, и я увидѣлъ другой, великій и богатый, похожій на тотъ, что видѣлъ раньше. Двери его были закрыты, запечатаны. Но вотъ печать снята, двери отверзлись и солнце точно золотомъ облило все: и святыя иконы, и тысячи богомольцевъ, которые взялись невѣдомо откуда. И среди нихъ видѣлъ я батюшку Аввакума и владыку Павла, въ сіяніи свѣтломъ. И слышу я голосъ, говоритъ, кажись, Аввакумъ: «Уразумѣй сей сонъ и пойми знаменіе Господне. Минетъ и зима и снова лѣто хощетъ быти. Самъ Господь воздвигнетъ гоненіе на гонителей Его и возстановитъ и укрѣпитъ свою Церковь». Проснулся я и вѣрю видѣнію: вѣрю въ Его помощь—не меньше, чѣмъ ты, батюшка. Только...

Андрей остановился.

Денисъ смотрѣлъ на сына почти съ испугомъ: его простой душѣ была непонятна горящая мистическая душа сына.

— Ну, вотъ, видишь,—только и нашелся онъ сказать

— Да, вижу... Только говорю батюшка, что далеко еще, далеко. Вѣрить, что вѣра истинная не погибнетъ—хорошо. Но худо, когда мы одной-то надеждой и живемъ, а сами и пальцемъ не тронемъ—все ждемъ, что съ неба само упадетъ намъ. Вѣдь не руками же ангельскими впрямь выстроенъ будетъ храмъ въ лѣсу. Намъ указано въ лѣса бѣжать. Теперь никоніане всю Русь разгромили, и до насъ добираются, скоро и здѣсь не будетъ намъ покоя, загорятся срубы съ живыми людьми и въ иныхъ потемкахъ... Добро это: просвѣтятъ, значитъ, насъ невѣрныхъ. Ну, а потомъ что?.. Нужно спасать вѣру нашу. Вотъ и Игнатій говоритъ то же: нужно-де уходить дальше въ лѣса, въ трущобы прятаться. А мы сидимъ. Худо. Не велѣлъ ли намъ Господь итти строить лѣсную-то крѣпость?

Денисъ давно привыкъ считать своего парня умнѣе себя и рѣдко рѣшался съ нимъ спорить. «Не по зубамъ онъ мнѣ»,— шутилъ обыкновенно старикъ. Но на этотъ разъ онъ не согласился.

— Не то говоришь, Андрей, что уйти. Всѣ мы уйдемъ съ міра, оставимъ его во власти дьявольской? Это ли дѣло? Вотъ тебѣ Богъ далъ разумъ книжный, а мало ли такихъ, что не могутъ сами разобраться, гдѣ правда, гдѣ неправда... Правой руки отъ лѣвой не различатъ. Уйдутъ умники-то, а съ глупыми кто останется? Нѣтъ, сынокъ, не гоже это ты, кажись, задумалъ... Лучше подождать на людяхъ, что Богъ пошлетъ, а пострадать за вѣру придется, съ радостью страданія примемъ. Покамѣсть не оскудѣютъ пастыри и вѣра не погибнетъ.

Андрей взволновался. Упреки отца въ томъ, что онъ думаетъ только о своемъ спасеніи, задѣли его.

— Батюшка, не себя спасать хочу, не о себѣ думаю. О вѣрѣ истинной думаю. Объ мірѣ, объ народѣ забота гонитъ въ трущобы. Правду ты говоришь, пока будутъ пастыри и наставники, которые своимъ примѣромъ будутъ учить, не погибнетъ вѣра. Да наставниковъ и учителей всѣхъ по острогамъ, по темницамъ разсадятъ. Ни одного разумнаго человѣка старой вѣры въ покоѣ не оставятъ. Кто же будетъ тогда учить? Кто укрѣпитъ народъ въ правой вѣрѣ? То и худо. А народу нужно не одно наученіе словомъ, не одинъ примѣръ. Нужно не одно слово. Никоніане ученостью народъ запугали —ереси въ старыхъ книгахъ нашли. Нужно показать, что ересь не въ старомъ, а въ новомъ. Нужно и книги старыя беречь да множить. а то, если не будетъ хорошихъ книгъ, поневолѣ примутъ порченныя. А гдѣ-жъ въ мірѣ, на глазахъ у никоніанъ, ты все это наготовишь? Вотъ ты говоришь: ты-де человѣкъ книжный! А что я знаю. На что годенъ: знаніе-то Божіе въ пустынѣ дается на послушаніи у мудрыхъ. Можетъ, и я міру послужу, да когда? Коли изъ моего скуднаго умишка кто мудрѣе «органъ Господу» выкуютъ... Учители, наставники въ міру нужны, да нужно, чтобъ и на мѣсто старыхъ наставниковъ новые наступили. А гдѣ, живя въ міру-то, научиться, чай не у никоніанъ? Слѣпецъ слѣпца поведетъ—

оба упадутъ и вѣра съ неучеными учителями, съ наставниками, когда они не умѣютъ отвѣта дать никопіанскому попу, погибнетъ. Разсуди, батюшка, и самъ поймешь, что нужно намъ имѣть прибѣжище, гдѣ бы никопіане насъ не достали. Пойми, не себя спасать хочу я, не о себѣ одномъ думаю.

Денисъ внимательно слушалъ сына, ласково взглядывая, по временамъ, ему въ лицо.

Онъ не находилъ отвѣта и молчалъ. Слишкомъ мудренъ былъ для него его «парень». Потомъ онъ надумалъ было, что сказать, и не успѣлъ.

Дверь въ избу снова отворилась и вошелъ гость—сосѣдъ. Онъ помолился, потомъ поздоровался съ хозяевами.

— Что замолчали,—спросилъ гость, замѣтившій, что при его входѣ Денисъ оборвалъ рѣчь;—али помѣшалъ?

— Нѣтъ, Иванъ Парамонычъ, таить намъ нечего ни отъ кого. А кончили ужъ мы. Одно у насъ—все насчетъ Игнатьевыхъ рѣчей толкуемъ и не столкуемся...

— Не вы одни объ нихъ толкуете. Слыхалъ я, много смутилъ народу старецъ. Въ лѣса, да гору слышь бѣжите. Антихристъ-де идетъ.

Всѣ замолчали.

Иванъ, видимо, что-то хотѣлъ сказать, и колебался.

— Я къ тебѣ, сосѣдъ, съ докукой,—не дашь ли мучицы съ пудовку,—наконецъ, рѣшился онъ,—самъ знаешь, у меня нонѣ ничего не родилось. Надысь хотѣлъ въ городъ съѣздить; звѣрья кое-что продать. Все бы алтынъ десять выручилъ, да вонъ какая подула. Куда тутъ повезешь?

— Чего тамъ говорить, я знаю. Въ такую непогодь, вѣстимо, не поѣдешь. Бери, амбары не заперты, пойдешь домой—самъ и насыпь.

— Спаси Господи. А то ужъ у меня ни горстки не осталось.

— А что, дядя Иванъ, у старца у Игнатія ты нынче не былъ? Къ нему, слышь, пришли вечоръ съ вѣстями съ Москвы. Не знаешь что? Чай все хуже?—спросилъ Андрей.

— Я отъ него сейчасъ. Онъ самъ хотѣлъ итти къ вамъ. Про сродника про вашего, про князя Андрея, хотѣлъ сказать.

— Отъ Андрея есть что? — спросилъ Денисъ. — А не знаешь, что?

— Не отъ Андрея, а про Андрея. Слыхать-то я слыхалъ, да не знаю, какъ тебѣ сказать. Не знай горе тебѣ, не знай и радость?

— Да что, что?—закричали и отецъ и сынъ,—скорѣе говори.

— Князь Андрей приказалъ вамъ долго жить. Самъ сжегъ себя въ своей усадьбѣ. Не захотѣлъ принять Никоновыхъ новшествъ и пошелъ на судъ съ Никономъ къ Господу. Сто, слышь, человѣкъ съ нимъ въ усадьбѣ сгорѣло.

Денисъ удивленно и испуганно слушалъ. Андрей, наоборотъ, точно радовался. Его лицо ожило, какъ тогда, когда онъ разсказывалъ о видѣніи, и большіе глубокіе глаза вспыхнули.

— Слава, Тебѣ, Господи,—возбужденно заговорилъ онъ.— Новый камень, крѣпкій положилъ Ты въ основаніе Церкви. Вѣрю, Господи. Вѣрю. Не упадетъ безъ пользы ни одинъ волосъ съ головы нашей. Каждая капля крови, пролитой во имя Твое, укрѣпитъ Церковь нашу. На гробахъ мучениковъ созидаешь Ты Церковь истинно-Христову и скрѣпленная святою кровью, крѣпка будетъ она. Начали люди строить храмъ... Начали...

Денисъ смотрѣлъ на него попрежнему испуганно-изумленно.

— Господи, упокой душу раба Твоего Андрея,—перекрестился онъ и обратился къ Ивану:

— А ты разскажи-кось по-порядку, сосѣдъ—какъ и когда сподобился Андрей принять кончину.

— Неча сказывать-то. Я больше ничего не слышалъ. Что знаю, все сказалъ. Да Игнатій самъ хотѣлъ притти скоро. Того и гляди онъ придетъ. Онъ все и разскажетъ. А я что— я ничего не знаю.

Иванъ совсѣмъ смутился. Ему и не хотѣлось передавать Денису, для того, конечно, что тяжелое извѣстіе, и неловко было отказываться.

Нѣсколько времени всѣ молчали.

Андрей и Денисъ сидѣли, опустивъ головы. Хотя они оба

и думали, что смерть далеко не худшій исходъ, однако сердце не хотѣло понимать, что лучше, что хуже и даже Андрею, несмотря на его порывъ, стало немного грустно.

«Вотъ и еще одного не стало. А какой былъ человѣкъ. И задаромъ погибъ. Какъ не понимаютъ царь, бояре, что всѣхъ лучшихъ людей они такъ сгубятъ. Вѣдь, коли, кто за деньги отъ вѣры своей отрекся,—хуже того человѣка и не сыщешь. И за что гонять? Да, худо въ міру».

Мысли Андрея оборвалъ Иванъ, которому давно хотѣлось уйти, но онъ не рѣшался и сидѣлъ, поглядывая на дверь. Теперь ему послышались голоса, и онъ нашелъ выходъ.

— Ну, вотъ, кажись, и Игнатій съ кѣмъ-то. Его поспрошайте. А я пойду. Спаси Христосъ на неоставленьи.

Онъ простился и ушелъ.

Сейчасъ же вслѣдъ за Иваномъ дверь снова отворилась и въ избу вошли, отряхиваясь отъ снѣга, Игнатій, старикъ средняго роста, худой съ изможденнымъ, желтымъ лицомъ, и трое крестьянъ-сосѣдей: двое были еще юноши—сверстники Андрея.

Вошедшіе помолились, поздоровались и старецъ Игнатій заговорилъ.

— Ты, я чаю, слыхалъ, братъ,—сказалъ онъ Денису,— зачѣмъ пришелъ я къ тебѣ. Сказывалъ Иванъ? Преставился рабъ Божій бояринъ Андрей.

— Слыхалъ...

— Ты, братъ, не кручинься. Не жалѣй, не плачь, а благодари Господа за то, что Онъ удостилъ его честной кончины. Блаженъ изволъ его о Господѣ... Плакать и горевать нужно не объ ушедшихъ въ міръ горній, а о тѣхъ, что впали въ соблазнъ, ибо они души свои погубили. Удѣлу же скончавшихся теперь, честно пріявшихъ смерть, многіе позавидуютъ. Близится, видно, конецъ міра сего. Вечоръ получилъ я вѣсти съ Москвы. Христіане покидаютъ братій своихъ: страха ради никоніанства, изъ-за прельщенія благъ земныхъ и почестей, отступили уже многіе отъ закона Христова. Крѣпкіе же въ вѣрѣ томятся въ желѣзахъ по острогамъ, скитаются въ Сибири,

по ихъ монастырямъ паученія ради натыканы, и не мало въ срубахъ и отъ меча смерть пріяша—вѣнецъ мученическій.

Спасаться надо. «Оставшіеся да бѣжатъ въ горы»,—сказано... Бѣгите, братіе, въ лѣса, гдѣ укрылись отъ звѣря немногіе учители вѣры правой –иноки соловецкіе и бѣглецы московскіе.

Бѣгите, чтобы спастись отъ власти антихристовой. Антихристъ близъ, при дверѣхъ... И уже видны открытому оку знаменія врага Сына Человѣческаго—грядетъ уже онъ на погибель міра...

Одно осталось: кто пожилъ — своимъ изволомъ смерть пріять. А всѣмъ, у кого силы есть, бѣжать надо на полночь, тамъ столпы древнецерковнаго благочестія, ихъ же соблюлъ Господь для береженія вѣры отеческой.

Придетъ девяносто седьмой годъ и Христосъ придетъ на судъ. А Иліи и Эноха не будетъ *).

Игнатій стоялъ посреди избы. Его невысокая фигура выпрямилась, блѣдныя щеки покрылись легкимъ румянцемъ. Горящій напряженный взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ былъ устремленъ куда-то вдаль за предѣлы этого міра, какъ будто Игнатій видѣлъ воочію тѣ знаменія антихриста, о которыхъ онъ говорилъ. Голосъ его принялъ какой-то особенный вдохновенный оттѣнокъ. И всѣмъ—и видомъ вдохновеннаго лица, окруженнаго сіяніемъ серебристо-бѣлыхъ волосъ, и звуками голоса старецъ напоминалъ ветхозавѣтнаго пророка, проповѣдующаго о судьбахъ міра.

Старецъ продолжалъ говорить все съ большимъ и съ большимъ одушевленіемъ. И слушатели, кромѣ Андрея, съ жадностью, не отрывая глазъ отъ его лица, внимали каждому слову.

Онъ слушалъ внимательно, но иногда какъ будто со скрытымъ неодобреніемъ.

— Бѣжать,—закончилъ Игнатій,—скорѣе бѣжать отсюда. Скоро въ нашихъ мѣстахъ начнутся гоненія и да по-

*) Ефросинъ: „Отразительное писаніе противъ новоизобрѣтеннаго пути самоубійственныхъ смертей 1691 г.“. Догматство Игнатія и Емельяна Повѣнецкаго съ Козьмою Косымъ согласно было на сто девяносто седьмой годъ свѣту будетъ представленіе, а Иліи де и Энохъ не будутъ никогда, а нынѣ-де на Москвѣ царствуетъ Титинъ.

сѣчется вѣтвь праведныхъ до корня. Наше время послѣ. Мы, старики, останемся здѣсь, мы только и можемъ умереть за Христа. А вы, молодые, уходите. Вонъ, и Никонъ, слыхать, воскресъ: во Псковѣ живетъ... *) Уходите...

Павелъ, Иванъ Бѣлоутовъ, Лука Ѳедоровъ, слышь, готовы уйти. Ермилъ Прохоровъ, Семенъ Петровъ, Ларивонъ Ивановъ тоже уйдутъ. Надо бы и тебѣ, Андрей, итти...

Игнатій закончилъ...

Никто другой не начиналъ говорить. Всѣ молчали, слушая завыванія вѣтра въ трубѣ.

Молчалъ и Андрей. Конецъ рѣчи былъ очень по сердцу ему, но, вообще говоря, слова Игнатія, въ сущности, не захватывали юношу; вызывали въ немъ чувство протеста.

Что нужно итти въ лѣса, онъ рѣшилъ уже давно и теперь въ нихъ не было для него ничего новаго, а пламенныя рѣчи Игнатія о близкомъ антихристѣ ему не нравились.

Было время, когда онъ относился къ нимъ иначе, чѣмъ теперь. Андрей былъ мистикъ, но не мечтатель. Съ дѣтства его захватила мысль о «Божьемъ дѣлѣ», о борьбѣ за Господа. Родился онъ въ самый разгаръ борьбы съ Никономъ и его дѣломъ. Около колыбели онъ чаще, чѣмъ сказки, слышалъ разсказы о «шишѣ антихристовомъ», ополчившемся на Церковь, о мученикахъ, томящихся за Христово имя въ подземныхъ темницахъ, о пламенной борьбѣ Аввакума. И его душа горѣла желаніемъ пострадать за Крестъ Господень, помочь побѣдѣ правой вѣры. Грамота, которую онъ усвоилъ легко и рано, дала ему въ руки книгу. Прологъ, Цвѣтники, Маргариты, Житіе св. Іоанна Кущника и Алексія, человѣка Божія особенно очаровали его душу. Эти люди ради Евангелія, «которое ихъ звало отъ міра», оцѣнившіе въ ничто всѣ блага жизни, оставившіе суету мірскую, чтобы быть для Господа, часто ночами звали его за собой. И онъ томился желаніемъ подвига. Но несмотря на это, въ Андреѣ не было, повторяемъ, той мечтательности, которая влечетъ въ «прекрасную пустыню», въ уединеніе ради красоты

*) Первовиновникомъ легенды, что Никонъ „либо воскреснетъ, либо во Псковѣ живетъ..“ былъ, кажется, дьячокъ Артемій (тамъ же).

уединенія, ради одной только молитвы въ тишинѣ, наединѣ съ Богомъ. Рядомъ съ мистической наклонностью «бесѣдовать со святыми» въ молитвѣ и за книгой въ немъ уживался дѣятель для міра: онъ рѣшилъ, что долженъ стать работникомъ для поруганной Церкви. Бороться за правду старой вѣры. И пустыня грезилась ему именно какъ «крѣпость», изъ которой сильные выйдутъ, какъ Антоній Великій, мудрые и готовые въ «шумъ городовъ» противъ новыхъ аріанъ. Соловецкій инокъ Игнатій съ своими рѣчами о близкомъ антихристѣ сначала повліялъ было на юношу. Не разъ бесѣдовали они на берегу Тогозера и Андрею чудился «звѣрь изъ бездны», идущій со всѣми силами ада на Церковь. И подавленный ужасомъ, онъ склонился къ мысли, что «слаще всего скорымъ путемъ въ Царство Божіе тещи», это—сжечься... Письма съ именемъ любимаго имъ Аввакума, призыванія къ самосожженію поддерживали экзальтацію. Но уже съ годъ, какъ Андрей сталъ думать иначе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ одинъ инокъ покаялся ему, что поддѣлывалъ письма Аввакума ради корысти... *)

„Неладно что-то,—думалось Андрею,—антихристъ пришелъ, такъ и міру конецъ... А вотъ отъ злого собора ужъ болѣ двадцати лѣтъ прошло. Коли антихристъ пришелъ, то, конечно, горѣть надо. Иного выхода нѣтъ... Но похоже ли на его царство? Вотъ и тайны святыя еще есть. И литургія совершается по мѣстамъ. Значитъ не одолѣлъ еще врагъ. А коли такъ, не бѣжать нужно, а бороться, хранить святыню. Пока хоть «искорка теплится» — Христосъ живъ, Церковь жива. Вотъ и Аввакумъ хоть и сгорѣлъ «свѣчечкой Господу», но не было въ немъ унынія. И не клалъ онъ рукъ, а надѣялся, что изъ его пепла огонь разгорится и Церковь взойдетъ изъ силы въ силу... Значитъ, вѣрилъ, что жива Церковь—Царстово Христово... И Игнатій тайнъ Христовыхъ не бѣгаетъ: вѣдомо, въ Христовѣ, а не антихристовѣ царствѣ себя мыслитъ»...

---

*) Подложность нѣкоторыхъ писемъ священномученика Аввакума была доказана еще ранѣе 1691 года, когда появилось „Писаніе“ Ефросина. Онъ уже пишетъ о цѣлыхъ поддѣльныхъ письмахъ со словъ инока Іосифа и о вставкахъ въ подлинныя письма Аввакума. („Отраз. писаніе“, 89 стр.).

И Андрей сталъ усиленно читать все, что могъ достать объ антихристѣ и царствѣ его: Толковый Апостолъ, Ипполитово слово. И каждая страница убѣждала, что антихристъ придетъ въ невѣдомое время, какъ человѣкъ, что признаковъ его царства еще нѣтъ. Пророчество Игнатія о пришествіи Господнемъ въ 7197 году, выдвинутое имъ незадолго до палеостровской великой гари, казалось ему сомнительнымъ, а его рѣчи о томъ, что въ Москвѣ царствуетъ «Титлъ», слишкомъ противорѣчили тому, что Андрей слышалъ отъ соловецкихъ отцовъ, молившихся за царя до смерти. Самые его уговоры бѣжать, рядомъ съ пророчествомъ о близкой кончинѣ міра—были явнымъ противорѣчіемъ.

Но особенно оттолкнуло отъ Игнатія, какъ учителя, сожженіе Игнатіемъ и Емельяномъ книгъ церковныхъ и даже иконъ: чтобы антихристу не достались *).

Этотъ неразумный поступокъ нарождавшейся безпоповщины, конечно, казался преступленіемъ такому любителю книгъ, какъ Андрею.

И Андрей, уважая Игнатія за чистоту его жизни и ревность по вѣрѣ, любя его попрежнему, не могъ итти вслѣдъ за нимъ въ его ученіи: слишкомъ оно противорѣчило его дѣятельному, энергичному характеру и пламенному убѣжденію, что на мѣсто разрушенныхъ церквей *новый великій храмъ построится*...

И теперь ему хотѣлось вмѣшаться, сказать, что рѣчи объ антихристѣ не отъ Писанія, что можетъ только во славу Божію гоненіе, хотѣлось разсказать о своемъ чудномъ снѣ, но мысль, что онъ слишкомъ молодъ, что ему говорить непривычно,—останавливала его. И онъ молчалъ.

— Что жъ, Андрей,—прервалъ молчаніе Иванъ Бѣлоутовъ,—идешь, что ли?

Андрей покачалъ головой.

— Не могу я. Какъ я пойду безъ батюшкина благословенія. А онъ не дастъ...

---

*) Ефросинъ, стр. 69. Сожгли: три Бесѣды, два Благовѣстника, три Недѣльныхъ, Лѣствицы и Библіи и т. д.

— Батюшка,—бросился онъ къ отцу,—отпусти. Благослови, батюшка. Трудно здѣсь оставаться... Поучиться хочу у отцовъ.

Денисъ колебался.

— Нѣтъ, сынъ,—наконецъ, рѣшилъ,—не благословлю. Слышь, Игнатій о страшныхъ годахъ молвитъ. Коли правду сказываетъ, хочу съ дѣтьми вкупѣ Господа встрѣтить. Не проси... Пройдетъ седьмой годъ, тогда увидимъ...

Андрей печально опустился на скамью. Остальные молчали. Никому не приходило и въ мысль перечить отцовской волѣ.

И только теперь старуха, не смѣвшая вмѣшиваться въ разговоры мужиковъ, рѣшилась подойти къ сыну.

Проснувшаяся отъ разговоровъ Соломонія плакала за печкой.

О чемъ? Она не понимала и сама: кажется, и ей мечталось уйти въ «прекрасную пустыню».

Островки на озерѣ Онего.
(Изъ книги Пришвина „Въ краю непуганныхъ птицъ).

II.

Палеостровская гарь.

Ивашка Дмитріевъ, теперь уже совсѣмъ настоящій мужикъ съ большой рыжеватой бородой, съ суровымъ обвѣтревшимъ лицомъ и съ дѣловой походкой, торопливо идетъ по берегу «Онего». Любитъ онъ это озеро—«море олонецкое», гдѣ когда-то еще мальчишкой ловилъ перлы, жемчугъ и бѣгалъ по берегу за «ловцами». Любо оно ему и лѣтомъ, когда разы-

грается отъ сѣвернаго вѣтра и забѣлѣетъ валами. И поздней весной, покрытое горами льда. И въ такую пору, какъ теперь, въ самомъ началѣ марта, когда озеро-море кажется такимъ полосатымъ отъ разрыхленныхъ кое-гдѣ ранней водой окраинъ озера и посинѣвшихъ островныхъ бережковъ.

Сейчасъ еще веснѣ быть рано, только Іаковъ Постникъ; но все же въ воздухѣ чувствовалась ея близость. И дышалось такъ хорошо, что, кажись, не ушелъ бы съ воли. И если бы Ивашка не былъ занятъ какими-то особыми тайными мыслями, онъ соблазнился бы и сбѣгалъ на виднѣвшійся корельскій островокъ и на ловъ, половить для забавы какого-нибудь звѣря, какъ когда-то раньше дѣлалъ.

Но ему не до того... Скоро—поселокъ, гдѣ поселился онъ послѣ московскихъ злоключеній.

И онъ мысленно съ своей Дарьей и бѣлокурымъ Егоркой, которому ужъ шестой годъ пойдетъ съ весны.

Еще два мѣсяца назадъ ушелъ онъ на ловъ по «пропѣшенному» льду, «на ердань». Половилъ, слава Богу, заработалъ; теперь и отдохнуть можно. И ему чудится ласковый смѣхъ Егорки и радость Дарьи.

Только...

Ивашка нахмурился. Не нравится ему послѣднее время этотъ край; безпокойнѣе, чѣмъ на Москвѣ стало. Нечего и говорить о гоненіяхъ,—что годъ, то хуже. Но еще хуже «новые нелѣпые глаголы», которые занесли нѣкоторые суемудрые. Уже съ годъ все Олонье волновало новое ученіе о необходимости «жечься» спасенія ради. И Ивашка съ досадой думаетъ, что его братъ Ѳедоръ, что прибрелъ съ Дону, и младшій Алексѣй не только сбились, а и другихъ сбиваютъ.

«Худо, кабы грѣха не было»,—думаетъ Ивашка и ускоряетъ шаги, точно чувствуя, что бѣда близка.

Откуда взялось это безуміе самосожженія? Общую почву новаго безумія угадать нетрудно. Это, съ одной стороны, общій экономическій гнетъ, тягота неперепосимыхъ налоговъ, вызывавшая въ населеніи своего рода психозъ недовольства. Глубокая государственная неурядица, подготовившая и Разина, и отчаяніе самоморельщиковъ. Съ другой—тѣ мѣры обращенія,

какія примѣняетъ потерявшій всякую мѣру Іоакимъ въ отношеніи къ «окаяннымъ двуперсникамъ»... Разгромъ стрѣльцовъ, расчетъ съ Хованскими развязалъ ему руки, и «святитель», повидимому, въ самомъ дѣлѣ,—въ буквальномъ смыслѣ,—рѣшилъ «выжечь плевела до корене».

Мы видѣли въ отрывкахъ знаменитыя 12 статей Софьи, которыя даже тѣхъ, «кто церкви покореніе приносятъ и отца духовнаго и св. Таинъ причаститися желать будутъ истинно», велятъ ихъ, «исповѣдавъ и причастивъ, казнить смертью безъ всякаго милосердія». Насколько широко должно было быть примѣненіе этихъ статей, показываютъ мѣры противъ тѣхъ, кто не доносилъ на «раскольщиковъ», хотя бы «спроста», «не раздѣляя ихъ взглядовъ». Или пускалъ ихъ къ себѣ въ домъ, тоже *не зная о ихъ убѣжденіяхъ*.

«У которыхъ людей,—говорила статья 9-я,—будутъ вынятъ раскольники, и они про расколъ ихъ *не вѣдали*, и на тѣхъ имать противъ тайной и разбойной статьи по пятидесяти рублевъ на человѣкѣ». И коли «люди бѣдные ручались на раскольщикахъ въ житье, не вѣдая про расколъ ихъ,—вмѣсто денежные пени ссылать въ украйные города, и которые ручались, вѣдая, и тѣхъ ссылать въ дальніе города съ жестокимъ наказаніемъ».

Очевидно, что при этихъ условіяхъ началась вакханалія доносовъ. Мелкіе администраторы подъ грозой суровыхъ каръ должны были, забросивъ всѣ дѣла, ловить «раскольщиковъ», тѣмъ болѣе, что на вознагражденіе ловцовъ—«на прогоны и въ жалованье»—ассигновалось отъ казны, вѣрнѣе отъ продажи отнятыхъ у старообрядцевъ дворовъ, вотчинъ, лавокъ, — «казны не малое число».

Нѣкоторые ловкіе чиновники нанимали даже особыхъ сыщиковъ-провокаторовъ, которые изъ третьей части дохода разыскивали старовѣровъ и потомъ дѣлали явку на себя и старовѣровъ «въ раскольствѣ».

И въ результатѣ «вездѣ чѣпи брячаху, вездѣ тряски и хомуты Никонову ученію служаху, вездѣ бичи и жезліе въ крови исповѣдническои повседневно омочахуся. Проповѣдницы Никоновыхъ повинъ яростью и гнѣвомъ и мучительствомъ ды-

хаху: битіемъ и ранами, а не благодатію Христовой увѣщеваху. И отъ насилованнаго мучительства обліяхуся вси грады кровію. И утопаху въ слезахъ села, веси и покрываху ся въ плачи и въ стенаніи пустыни и дебри»...

«Вся тварь стенаше и болѣзноваше и колебашеся»... («Исторія Выговской пустыни», стр. 25).

Въ атмосферѣ такихъ гоненій, среди звона цѣпей, въ дыму многочисленныхъ костровъ, зажженныхъ «во славу Божію» Іоакимомъ, естественно было родиться ужасу безумія, красному смѣху «великихъ гарей». Въ началѣ эти гари были, собственно, недобровольныя. Они совершались въ виду приближающихся мучителей. Это было «не догматъ, не ученіе, а крайнее выраженіе борьбы съ сильнѣйшей властью, слѣдствіе убѣжденія въ своемъ же безсиліи, въ невозможности убѣжать отъ казни, средство уравнять свое безсиліе пожертвованіемъ личностей». Форма религіознаго протеста, а больше всего способъ избѣжать страшнаго для людей старой вѣры оскверненія, «да не помажутся уста и утробы ихъ ліяніемъ силою поводѣйствуемаго причастія»,—какъ писалъ авторъ «Исторіи Выговской пустыни»...

Получается извѣстіе, что идутъ подьячіе, начальники съ солдатами, понятые. И съ ними апостолы съ страшными «клянами», и кощунственнымъ «причастіемъ». Что противопоставить силѣ? И гонимые собираются вмѣстѣ въ часовнѣ, въ церкви, въ избѣ или въ ригѣ; загораживаютъ себя бревнами, заборами, прокладываютъ вездѣ смольемъ и соломою, запираютъ двери, окна, ворота,—укрѣпляютъ ихъ перекладинами, бревнами, крѣпкими задвижками и ожидаютъ своихъ гонителей.

Только *при ихъ появленіи и только при нападеніи ихъ* зажигался безчеловѣчный огонь, въ которомъ погибали они съ своими отцами, женами и дѣтьми.

«Отойдите,—кричали они гонителямъ,—оставьте насъ,—или мы сгоримъ». Были случаи, что гонители отходили, и самосожигатели не сожигались и оставляли свое намѣреніе *).

---

*) Предисловіе издателя „Исторіи Выгов. пустыни“.

Это были самосожженія, по-своему, законныя и почти неизбѣжныя въ обстановкѣ того времени.

И противъ такихъ «самосожженій» слабыхъ людей, боявшихся не выдержать мучительства, пасть, дѣйствительно не возражалъ и Аввакумъ. Потомъ ужасъ росъ и съ нимъ росла мысль о концѣ міра.

А не въ самомъ ли дѣлѣ послѣднія времена? Можетъ быть, уже начинается... Можетъ быть, горитъ уже небо и земля, а завтра архангелъ затрубитъ,—и настанетъ страшный послѣдній судъ?

Загнаннымъ и измученнымъ стоятелямъ древней вѣры казалось, что вся вселенная содрогается, колеблется, погибаетъ отъ діавола.

Онъ, этотъ діаволъ, «злокозненный, страшный черный змій» явился. И ловитъ вѣрныхъ, чтобы наложить на нихъ свою печать, взять свою кабалу. Эта родившаяся изъ ужаса вѣра въ антихриста скоро нашла своихъ пророковъ. Емельянъ Повѣнецкій и Игнатій Соловецкій проповѣдуютъ по всему сѣверу царство «звѣря», ему же имя число звѣрино. И призываютъ спасаться отъ него «вольной смертью». Ихъ сторонники подделываютъ письма Аввакума, чтобы подкрѣпить свои призывы къ «огненной смерти» авторитетомъ великаго мученика.

«О, братіе и сестры! Радѣйте и не ослабѣвайте,—кричали они по деревнямъ,—великій старецъ Аввакумъ благословляетъ и вѣчную вамъ память любезно воспѣваетъ; тецыте, тецыте,—да вси огнемъ згорите.

Приближися-бо сѣмо, старче, съ сѣдыми своими власы, проникни, о невѣсто, зъ дѣвическою красотою, возри въ сию книгу, священную тетрадь, еда мы васъ мутимъ и отмановаемъ: зрите слогъ словесъ и чія рука, знайте; не буди намъ вамъ лгати і на ствятыя клеветати: сие черталъ великій Аввакумъ, славный страдалецъ, вторый по всемъ Павелѣ; се сие слово чту, еже святая его рука писала». И «старецъ, взирая, слезы ронитъ; отроковица, сматряя, сердце крушитъ».

Аввакумъ былъ авторитетомъ, передъ которымъ смолкали всѣ возраженія. Онъ сказалъ: значитъ, твердо,—какъ евангеліе.

А въ придачу проповѣдь новыхъ учителей подкрѣпляли юродивые, еще чаще безумные, слова которыхъ казались откровеніемъ свыше. Явились пророки и пророчицы, говорившіе въ духѣ. Какая-то дѣвка-дуравка бѣгала по селамъ и «выкликала» о необходимости самосожженія. Какой-то сновидецъ видѣлъ «сожженцевъ въ свѣтломъ мѣстѣ въ вѣнцахъ». И т. д.

На почвѣ общаго трепета передъ антихристомъ всѣ такіе пророки находили богатую жатву.

Стали убивать себя всякими способами. Самоуморенiе—чуть ли не первый и не самый страшный видъ самоубійственныхъ смертей.

Нѣкто Василій Волосатой говоритъ про себя: «Я-де съ тысячью мучениковъ на тотъ свѣтъ пустилъ; въ ямахъ и въ пустыхъ хороминахъ великимъ постомъ до смерти задержалъ».

Одинъ старецъ имѣлъ особую «морильню» въ Ветлужскомъ лѣсу. Это было зданіе безъ оконъ и безъ дверей, «куда садимы были постники черезъ потолокъ».

По цѣлымъ *сотнямъ* сажалъ старецъ насмертниковъ, размѣщалъ ихъ на полатяхъ и по полу и затѣмъ запиралъ потолокъ. Пять-шесть сторожей съ дубинами охраняли на всякій случай зданіе. «Черезъ два дня заключенные,—разсказываетъ Ефросинъ,—просятъ у старца пищи, черезъ четыре дня умоляютъ и съ проклятіемъ требуютъ утоленія голода, черезъ шесть и болѣе дней умираютъ въ страшныхъ мученіяхъ, проклиная и своихъ родителей, родившихъ ихъ для такой ужасной смерти и самый день своего рожденія, произнося хулу даже на имя Господне».

Но старецъ неумолимъ: онъ увѣренъ былъ, что исполняетъ спасительную миссію.

Кромѣ голодной смерти было въ ходу самоутопленіе, самозакланіе.

Какой-то «старикъ Косма» утопился въ рѣкѣ Свири, а другой—въ озерѣ Ильменѣ, при чемъ оба бросились въ воду, вырвавшись изъ рукъ приставовъ.

Старецъ Иринархъ благословилъ во Ржевѣ на самоутопленіе двухъ старухъ.

Одинъ «раскольщикъ» зарѣзался ножемъ въ новгородскомъ

приказѣ, другой, ведомый подъ конвоемъ въ Олонецъ. Одна баба, не успѣвъ зажечься въ рѣшительную минуту, пырнула себя ножемъ по горлу. Нѣкій попъ Семенъ совѣтовалъ всѣмъ своимъ при видѣ «мучителей» заколоться ножемъ, и увѣрялъ, что и самъ при видѣ «мучителей» ножемъ по чреву на-двое «перемастерится».

Однако всѣ такіе случаи все же, кромѣ «самоморенія», губили единицы.

Иное дѣло самосожженіе. Здѣсь дѣло идетъ о десяткахъ тысячъ. Нѣтъ возможности даже приблизительно счесть всего числа самосожженцевъ.

Извѣстно до сорока гарей, при чемъ въ сибирской гари (6 января 1679 г.) сгорѣло 1,700; въ двухъ палеостровскихъ— около 4,000 человѣкъ. Въ Олонецкой—1,000, въ Пошехонской гари—1680-хъ годовъ—«нѣцыи повѣдаютъ четыре или пять тысящъ», въ Березовской—1,000, въ Кузьмо-Демьянскихъ 1685 года *безчисленное множество*,—«такъ что воздухъ исполняшеся смрады отъ сгорѣвшихъ труповъ». Въ нижегородскихъ—нѣсколько тысячъ. Въ новогородскихъ—«многія тысячи». Но зарегистрированы, конечно, далеко не всѣ даже «великія гари».

Ивашка не предчувствовалъ, что безуміе вольныхъ смертей— первое, чѣмъ встрѣтить его родное село. Когда онъ вышелъ на широкую дорогу, которая вела къ его поселку, въ верстѣ отъ Палеострова,—его удивило поразительное зрѣлище. По дорогѣ двигались сотни народа. Толпа, видимо, торопилась куда-то; волновалась, слышались возбужденныя рѣчи, истерическіе выкрики, плачъ. Ивашка, съ перепугу, даже не спросилъ о причинахъ невиданнаго сборища и почти бѣгомъ пробѣжалъ оставшіяся двѣ версты.

— Что это? Что за народъ?—торопливо спрашивалъ онъ, четверть часа спустя, свою Дарью, даже не расцѣловавъ Егорку, который недоумѣло терся около отца.

— На подвигъ идутъ... Игнатій зоветъ на красную смерть,

ради Господа... Всѣ идутъ, и мы идемъ... Кабы пришелъ попозже, не засталъ бы. Ѳедоръ съ Алешей тамъ давно... давно...

Дарья говорила о смерти спокойно, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, да при томъ такомъ, что и разговаривать о немъ нечего: «Само молъ-де собою разумѣется, что *нужно*». И мужа она встрѣтила необычно, безъ радости: «Какіе теперь мужья. До ласкъ ли, до разговоровъ». И Ивашка самъ до того опѣшилъ, что молча взялъ на руки Егорку и пошелъ къ Палеостpову.

Поселокъ и монастырь были неузнаваемы. Въ десятую пятницу, на ярмаркѣ, не бываетъ и въ половину народа. На первый взглядъ было всего тысячъ шесть, а то и больше. Площадь передъ монастыремъ гудѣла отъ крика и плача. У часовенки, на поворотѣ къ монастырю, какой-то старецъ уговаривалъ бѣжать отъ прелести лукаваго, отъ пагубы самовольной смерти.

Онъ говорилъ, не волнуясь, точно на диспутѣ, иноку съ толстой книгой въ рукахъ. Тотъ тоже отвѣчалъ дѣловито и спокойно, точно позади ихъ не готовилось великое всесожженіе.

— Новый-то выдумалъ путь грѣшный, христіанамъ невѣдомый,—внушалъ старецъ.—Коли мы жизни нашей да тѣлу хозяева, а не Господь. Не отъ Бога и не отъ отецъ новая самосжигательная прелесть, а отъ врага да гордости.. Паче святыхъ въ учители лѣземъ. Вишь, тетрадки у нихъ каки-то, а намъ сказано: «Толку святыхъ отецъ внимая, а не тетрадкамъ неизвѣстнымъ день и ночь долбить». Лихо-де пришло время и кромѣ того нѣтъ нигдѣ мѣста, только въ огонь да въ воду и уходу, а того не видятъ Спасомъ реченнаго: «Не имутъ скончатися гради Израилевы, дондеже пріидетъ Сынъ Человѣческій». А толкованіе глаголетъ: «Не скончается вѣра христіанская до скончанія, т.-е. до Христова пришествія». Древле бѣды жесточе были, да не давилися и не жглися... Претерпѣвый до конца той спасется». Сказано: «Исповѣдайте Мя предъ человѣки», а не огнемъ себя сожигайте. Гнѣвъ Божій на главу собираютъ, мняся службу приносити Богу.

— Коли мы отъ себя,—пробуетъ возражать инокъ.—Аввакумъ, святой мученикъ, по сговору съ Лазаремъ и со всѣми отцы указалъ.

— И то ложь. Не быть Аввакуму такому дѣлу потаковникомъ. И тетради тѣ не его. Я самъ попадью Лазаря священника Домнину Михайловну опрашивалъ, и она усты ко устамъ мнѣ возвѣстила, яко между страдальцы такого совѣту не было, и тѣ мѣста въ тетрадяхъ Іосифъ и Игнатій написали самовольствомъ Іосифъ самъ мнѣ каялся. Пишь ты, отцы-де на самовольную смерть благословляютъ. Или Тимоѳея Александрійскаго не челъ? Такихъ и «поминати не достоитъ». И не въ дѣло говоришь.

— А св. Доминика да Маркъ Фраческій. А Манефа да Филипадъ. Да Дросида мученица, Софронія. Я, коли хошь, десятка три покажу.

— А все не къ дѣлу. Скудное Церкви не законъ. И коли они отъ безчества смерть пріяли своей рукой, то дѣло иное. А на скудномъ Церковь не строится. А коли,—найди ты, сразу тысящи сожигались. Какъ получите спасеніе, коли, яко свиніи, запершись въ свинарникъ, спаляете себя губительной смертью. Забыли: «Азъ есмь съ вами до скончанія»*).

Старца однако слушали всего пять-десять человѣкъ.

Толпа шла ближе къ монастырю.

Плачь, вопли, выкрики кликушъ, бившихся въ падучей, здѣсь переходили въ сильный стонъ.

Въ одномъ мѣстѣ мать съ плачемъ уговаривала сына, мальчишку лѣтъ шести, «не бояться огня».

Вѣрнѣе убѣждала себя, что будетъ хорошо и ему и ей, потому что ребенокъ еще ничего не понималъ и только съ любопытствомъ смотрѣлъ на невиданное сборище.

---

*) Возраженія старца взяты почти буквально изъ „Отразительнаго писанія“ Ефросина. Нужно однако сознаться, что хотя, конечно, въ спорѣ правда была не на сторонѣ самосожигателей, но нѣкоторые ихъ аргументы по отношенію къ самосожженіямъ—въ прямыхъ цѣляхъ не попасть въ руки враговъ—имѣли значительную убѣдительность. Укажу, напр., справку изъ труда въ защиту самосожженія Петра Прокопьева. Въ житіи св. Анфима Никомидійскаго сказано, что „многіе отъ вѣрныхъ, Христовой любовью разжегшеся, сами себя въ огонь вметаху“. Въ житіи Дросиды сказано: „Кождо отъ христіанъ, вѣры ради и любви Христовой, ввергаютъ сами себя въ пещь“... Конечно, заблужденіе, несмотря на всѣ справки, было заблужденіемъ.

— Не бойся, миленькій, не бойся, родимый. Пойдемъ съ батюшкой Игнатіемъ. На томъ-то свѣту рубахи будутъ золотыя, сапоги красные, а между и орѣховъ тебѣ сколько душа хочетъ...

Ребенокъ досадливо старался вырваться изъ рукъ матери, его занимали странныя хлопоты около монастыря.

Тамъ ломали лѣстницы, забивали досками узкія окна храма, видиѣвшагося изъ-за ограды.

Какой-то сѣденькій старичекъ (эклесіархъ монастыря) распоряжался работами, разставляя по крышѣ шатроваго храма боченки съ порохомъ и связки смоленой пакли.

Гуще всего толпа была около самого монастыря.

Здѣсь, стоя на кучѣ бревенъ, ораторствовалъ мужикъ, лѣтъ 35, съ горящимп безуміемъ глазами: а вблизи его, около обветшавшаго креста часовенки, парень лѣтъ двадцати двухъ, блѣдный, какъ смерть, весь лучившійся отъ внутренняго восторга.

— Ѳедоръ, Алеша,—вскрикнулъ Иванка.—Да, это были его братъ и своякъ. Дарьинъ братъ, нашъ старый забытый знакомецъ.

Ѳедоръ, видимо, пользовался особымъ авторитомъ въ толпѣ. Его рѣчь звучала, «какъ у власть имущаго».

— Всякъ вѣрный не развѣшивай ушей и не задумывайся,—проповѣдывалъ онъ,—гряди въ огонь съ дерзновеніемъ, Господи ради, постражди! Нынѣ намъ отъ мучителей—огнь и дрова, земля и топоръ, ножъ и висилица; тамо же—ангельскія пѣсни и славословіе, и хвала, и радованіе. Когда оживотворятся мертвыя тѣла наши Духомъ Святымъ, что ребенокъ изъ брюха, вылѣзетъ паки изъ земли-матери. Пророки и праотцы не уйдутъ отъ искуса, всѣхъ святыхъ лики пройдутъ рѣку огненную,—только мы свободны: то-де намъ искусъ, что нынѣ сгорѣли; то намъ рѣка огненная, что сами въ огонь.

Не убойтесь, милые... Страхъ не великъ. До печи страхъ-отъ, а какъ въ нее вошелъ, то и забылъ все. Загорится, а ты и видишь Христа, и ангельскіе лики съ Нимъ, вынимаютъ душу изъ тѣла, а Христосъ—надежда Самъ благословляетъ и силу ей даетъ Божественную. И не тяжка тогда уже бываетъ,

по яко восперена, туда же летаетъ со ангелами, ровно птичка попархиваетъ, рада, изъ темницы той, изъ тѣла вылетѣла. Вотъ пѣла до того, плакала: изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени Твоему. Ну, а то выплакала. Темница та, говоритъ, въ печи, а душа, яко бисеръ и яко злато чисто, возносится къ Господу! *).

— Ѳедя... Алеша.—снова окликнула Дарья и Иванъ.

Ѳедоръ посмотрѣлъ на нихъ и не оглядываясь продолжалъ рѣчь...

— Идемъ отсюда, Ѳедя... Не спасенье здѣсь, гибель,—стоналъ Ивашка.—Алеша, миленькій, хоть ты-то уйди.

Алексѣй, какъ будто очнувшись отъ сна, сдѣлалъ было полшага къ нимъ, но остановился.

— Не отдамъ уготовленнаго мнѣ чертога,—истерически выкрикнулъ онъ и ухватился за перекладину креста, точно боясь, что его оторвутъ отъ сладкой смерти.

— Идутъ, солдаты идутъ,—прокричалъ чей-то не то восторженный, не то отчаянный голосъ.

И толпа зашевелилась.

— Въ церкву идите, въ монастырь, зажигаться пора,—заторопился старичокъ, торопя къ смерти тѣмъ же самымъ тономъ, какимъ онъ торопилъ лѣнивыхъ къ часамъ.

Ивашка стоялъ колеблясь: онъ чувствовалъ, что пора уходить.

Многіе изъ толпы кинулись ужъ къ полуденной заставѣ, чтобы убѣжать отъ солдатъ, которые шли съ полуночи (съ сѣвера).

— Ну, Дарьюшка, идемъ.

— Куда идемъ?—точно въ забытьи спрашивала та.

— Туда. Отсюда идемъ. Здѣсь намъ дѣлать нечего. Ихъ не уведешь. Самимъ спасаться надо отъ гибели.

Та снова кинулась было къ брату, но толпа оттерла ее, и она покорно пошла за Ивашкой: все видѣнное и слышанное

---

*) Рѣчь эта, взятая у Мережковскаго („Антихристъ") по частямъ, заимствована изъ писемъ Аввакума, частью подложныхъ, частью подлинныхъ.

слишкомъ подавило ее. Она на время забыла даже о своемъ рѣшеніи умереть.

Вслѣдъ за ними снова сдѣлалъ было движеніе и Алеша, но властная рука Өедора остановила его, и Алешка со стономъ опустился на снѣгъ.

Изъ монастыря неслось пѣніе. Тамъ обреченные отпѣвали себя: «паки возврати мя въ землю, отъ нея же взятъ быхъ»...

Алексѣй, очнувшись отъ короткаго обморока, прислушался, не сразу понимая, гдѣ онъ и что съ нимъ.

«Въ землю, отъ нея же взятъ быхъ»...

Онъ понялъ, а вмѣстѣ слова панихиды сразу открыли передъ нимъ то, чего онъ какъ-то не видѣлъ, что пропускалъ въ своихъ мысляхъ—смерть, разставаніе съ жизнью..со всѣмъ этимъ міромъ.

Өедоръ склонилъ его на «мученичество», за которое его ждетъ небесное блаженство. И Алексѣй съ радостью шелъ на «мученичество», за мечтами о будущемъ блаженствѣ, не думая о томъ, черезъ что нужно пройти къ нему.

Онъ былъ готовъ на подвигъ—на мученія, на мучительную смерть. Но только теперь, когда нужно было встать и итти туда, гдѣ уже его отпѣваютъ, онъ увидѣлъ, что нужно «умереть»—уйти изъ жизни, покинуть міръ, который онъ такъ любитъ.

А хоръ сожигателей пѣлъ:

«И желаемое отечество подаждь ми и раю паки сотвори мя жителя».

Алексѣй слушалъ и страстная любовь къ жизни воскресла въ немъ.

— Нѣтъ, Господи, не хочу я того отечества, не хочу... Оставь меня.. Онъ бросилъ взглядъ кругомъ на темнѣющій впереди лѣсъ, на кочковатую болотистую равнину, тамъ ниже села, на синѣющее далеко вверху небо. И сразу почувствовалъ какъ невыносимо близко и дорого все это. Онъ сросся со всѣмъ и было тяжело и такъ больно отрывать себя отъ него. Ему казалось непонятнымъ, какъ можетъ случиться, что онъ будетъ не видѣть этого неба, этого лѣса. И вдругъ

захотѣлось встать и бѣжать изъ этой толпы безумныхъ, отъ страшной домовины.

«Усопшія рабы своя покой, презря имъ вся согрѣшенія».

— «Усопшія»,—и я со «усопшими».

Алексѣй почувствовалъ, что онъ уже безсиленъ и бѣжать. Все уже кончено и ничѣмъ не спасешься... Этой панихидой по немъ живомъ онъ пріобщенъ уже къ мертвымъ—вырванъ живой, сознающій это, изъ жизни. И это убивало въ немъ всякую силу, всякую способность бороться за свою жизнь и вливало въ опустѣвшую душу сѣрое отчаяніе, безнадежное, но вмѣстѣ протестующее. Какъ будто изъ-подъ задавленнаго, очарованнаго сознанія пробивался дикій, но разумный инстинктъ природы, стремящійся вырваться изъ-подъ чужой власти.

И въ томленіи обвелъ онъ взглядомъ остатки уже разсѣявшейся толпы, ища помощи. Искалъ Ивана и Дарью.

Но всюду онъ видѣлъ одушевленныя, горящія восторгомъ, который теперь ему казался ужаснымъ, лица, и безнадежно опустилъ онъ голову внизъ.

Всѣ тѣ, въ которыхъ онъ раньше видѣлъ страхъ смерти, желанія убѣжать отъ нея, и которыхъ онъ такъ презиралъ за это, уже разсѣялись, ушли «жить».

При послѣднихъ лучахъ уходящяго свѣта земля стелилась голубоватымъ полотномъ и сѣрыми тѣнями лежали на немъ низкіе кусты вереска и ольхи. Глазъ, охватывая небольшой кусокъ ея, чувствовалъ, что она кругомъ и необъятной волнистой гладью уходитъ въ безконечность.

Алексѣй смотрѣлъ и вдругъ чувства, которыя мучили его душу, нашли выходъ во внезапной нѣжности къ землѣ, которую онъ никогда уже больше не увидитъ. Онъ упалъ лицомъ на землю и началъ цѣловать ее, глубоко впиваясь въ рыхлый снѣгъ пальцами. И съ каждой минутой волнуясь все больше и больше, онъ вдругъ прижался къ землѣ и громко, отчаянно зарыдалъ...

Ѳедоръ стоялъ надъ нимъ, ожидая, когда онъ встанетъ. Наконецъ, онъ его окликнулъ.

— А, что?—очнулся Алексѣй.

— Пойдемъ, братъ, пора... Вороги ужъ на селѣ.

Онъ взялъ Алексѣя за плечи обѣими руками и, приподнявъ, легко поставилъ на ноги.

— Ну, пойдемъ,—потащилъ онъ его за руку къ воротамъ монастыря.—Крѣпись, братъ,—это врагъ соблазняетъ тебя, видя, что ускользаетъ у него изъ рукъ кусъ. И всѣми теперь онъ орудуетъ, да стоимъ мы. Послужили бѣсу довольно. Пойдемъ.

Алексѣй шелъ, не слушая брата, и только жалкимъ, ищущимъ помощи взглядомъ смотрѣлъ въ лицо каждому, мимо кого они шли.

Они вошли чуть не послѣдними.

Тотчасъ за ними задвинули засовъ и сожжещы стали поспѣшно загораживать ворота досками, бочками, телѣгами и щитами изъ бревенъ. Была пора. Отрядъ человѣкъ въ 500 уже подступилъ къ воротамъ. Монастырскій колоколъ зазвонилъ похороннымъ звономъ.

**
*

Въ стѣнахъ монастыря все переломано. Все по-новому. Кромѣ старой ограды изъ вѣковыхъ сосенъ выстроена была новая высокая стѣна, почти вплотную окружавшая соборную церковь «срубомъ», а въ промежутокъ между стѣнами насыпана земля и каменья. Огромные щиты изъ бревенъ кромѣ воротъ защищали и входы въ церковь и окна.

Часть народа толпилась внѣ храма за второй стѣной, большинство въ самомъ храмѣ.

Онъ былъ биткомъ набитъ. Свѣчи еле мигали въ спертомъ воздухѣ.

При первыхъ ударахъ топоровъ о стѣны и выстрѣлахъ изъ пушекъ, поставленныхъ на стѣну, въ храмѣ сразу смолкло пѣніе и говоръ. Но ненадолго, черезъ двѣ-три минуты снова послышались вопли и печальное пѣніе «панихиды по живымъ».

И больно было слушать, какъ ликующими голосами пѣли они строгій, печальный канонъ. Больнѣе, чѣмъ рыданія,

сопровождающія обыкновенно этотъ канонъ: тамъ уходилъ человѣкъ уже отжившій свое, человѣкъ, котораго Богъ Самъ призвалъ къ себѣ. А здѣсь сильные, вѣрующіе люди, которые могли бы еще послужить на землѣ Богу, Его вѣрѣ, сами хоронили себя, отказываясь отъ борьбы, предавая братьевъ своихъ ихъ судьбѣ. Прозвучали послѣднія слова канона и въ срубѣ смолкло на минуту.

Застучали деревяннымъ звукомъ выстрѣлы.

Но вотъ изъ сруба послышался негромкій крикъ:

— Зажигай.

Послышался трескъ зажигаемой пакли. Удушливый дымъ сталъ наполнять храмъ. Дерево уже начало потрескивать. Струйки дыма стали пробиваться наружу. Подулъ вѣтерокъ и изъ оконницъ показались языки пламени. Пѣніе усилилось. Громче раздавались голоса.

Страшно и жалко: такая сила и вмѣстѣ такая рожденная безнадежностью боязнь борьбы. Все сильнѣе разгорается огонь и шумъ пламени уже заглушаетъ пѣніе. Вотъ сквозь пѣніе прорвался страшный женскій крикъ. Къ окну бросилась высокая женская фигура съ пылающей головой и повернувъ наружу ужасное изуродованное болью лицо, старалась вырваться изъ сруба. Но узкое отверстіе не пропускало ее. И она застряла въ немъ, напрасно цѣпляясь руками за наружныя бревна.

Наконецъ, изнутри ее оттащили обратно. Крики не смолкали, но они почти не были слышны среди треска и выстрѣловъ деревянныхъ пушекъ, которыми хотѣли разбить баррикады. Визгливо раздавался голосъ старичка:

— Не бойтесь, миленькіе... Ничего... Не долго ужъ.

Игнатій съ «новымъ», суровымъ лицомъ молился: «Призри Господи Боже,—передаетъ эту молитву авторъ «Исторіи Выговской пустыни»,—отъ святого жилища Твоего на насъ грѣшныхъ и недостойныхъ рабъ Твоихъ, собранныхъ во имя Твое святое, за древле-церковное благочестіе хотящихъ страдати. Виждь, Владыко, бѣду нашу, се бо обыдоша насъ врази наши, яко лютіи, неукротиміи звѣріе, и ищутъ насъ всѣхъ погубити и поглотити и не вѣмы, что сотворити. Аще попустим-

ся въ руки ихъ на муки здатися, якоже прочіи клеврети наши, страдавшія за имя Твое святое, не боимся расхищенія собраннаго толикаго множества, да не будемъ сынове погибели: ибо руки вражія мучительства и томленія орудія суть и готовы на пролитіе крове, и на поруганіе христіанства: мы же немощны есмы и слабы, и того ради не смѣемъ къ предлежащимъ мукамъ вдатися. Ты же, Господи нашъ Владыко Зиждителю и Творче небу и земли и всей твари, сотвори по своей всемогущей силѣ и по воли своей святой и призри на сіе собранное Тебѣ, Доброму Пастырю, преслѣдуемое ради имени Твоего стадо помилуй и спаси. И ими же вѣси судьбами укрѣпи и утверди, и мужественны покажи на огненное сіе страданіе: Тебѣ бо ради Владыко и имени Твоего святаго страждемъ и предаемся огненному сему стремленію, вмѣни Господи Человѣколюбче, въ мученическое страданіе, ради немощи нашея и съ ними сочетай царствію Своему небесному и со всѣми святыми.

Аминь».

И какъ эхо этого аминь простонали короткимъ стономъ падающія стѣны: взорвался порохъ.

***

Ивашка и Дарья торопились уйти.

Свѣжій, холодный, сильно уже отдающій морозомъ, воздухъ немного успокоилъ ихъ и Ивашка, чувствуя себя спасшимся изъ смертной опасности, радостно любовался видомъ родныхъ мѣстъ, къ которымъ онъ такъ рвался и отъ которыхъ теперь не зналъ куда бѣжать.

Было такъ хорошо. Въ воздухѣ распространялась какая-то особенная ясность и «теплота» и звонкость, какая бываетъ только въ безсолнечные дни поздней осенью, да ранней весной. Вотъ они спустились съ пригорка и передъ ними открылась болотистая равнина. Въ морозистомъ, немного туманномъ воздухѣ особенно четко выдѣлялись всѣ кустики, кочки, свѣтящіяся прекраснымъ матовымъ блескомъ лужицы, окаймленныя мягкой зеленью вереска, и огромные камни съ зеле-

нымъ мохомъ, кое-гдѣ выбившемся изъ-подъ снѣга, каждая камышинка, каждая тростинка, каждый предметъ какъ будто выдвигался, лѣзъ впередъ передъ взглядомъ и пѣлъ Ивашкѣ о жизни.

Путники быстро прошли болото и поднялись на высокій голый холмъ.

Здѣсь уже собралось около сотни бѣглецовъ.

Въ эту минуту рядъ гулкихъ взрывовъ встряхнулъ воздухъ.

Это взрывались бочата съ порохомъ на крышѣ монастыря.

Наши бѣглецы оглянулись въ сторону Палеострова. Монастырь виднѣлся вдали, какъ огромный багряный факелъ. И потомъ сразу какъ-то осѣлъ.

— Рухнула церковь,—догадался кто-то.

Толпа перекрестилась.

Одна изъ женщинъ забилась на снѣгу въ припадкѣ.

Потомъ вдругъ поднялась и широкими пророческими глазами стала всматриваться вдаль.

— Смотрите... Смотрите... Вотъ... Игнатій съ крестомъ. Одежда свѣтлая. Идетъ въ высоту къ Господу. И по немъ старцы и народъ весь... Со свѣщами въ ризахъ бѣлыхъ....

Вотъ двери неба отверзаются. Ангелы выходятъ навстрѣчу.

— Видите... Видите...

Толпа смотрѣла и *видѣла*... Нѣкоторые въ ужасѣ упали «ницъ».

— Господи, вѣнцы, вѣнцы какіе потеряли,—сокрушались кругомъ.

Среди толпы совсѣмъ близко къ Ивашкѣ стоялъ, возбужденно глядя на Палеостровъ, высокій юноша. Ему было не болѣе 20-ти, но на блѣдномъ, аскетическомъ лицѣ свѣтилась большая мысль. При свѣтѣ «великой гари» въ немъ, казалось, зрѣло какое-то твердое рѣшеніе. Это былъ Андрей Денисовъ.

«Оное видѣніе мнози человѣцы видѣша»,—разсказываетъ въ своей «Исторіи Выговской пустыни» Филипповъ. Онъ вообще идеализируетъ главныхъ дѣятелей Палеостровской гари Игнатія и Емельяна Повѣнецкаго. И, конечно, если бы можно считать молитву Игнатія подлинной, то мы имѣемъ

здѣсь въ палеостровскомъ сожженіи настоящій сознательный подвигъ, а не безуміе изступленнаго жертвоприношенія «замученныхъ».

Къ сожалѣнію, кажется, въ данномъ случаѣ нельзя вѣрить Филиппову вполнѣ и безусловно.

У выговцевъ, какъ увидимъ позже, были причины въ своей «хроникѣ» изображать «самосожженіе» въ освѣщеніи чрезмѣрно идеалистическомъ, такъ какъ именно здѣсь, несмотря на взгляды Андрея Денисова, упрочилась, до извѣстной степени, проповѣдь «самосожженія» даже безъ наличности прямой опасности отъ гонителей. Здѣсь появилась апологія самосожигательства Петра Прокопіева, и Филипповъ, защищая взгляды своихъ, не могъ быть безпристрастенъ въ оцѣнкѣ самосожженія.

Кажется, вѣрнѣе думать, что какъ ни понятна психика самосожигательства въ XVII вѣкѣ, это безуміе было все же ближайшимъ результатомъ того великаго заблужденія, какое внесли ревностные, не по разуму, поморяне своимъ ученіемъ объ «антихристовой побѣдѣ».

О царствѣ антихриста, пришедшаго въ міръ.

Палеостровскія гари есть выводъ изъ этого опаснаго тезиса, а изъ ложнаго основанія, конечно, не могло быть добраго вывода.

И, можетъ быть, именно въ это время «большихъ гарей» окончательно созрѣла и выросла у Андрея мысль противопоставить мнимо-царствующему антихристу—Христа во всей Его «церковной силѣ».

Искать епископа.

III.

На пути къ Выгу.

Бѣлая снѣжная пустыня, огромная, безконечная—куда ни глянешь, всюду ровная, однообразная бѣлая масса. Не на чемъ отдохнуть глазу—ни одного темнаго пятнышка—ни кустика. ни кочки. Только на самомъ краю горизонта уже почти за

гранью его чернѣется узкой, неясной полоской лѣсъ. Высоко поднялось надъ равниной небо въ тонъ окружающему однообразно блѣдное, только двѣ волнистыя полоски облаковъ и замутили его скучную гладь. Спокойствіе безлюднаго храма— молитвенная тишина царитъ въ безконечной, необозримой пустынѣ.

Однако равнина не такъ пуста, какъ это кажется съ перваго взгляда. Если присмотрѣться, то мы увидимъ на южномъ краю горизонта, противъ лѣса, двѣ темныя точки, какъ будто человѣческія фигуры. Одинъ за другимъ, одѣтые въ полушубки и кафтаны съ мѣшками и котомками за спиной, опираясь на палки, люди легко скользятъ по глубокому снѣгу на своихъ длинныхъ лыжахъ. Это идутъ въ «прекрасную пустыню» Андрей Денисовъ, Вторушинъ-Мышецкій, и его товарищъ Иванъ Бѣлоутовъ. Шестой день уже, какъ они ушли изъ родного села, невѣдомо куда. Нѣтъ ни дороги, ни слѣду человѣческаго, приходится самимъ прокладывать себѣ путь. «Лыжи убо вмѣсто коней, кережку же вмѣсто воза воспріемъ, самъ себѣ бываетъ и подвода, и извощикъ, и слуга, и господинъ, и вождь, и водимый»,—разсказываетъ объ этомъ путешествіи будущаго главы Выга Филипповъ.

Куда они шли?

Велъ Андрей, но и самъ вожатый не зналъ, куда идетъ, онъ зналъ только, что на Выгѣ и по озерамъ живутъ спасшіеся изъ Соловокъ старцы.

Поразспросить хорошенько о дорогѣ онъ не успѣлъ и боялся, чтобы не заподозрѣлъ побѣга отецъ и теперь шелъ наугадъ. Да, пожалуй, и не хотѣлось итти прямо «на людей», тянуло къ себѣ уединеніе, хоть не надолго.

Путники спѣшили къ лѣсу. Короткій зимній день кончался, мягкій голубоватый туманъ сумерекъ уже смягчалъ гнетущую пустоту равнины. А кругомъ не было никакого намека на жилье. Ночевать въ открытомъ полѣ опасно, можно было замерзнуть. И они ускоряли шаги, чтобы до темноты попасть въ лѣсъ.

Наконецъ они дошли. Въ лѣсу какъ-то сразу стало теплѣе на душѣ, уютнѣе. Частыя сосны окружили усталыхъ мягкими,

обвисшими вѣтвями. Пересталъ давить душу холодный тяжелый просторъ снѣжной степи. Глазъ съ удовольствіемъ отдыхалъ послѣ однообразія на свѣжей зеленой хвоѣ. Андрей не углублялся въ лѣсъ и найдя возлѣ опушки небольшую полянку остановился.

— Ну, хорошо здѣсь?

— Чего разбирать—все хорошо. Только бы до мѣста. Скидай тягу, да айда за дровами.

Они сбросили съ себя мѣшки и котомки прямо въ снѣгъ и отвязавъ отъ пояса топоры, принялись обрубать нижнія сухія вѣтви сосенъ. Скоро на полянкѣ образовалась цѣлая гора сучьевъ, и Иванъ, бросивъ топоръ, началъ складывать посреди поляны костеръ, разрубая большія вѣтки на части. Сложивъ костеръ, онъ подсунулъ внизъ мелкихъ сухихъ вѣточекъ, досталъ изъ-за пояса кремень, огниво, вынулъ изъ кисета кусочекъ трута. Высѣкъ на трутъ искру и подсунувъ тлѣющій трутъ внизъ, принялся раздувать трутъ. Сухія вѣтки быстро разгорѣлись. Слабый огонекъ потянулся тоненькими блѣдными языками вверхъ по ближайшимъ вѣткамъ, разрастаясь, краснѣя побѣжалъ въ сторону и, наконецъ, высунулся большимъ, краснымъ языкомъ надъ всей кучей дровъ.

— Бросай работу,—крикнулъ Иванъ уже невидимому въ темнотѣ Андрею,—будетъ дровъ. Иди грѣться, да и поснѣдаемъ.

— Ого-о,—отозвался издали Андрей.

Черезъ нѣсколько минутъ путники сидѣли уже кругомъ огромнаго ярко пылавшаго костра. Надъ огнемъ на палкѣ, положенной на двѣ подпорки, висѣло ведерко съ гречневой кашицей. Сидѣли молча. Отогрѣвали иззябшіе уставшіе члены.

— Какъ-то у насъ въ деревнѣ нашн,—вдругъ подумалъ вслухъ Иванъ.

— И невѣдомо. Худо придется. Послѣ Палеострова озвѣрѣли никоніане—угорѣли должно отъ Палеостровской гари. Слыхать, и жечь надоѣло: одного старца солдаты утопили въ Вогозерѣ. Какъ въ Соловкахъ...

— Какъ въ Соловкахъ; я помню къ намъ на деревню тогда

много приходило иноковъ, что уцѣлѣли. Что разсказывали, ужасъ слушать. Бывало у насъ слушаютъ, а сами плачутъ.

— И къ намъ,—началъ разсказывать Андрей,—пришли разъ двое, я тогда былъ совсѣмъ махонькій, а помню хорошо. Одинъ былъ глупенькій, людей боится—станетъ къ нему кто подходить, а онъ заплачетъ и убѣжитъ; говорилъ много, а разобрать ничего нельзя. Другой монашекъ сказывалъ: съ нимъ это отъ страху приключилось, его стрѣльцы топить хотѣли, ужъ окунули разъ, да онъ вырвался. Самъ-то ушелъ, а разумъ оставилъ. И много тогда поразсказалъ намъ монахъ: всего подлинно не помню. Думаю, послѣ поразспрошать, да записать. Одно у меня осталось въ памяти: будто живыхъ людей кучами въ проруби толкали. Набьютъ прорубь биткомъ, потомъ въ это людское мѣсиво еще бросятъ и еще, чтобы-де *уха наваристѣе была*. Монахъ разсказываетъ, а лицо у него не свое—бѣлое, какъ полотно. Говорилъ-говорилъ, а потомъ какъ застонетъ—закрылся руками. Потомъ какъ закричитъ вдругъ и у рта пѣна. Свалился на полъ и давай его бить, кричитъ и бьется объ полъ...

Товарищи замолчали и стали смотрѣть въ огонь. Между тѣмъ каша уже была готова, путники поѣли. Вырыли каждый себѣ возлѣ костра углубленіе. Подбросили дровъ. И Иванъ улегся ногами къ огню. Андрей не спалъ. Задумчиво смотрѣлъ онъ въ чащу, гдѣ отблески костра рисовали странныя, сказочныя тѣни. И выплыло откуда-то родное село, дѣтство. И ясно, отчетливо, точно на экранѣ, прошелъ передъ его глазами одинъ эпизодъ этого дѣтства, едва ли не опредѣлившій всю его жизнь.

***

...Ясное солнечное утро едва озолотило свѣтлыя воды Онежскаго озера. На берегу около красной заводи собралась кучка—больше все подростковъ и парней не старше 18 лѣтъ.

Это ловцы жемчуга. Ловля его здѣсь не «въ промыслѣ», а скорѣе въ забаву и взрослые ей занимаются. Четыре челнока отплыли отъ берега и остановились, ожидая пока не выйдетъ

впередъ «вожакъ». На первое мѣсто выдвинулся челнокъ побольше другихъ, на его кормѣ сидѣлъ парень лѣтъ 18—Кирюшка, большой пріятель Андрея, хотя старше его года на четыре. Тутъ же былъ Андрей и Ѳеня—невѣста Кирюшки.

Кирюшка и былъ сегодня вожакомъ: долженъ былъ указать жемчужное мѣсто. Лодка Кирюшки быстро двинулась, за ней пошли и остальные искатели «бурмистскихъ зеренъ». Въ остальныхъ челнокахъ сидѣло всего по-двое: одинъ на носу, другой на кормѣ и гребли съ разныхъ сторонъ короткими изогнутыми веслами.

Четыре парня и двѣ дѣвушки.

Вотъ и Кебунова Коса, заросшая мелкимъ кустарникомъ.

— Здѣсь,—крикнулъ Кирюшка.

Лодки остановились и широкимъ кругомъ расположились около указаннаго мѣста. Начали готовиться. Раздѣвшись, они привязывали къ плечу небольшія лычныя сумки и обвязывались длинной веревкой: за нее тащили ловца, если съ нимъ было неблагополучно. Уши и носъ заткнули провощенной куделью.

Кирюшка, перекрестясь, первый бросился въ воду. Андрей и Ѳеня сидѣли, слегка шевеля весломъ, чтобы лодка стояла на мѣстѣ и слѣдили за Кирюшкой. Вотъ Кирюшка выплылъ. Надъ бортомъ лодки показалось двѣ руки. Вылѣзъ осторожно въ лодку, отдышался и началъ опрастывать сумку.

Ѳеня ножемъ открывала раковины.

— Пустая, пустая,—недовольно бросила она ихъ одна за другой.

На «вожака» послышались насмѣшки.

— Ну-ка еще,—«благословясь»,—крикнулъ Кирюшка, и снова бросился въ воду. Андрей не помнитъ, сколько разъ спускался въ воду его упрямый товарищъ. Но конецъ лова—послѣдній лазъ Кирюшки. Его и сейчасъ видитъ Андрей, какъ и тогда. Кирюшка кинулся послѣдній разъ около самаго берега уже усталый, измученный. Пробылъ онъ не дольше, чѣмъ всегда. Но у всѣхъ почему-то сердце екнуло и сжалось предчувствіемъ бѣды. И минута показалась за пять. Наконецъ, Кирюшка сталъ подниматься.

— Идетъ,—радостно вскрикнула Ѳеня, вытягивая веревку.

Накинувъ кафтанъ, Кирюшка нѣсколько минутъ сидѣлъ молча, стараясь согрѣться. Андрей причалилъ къ отмели. А Ѳеня снова нетерпѣливо взялась за раковины. Открыла одну; на блестящемъ перламутровомъ ложѣ, сіяя томнымъ опаловымъ блескомъ лежала крупная съ горошину жемчужина. Другую— то же. А Кирюшка съ закрытыми глазами лежалъ на травѣ запрокинувшись на спину и жадно дышалъ, то часто и глубоко всей грудью забирая воздухъ, то коротко и прерывисто.

Ѳеня показала ему жемчугъ. Кирюшка поднялся, по его лицу скользнула неясная, расплывчатая улыбка. И вдругъ эта улыбка смѣнилась выраженіемъ страха, ужаса передъ чѣмъ-то. Онъ широко раскрылъ глаза и мутнымъ, испуганнымъ и недоумѣвающимъ взглядомъ обводилъ по лицамъ Андрея и Ѳени. Онъ почти пересталъ дышать, только ротъ ловилъ воздухъ судорогами челюстей.

Ѳеня подхватила его на руки. Вотъ онъ снова выпрямился, раскрылъ ротъ, какъ будто хотѣлъ что-то сказать и изо рта темными сгустками хлынула кровь. Кирюшка безпомощнымъ взглядомъ остановился на лицѣ Андрея. Кровь все текла уже густой струей, и ослабѣвая, Кирюшка опускался на рукахъ у Ѳени. Наконецъ, онъ совсѣмъ свалился на полъ и только взглядъ, уже спокойный, но страшный этимъ своимъ спокойствіемъ, отчасти говорилъ, что есть еще жизнь въ этой человѣческой тушѣ, изъ которой ручьемъ лилась кровь. Нѣсколько вздрагиваній... судорожныхъ движеній ртомъ... и все кончилось для Кирюшки.

Андрей помнилъ, что лицо Кирюшки показалось ему невыносимо страшнымъ, онъ бросился бѣжать, чтобы не видѣть этихъ испуганныхъ глазъ—этого жемчуга въ крови... Долго бѣжалъ онъ, не помня себя, не чувствуя усталости, не разбирая дороги. И одна мысль неотвязно стучала въ мозу: «Жемчугъ-то... въ крови весь»...

Жемчугъ-то...

И вотъ откуда-то онъ услышалъ голосъ «въ вѣтрѣ тонцѣ»:

— Ищи себѣ добраго бисера... Ищи... Какъ купецъ, который нашелъ жемчужину на полѣ и продалъ все, чтобы купить поле это...

Кто это?.. Можетъ быть, просто въ мозгу выплыла страничка изъ Евангелія, которое Андрей зналъ наизусть? Можетъ быть. Но нѣтъ, онъ слышалъ голосъ... По крайней мѣрѣ, первыя слова онъ не припомнилъ, а слышалъ. Обезсиленный Андрей, наконецъ, не могъ бѣжать дальше и опустился на траву на опушкѣ березовой рощицы. И снова голосъ: «Ищи добраго бисера... Ищи».

Точно Самуилъ въ отвѣтъ на зовъ Господа, Андрей въ полузабытьи откликнулся Невѣдомому:

— Гдѣ этотъ бисеръ... Гдѣ? Укажи, Господи?

И тогда впервые онъ увидѣлъ это частое ему видѣніе. Сквозь чащу березъ, еще окутанныхъ утреннимъ туманомъ, онъ увидѣлъ обитель, обнесенную тыномъ, цѣлый городъ подвижниковъ среди дикой лѣсной цѣлины...

Вотъ и теперь онъ точно ждетъ откровенія. И напряженно всматривается въ причудливыя тѣни, какія рисуютъ огни костра въ темной чащѣ...

Да, да... Вотъ, снова онъ—этотъ обнесенный «огородомъ» городъ.

Длинные ряды темныхъ келій... Островерхие верхи часовенъ... Ищите добраго бисера...

Кто это сказалъ?

**
*

На утро, чуть разсвѣло, путники были уже на ногахъ и снова двинулись въ путь. Все впередъ на сѣверо-западъ.

Лѣсъ растянулся далеко, день-за-днемъ шли Андрей съ товарищемъ; все время передъ ихъ глазами стояла, постепенно отодвигаясь впередъ, сплошная стѣна громадныхъ темныхъ стволовъ со свѣжей зеленью молодыхъ деревьевъ. А надъ головами шумѣлъ все тотъ же зеленый боръ.

Ночевали снова въ лѣсу и вторая ночевка была много труднѣе первой. До сихъ поръ имъ каждый день попадались деревни и они ночевали въ теплѣ и ночевки около костра

были имъ непривычны. Иззябнувшее и за дни и за ночь, проведенную на снѣгу, тѣло ныло и ломило.

Но путники не роптали и шли и третій день... и четвертый и шестой...

Въ сущности, путники давно могли бы разыскать кого-нибудь изъ пустынныхъ или поселиться въ чьей-нибудь заброшенной келліи, какихъ было не мало въ этомъ краю. Но они не хотѣли, имъ «сжаждалось» подвига. И такъ «скитающеся, ни стѣны, ни покрова отъ зимныя студени имуще, огненной точію присѣдяще пудіи», два искателя спасенія вели «самоозлобленное и богорадное оно житіе» цѣлую зиму. Только весной они выстроили себѣ келлію между Тугозеромъ и Бѣлымъ озеромъ. Гора была имъ сожительницей и ручей сосѣдомъ. Началась другая жизнь, гдѣ молитва и бдѣніе чредовались съ тяжелымъ трудомъ пропитанія ради, работа «на душу» соединялась съ тяжкой борьбой съ негостепріимной и суровой природой. Цѣлыми мѣсяцами пустынники не видѣли человѣка. Съ ними былъ только *Богъ*, величественнымъ храмомъ Которому были эти подпимающіяся къ небу могучія сосны.

**
*

Было это въ 7200, т.-е. 1692 году. Цѣлыхъ пять лѣтъ Андрей боролся съ желаніемъ уйти, но любовь къ отцу, привычка послушанія мѣшали ему. Наконецъ, онъ не выдержалъ. Мысль, что «кто любитъ отца и мать паче Христа—недостоинъ Его», побѣдила и заставила рѣшиться...

И онъ «презираетъ домъ и вся настоящая, яко не сущая, уничтожаетъ»...

Теперь Андрей уже былъ не юноша. Правда, и сейчасъ онъ очень молодъ, но уже не похожъ на того хрупкаго и слабенькаго мечтателя, какой бѣжитъ изъ Палеострова. Онъ постарѣлъ за эти четыре года, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ *). На Выгъ пришелъ уже «мужъ».

*) Годъ рожденія Андрея Денисова трудно установить съ полной точностью. Въ Изборникѣ „Народной газеты", апрѣль 1906 г., въ біографіи „Братьевъ Денисовыхъ" указанъ годъ 1664. На портретѣ Андрея Денисова тамъ же 1674. Послѣдняя цифра наиболѣе близка къ истинной

IV.

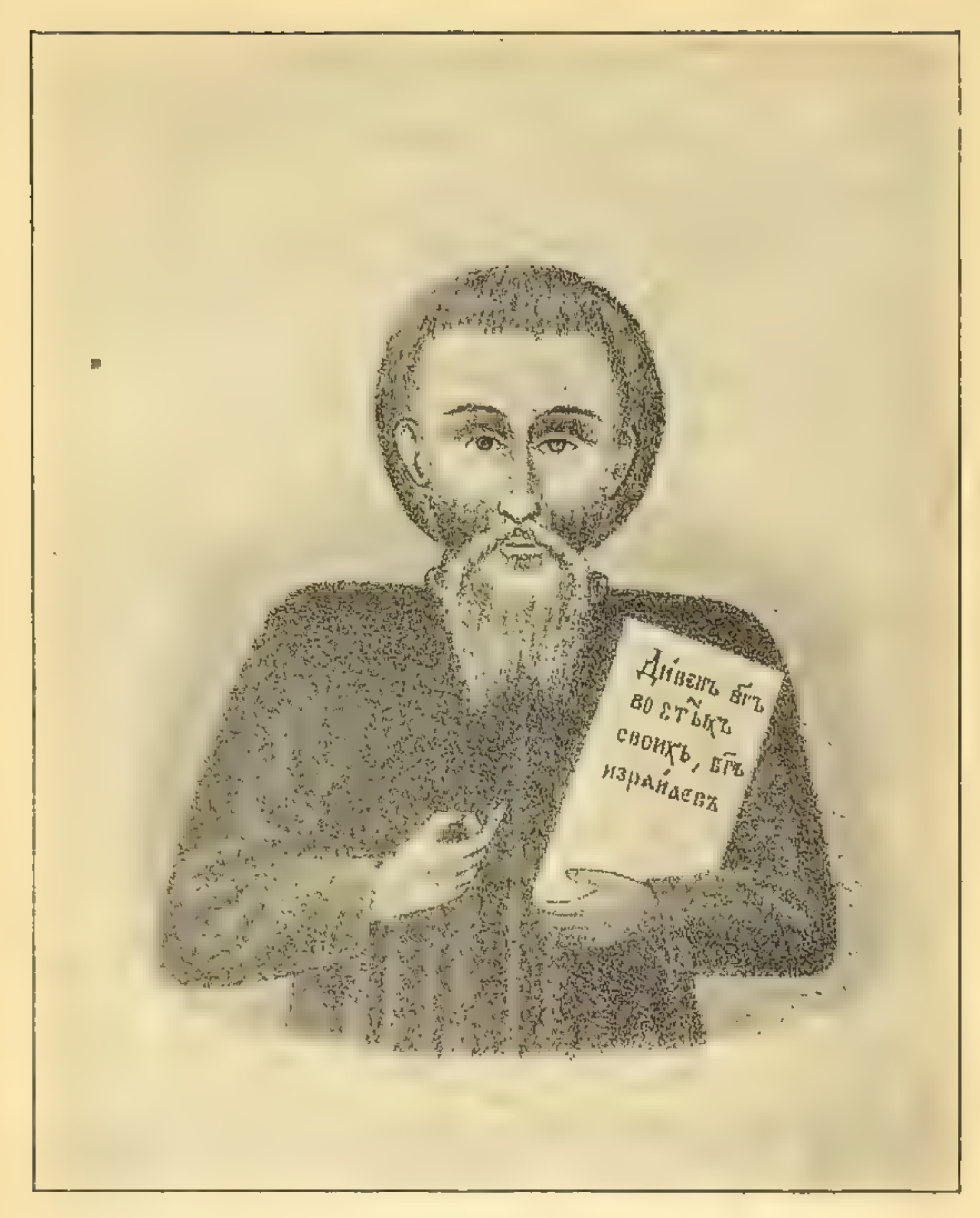
Нашествіе «звѣря».

Шелъ 1702 годъ.

Немного времени прошло со времени «богорадпаго» странствованія Андрея Денисова по лѣсамъ Олонецкаго края. А сдѣлалось за это время много. За эти годы сложился Выгъ.

Андрей немного прожилъ на Тагозерѣ. Даніилъ Викуловъ, жившій тогда на такъ называемой Рязани, убѣдилъ его поселиться въ «единотрапезное и единоименное житіе». Сюда же, въ бывшія келліи Емельяна Повѣнецкаго, сгорѣвшаго во время второй Палеостровской гари, собрались и еще «братья и сестры многи». Но и этому мѣсту не суждено было стать Андреевой «духовной крѣпостью». Почти въ одно время съ Андреемъ, въ лѣто отъ міротворенія 7199, недалеко отъ Андрея и Даніила, по р. Верхній Выгъ, укрываясь отъ преслѣдованій, поселился крестьянинъ Захарій съ отцомъ старикомъ Савватіемъ и съ семействомъ, занимаясь земледѣліемъ. Берега рѣки Выга, хотя и сплошь покрытые еловымъ и сосновымъ лѣсомъ, были хороши для земледѣлія. «хлѣбъ вельми растяше и успѣваше. На одномъ мѣстѣ по три хлѣба, по четыре на кряжахъ снимаше».

Однажды, на Святой, Захарію пришлось побывать у Даніила и Андрея. И тутъ ему пришла счастливая мысль звать ихъ къ себѣ на Выгъ. Возвратившись къ отцу домой, Захарій разсказалъ про новое общежитіе и о ихъ замыслахъ. Старику не понравился этотъ планъ, но Захарій сумѣлъ уговорить его и они уже вдвоемъ отправились къ Даніилѣ на лыжахъ. Гостей приняли съ радостью, каждый день пѣли духовные стихи и послѣ службы читали священныя книги. Основатели выговскаго общежитія не сразу сдались на убѣжденія Захарія и рѣшили для опыта послать на Выгъ 12 трудниковъ сѣчь деревья и посѣять хлѣбъ. Трудники сейчасъ же и отправились. Пока они работали на Выгѣ, случилась бѣда: въ общежитіи сгорѣли всѣ запасы и всѣ постройки. Скитники увидѣли въ этомъ несчастіи перстъ Божій, тѣмъ болѣе, что ста-

Даніилъ Викуловичъ.

рецъ Корнилій, жившій невдалекѣ, совѣтывалъ итти къ Захарію. Забравъ съ собой все, что осталось, всѣ жители Даниловой келліи отправились на Выгъ. Съ этого времени можно считать, въ собственномъ смыслѣ, начало великаго Выга.—Октябрь 7203 (1695 года).

Живо закипѣла постройка новаго скита. Прежде всего поставили столовую и хлѣбную въ одной связи, келліи для мужчинъ и для женщинъ. Мужчины жили спачала въ столовой, а женщины въ хлѣбной. Богослуженіе совершалось также въ столовой при чемъ посрединѣ вѣшалась завѣса, раздѣляющая мужчинъ и женщинъ. Въ это время скитниковъ было около сорока человѣкъ. Но слухъ о новой обители быстро распространился и общежитіе стало расти. Вскорѣ сюда прибылъ и отецъ Андрея Денисова съ сыновьями, Семеномъ и Иваномъ. Старыхъ построекъ стало мало, выстроили новыя келліи, особо для мужчинъ и женщинъ. Между женскими келліями и мужскими поставили стѣну и въ ней небольшую келлію съ окномъ, гдѣ могли бы видѣться родственники; вокругъ всего монастыря поставили ограду. Уставился «порядокъ и чинъ». Обитель зажила трудовой, подвижнической жизнью... Тѣ, которые не могли вмѣстить строго иноческаго быта, удалялись въ скиты.

***

Въ такомъ видѣ была сѣверная обитель, когда донеслась до Выга неожиданная, страшная вѣсть:

«Звѣрь» идетъ... Антихристъ...

Встрепенулась и вздрогнула отъ ужаса пустыня. «Онъ идетъ... Готовьтесь... Пріиде часъ»... Ужасъ былъ понятенъ.

Черезъ густыя чащи пробивался *«помощью вражіей»*, какъ говорили выговцы, тотъ,—самое имя котораго сѣверъ произносилъ только шопотомъ:

Петръ!

Это «шествіе» по дебрямъ сѣвера даже и не на запуганныхъ стоятелей древней вѣры могло произвести впечатлѣніе.

И сейчасъ живъ слѣдъ грандіознаго похода. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ по такъ называемому Сумскому тракту стѣны лѣса вдругъ разступаются, образуется широкая, заросшая лишь мелкими, чахлыми деревцами просѣка, которая «ка-

жется въ этой глухой, безплодной мѣстности слѣдомъ громаднаго существа». Это и есть «Государева дорога» или «антихристовъ слѣдъ». Петръ шелъ по этимъ лѣсамъ и болотамъ съ войскомъ и *двумя фрегатами*, которые тащили посуху отъ самго Бѣлаго моря до озера Онего.

Это было во время шведской войны: Петръ Великій, во что бы то ни стало, хотѣлъ отбить входъ въ Балтійское море изъ Финскаго залива.

Рѣка Верхній Выгъ.
(Изъ книги Пришвина „Въ краю непуганныхъ птицъ“).

И для этого пошелъ *по лѣсу съ кораблями*. Флотъ прибылъ сначала къ усолью Нюхчѣ, здѣсь корабли были разрушены, поставлены на полозья и къ каждому было опредѣлено по 100 лошадей и подвозчиковъ и по 100 человѣкъ пѣшихъ. Путь шелъ къ Повѣнцу черезъ Выгъ. Главная переправа черезъ Выгъ была всего въ 50 верстахъ отъ Даниловскаго общежитія. Здѣсь переходило войско по пловучему

мосту изъ лодокъ и плотовъ. И выговцевъ вмѣстѣ съ другими «тянули на работу».

Но нужно помнить, что въ это время уже широко распространилось мнѣніе, что *послѣдній антихристъ именно Петръ*. Уже ходили тетради Козьмы Андреева, въ которыхъ «лихо на Петра было все показано».

Дѣло казалось яснымъ. «Антихристъ» пришелъ явѣ: «исполнилось трикратное шестичисліе, въ немъ же противникъ Христу бываетъ». Но кому быть антихристу, какъ не Петру, образъ котораго послѣ стрѣлецкаго бунта былъ въ сознаніи народа освѣщеннымъ такимъ яркимъ и страшнымъ свѣтомъ.

— Онъ, воистину, онъ,—разглагольствовалъ на Выгѣ какой-то пришелецъ, сбѣжавшій съ работъ по переправѣ,—ясно сказано: «Аще не пріидетъ отступленіе прежде и откроется человѣкъ грѣха—сынъ погибели. Прежде пріиде отступленіе царемъ Алексѣемъ въ 7174 лѣтѣ, отъ Христа 1666, а потомъ по отступленіи его скончалась царица Марія Ильинична и поя себѣ Наталью въ бракъ законопреступный и роди сына погибельнаго. Сей родился, не имый въ себѣ царскаго достоянія и помазался на престолъ отъ Рима жидовски, по папежскому закону: отъ главы и до ногу... Явѣ свѣтлѣе солнца—сынъ погибельный. И тому два года, слышь, собра онъ поганскій синклитъ въ первый день генваря и храмъ постави богу Янусу и чудеса творилъ черезъ діавола подъ видомъ фавмазіи».

Сказкамъ вѣрили тѣмъ болѣе, что и помимо сказокъ въ дѣйствіяхъ Петра было много, что должно было смущать христіанъ.

«Сей же есть малый рогъ глаголемый, сый двоеглавый и двоеименный, сирѣчь Петръ, противникъ Христовъ, явный и гордый князь міра сего. Сей можетъ, по свидѣтельству Христову, нарицатися сатана въ правду, по дѣламъ его бѣсовскимъ. И Писаніе рече: яко во имя Симона—Петра имать сѣсти гордый князь міра сего, антихристъ. Тѣмъ же и сей, аще не Симонъ—Петръ глаголется, но двоименъ же, ибо

Петръ явѣ нарицается, аще и недостоинъ ему сый дѣлы его сатанины; и Симонъ нарицается тайно, гордости ради и противленія его Іисусу Христу, и святымъ Его, и волхвованія его ради бѣсовскаго всякаго»...

— И то вѣрно,—поддакивали другіе.—И нынѣ, коли не фанмазія, по водѣ яко по суху идетъ. Да и то. Былъ у насъ одинъ въ Петербурхѣ. Сказывалъ про тамошнія чудеса: собралъ-де онъ, Петръ, бѣглыхъ солдатъ, человѣкъ съ двѣсти и, поставя на колѣни, велѣлъ побить до смерти изъ пушки. Экое стало нынѣ христіанамъ ругательство. Слышь, и самъ рубилъ головы и въ банкахъ солилъ, какъ арбузы... Онъ Петръ, шведъ обмѣнный, потому, догадывайся, дѣлаетъ Богу противно.. посту не можетъ воздержать и платье возлюбилъ шведское... и шведъ у него въ набольшихъ. И слышь, живетъ со шведкой... онъ—антихристъ.

— А на Москву пріѣхалъ, нѣтъ, чтобы къ Иверской, а онъ въ слободѣ къ нѣмкѣ Аннѣ...

И общій голосъ поддакивалъ.

— Вѣдомо, онъ антихристъ...

Легко понять, какое смятеніе вызвало появленіе Петра въ сердцѣ пустыни съ крылатыми кораблями на колесахъ.

Здѣсь почва для воспріятія ученія о Петрѣ-антихристѣ была готова. Была готова и почва для самосжигательства. Сторонникомъ самосожженія былъ уставщикъ Петръ Прокопьичъ. «Считалъ его изволомъ о Господѣ» самъ старецъ Данила Викулычъ. Иного мнѣнія былъ Андрей. Несмотря на старанія проф. Смирнова доказать, что и Андрей Денисовъ вѣрилъ въ пришествіе антихриста, его сочиненіе «Объ антихристѣ» вовсе не говоритъ за то, что онъ считалъ антихриста уже пришедшемъ. Да, онъ считаетъ времена послѣдними. Онъ ждетъ, считаетъ возможнымъ пришествіе «противника». «Нѣсть ино ничтоже прочее ожидать токмо соперника нашего, еже есть антихриста славу»,—пишетъ онъ въ словѣ объ антихристѣ. «Отступленіе» послѣднихъ дней кажется ему великимъ «потопомъ нечестія», какого до сихъ поръ не было. Но онъ вовсе не вѣритъ, что врагъ уже пришелъ, и тѣмъ менѣе расположенъ видѣть его въ Петрѣ. Къ концу

жизни Андрей, кажется, усумнился и въ близости антихристова царства. Къ сожалѣнію, не Андрею въ то время принадлежало господствующее вліяніе на Выгѣ: онъ еще «молодъ», хотя это не помѣшало выбрать его, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ киновіархи. Старики были авторитетнѣе его и не удивительно, что «толикая боязнь и страхъ бяше на всей пустыни, яко готовяхуся уже вси къ смерти и въ монастырѣ уготовлено было смолье и солома, готовяхуся пострадать, т.-е. огнемъ скончатися».

Страхъ оказался напраснымъ. «Звѣрь» не тронулъ. Когда Петру доложили, что онъ ѣдетъ черезъ центръ старовѣрческаго пустынножительства, тотъ спросилъ:

— А подати платятъ?

— Платятъ, народъ трудолюбивый.

— Пускай живутъ.

И проѣхалъ смирно.

Такимъ образомъ, шествіе врага оказалось благополучнымъ для пустыни. Правда, вскорѣ послѣ этого вышелъ указъ выговцамъ работать на железодѣлательныхъ заводахъ по р. Повѣнчанкѣ, и Выговская пустынь оказалась «подъ игомъ работъ Его Императорскаго Величества и Повѣнецкихъ заводовъ». Но эта работа обезпечивала свободу выговцевъ отъ притѣсненій, давала имъ право совершать службу по старымъ книгамъ. Вообще, не была большимъ несчастіемъ. Неблагополучно окончилось путешествіе царя только для нашего преслѣдуемаго судьбой Ивашки и его Дарьи, поселившихся вблизи Данилова на особь, въ скиту.

***

Повѣсть зѣло скорбна о женкѣ Даріи, потопшей въ озерѣ.

И бысть въ тѣ дни дѣло скорбно и слезъ многихъ достойно. Пришелъ на Выгъ посланецъ сатанинъ, имя его не вѣмъ, да и о дѣлахъ коли бы не нужа, вѣщати бы не подобало. Проповѣдникъ души своей навѣтникъ и инымъ бѣд-

нымъ истлитель. Нача улещать люди, особливо женокъ, горѣти, не дожидаючись врага. И многихъ ввелъ въ соблазнъ, но Божіей милостью не сгорѣли, не доспѣлъ до конца довести дѣло сатанино.

И была тамъ одна женка немолодая, Ивашки Дмитріева жена. И сынъ у ей Игнашка. Подвижница была и постница. И душа добрая. Много въ жизнь свою потерпѣла и не роптала, на Бога надѣялась. Жила она на скиту: не восхотѣлъ Ивашка безбрачнаго житія и одинъ изъ первыхъ отошелъ на особь: старцы благословили.

И подольстился къ ней врагъ. «Близкіе-де твои вѣнцы ухватили, а ты что медлишь». А у той два свояка да братъ съ Игнатьемъ сгорѣли. И она улещанію его поддалась и вольной смерти хотѣла, только мужа жалѣла и оттого мѣшкала. А здѣсь горе: едино мцы поймa ее растлитель, слуга враговъ, когда она на озерѣ мыла рубахи. И сталъ ее по иному улещати и ко злому дѣлу нудить. «Все-де огонь покроетъ... По нынѣшнему дѣлу-де не блудъ—есть блудъ, а бракъ блудъ. То-есть грѣхъ еще въ вѣрѣ блудить, а не тѣломъ дерзать...» И иное неподобное и несказуемое.

Оле безумія и злобы. Зрите, сожигатели, своихъ апостолъ дерзость и безуміе... И еще говорилъ, яко жена, искушавшая Ѳеодору: «Господь-де не видитъ въ тайнѣ творимое».

Дарья, помня завѣтъ Божій, моляше его отойти. А онъ окаянный не внимаше. И тогда Дарьица, яко Домнина мученица, обрѣла себѣ путь. «Лучше-де тѣло погублю волею, неже отдамъ ее грѣху. Не преломлю кольца моего вѣнчальнаго». И въ тягѣ и мукѣ отчаянія своего перекрестяся, въ озеро кинулась.

— Господи, говоритъ, не вмѣни мнѣ сего въ грѣхъ... Прости.

Разсудише любве ради Христвѣ болѣе водою утопитеся, нежели вдатися беззаконному. И тако скончa жизнь. И была скорбь великая о бѣдной. И болѣ всего плакалъ мужъ ея, да парнишка по 13 году, Игнатъ. Оставилъ злодѣй дитя сиротой. И толи едва не разорвали люди того пророка. Да-

нило Викуличъ того смертоубійства не попусти. Привели пакостника къ нему, доброму старцу. Вышелъ Данило Викуличъ къ столовой палатѣ на дворъ.

Какъ Моисей, воистину гнѣвный да темный отъ гнѣва праведнаго. Старъ онъ ужъ былъ, по дубу подобенъ—крѣпокъ. Только на посохъ оперся. Сказалъ развязать злодѣя того... И рукой указлъ ему путь.

— Иди... Каинъ... Нѣту тебѣ мѣста среди братіи. И будеши стенати и трястися во вся дни. А вы, братія,—сказывалъ,—его не троньте. Не опорочьте мѣста пустыннаго злой кровью. И за Каина, сказано, отомстится въ семеро. А мѣсто сіе обрекаю въ пустошь. Кто живетъ, уходите. И заповѣдываю не селиться на пять верстъ крутомъ и пашни не пахать. Да будетъ пусто дьяволу въ требли его.

И земля эта не дастъ плода во вѣки...

Такъ разсудилъ. И то вѣрно. И до сего дня никто не живетъ на томъ мѣстѣ. И не только хлѣбъ, но и сосна не растетъ: одинъ мохъ. А Каинъ пошелъ отъ мѣста того, но смерти не избылъ. Коли шелъ отъ озера Горѣлыша, толи обезумѣлъ онъ отъ стыда, толи Господь разумъ отнялъ: вошелъ въ самое болото, а люди кабы окаменѣли и помоги не дали.

И всѣ видѣша, какъ поглотила его бездна. И руки воздѣвалъ къ небу въ мукѣ. И видно было его сперва по поясъ, потомъ по перси.

Ивашка кинулся было къ болоту, къ злодѣю на помощь.

И се чудо:

На мѣстѣ гибломъ и трепещущемъ устоялъ, какъ па камени. А Каина не спасъ: поглоти его болото.

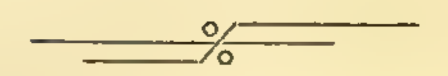
И слѣдъ его изгиблъ. Такъ восхотѣ Богъ за его соблазнъ и нечестіе. И отселѣ Ивашка не восхотѣ жить въ мірѣ и постригъ его Пафнутій. Іоанникіемъ нарекли. И допыщѣ живъ: подвижникъ великій и старецъ мудрый. А Данило съ того дня не хотяше быть за «большака».

— Старъ,—говоритъ,—я и хилъ. Не могу охранять отъ волковъ стада.

И поставили замѣсто его Андрея Діонисіева, сына Вто-

рушина—«златыя уста». Было сіе въ лѣто седмь тысячъ двѣсти осьмое.

Слышно было отъ братіи послѣ, что многія-де лѣта слыхать съ озера Горѣлыша звонъ колокольный. Тихо, тихо звонитъ и жалостно. А съ болота вопль чей-то зѣло страшенъ, яко бы кто тонетъ или въ иную гибель впаде. А вправду ли это, Богъ вѣсть Единъ. Може, душа того растлителя спокою себѣ не находитъ: многихъ погуби бѣсовъ сынъ...

Выгъ озеро.
(Изъ книги Пришвина: „Въ краю непуганныхъ птицъ“).

ЭПИЛОГЪ.

I.

Устройство „Данилова“.

Еще протекли 27 лѣтъ.

Тотъ, кто видѣлъ Выгъ во время Петрова наѣзда, не узналъ бы его теперь. Много перенесла «пустыня» и процвѣла, «яко кринъ».

Первые годы были тяжелы для Выга: только что удалось кое-какъ устроиться, обзавестись всѣмъ необходимымъ для хозяйства, какъ тяжелая бѣда постигла Выгъ. Наступилъ го-

лодъ. На Выгу почти крайній сѣверный предѣлъ правильнаго земледѣлія, и урожай тамъ цѣликомъ зависитъ отъ каприза погоды. Подуетъ «морянка», т.-е. вѣтеръ съ моря, хватитъ во время налива зерна морозъ и весь урожай погибнетъ, это—*«зяблые годы»*. А бываетъ, что хлѣбъ до зимы не успѣетъ вызрѣть, это—*«зеленые годы»*. Такіе годы были съ 1705 по 1712 годъ. «Бысть гладъ... и зяблые и годы зеленые... хлѣбъ не поспѣваше и бысть велія хлѣбная скудость»...

Андрей даже поколебался и уже рѣшилъ было итти къ морю искать новыхъ мѣстъ. Но отецъ его, Денисъ, прекратилъ эти колебанія «пустою рѣчью»:

— Живите, гдѣ отцы благословили и кончалися, хотя и много ищешь и ходишь, да тутъ сорока кашу варила, таковское сіе мѣсто по времени.

И рѣшили остаться и терпѣть.

Чтобы не умереть съ голоду, построили повыше на Выгу мельницу—толчею для изготовленія муки... «Толчаху солому и сосновую кору и траву ядяху не малое время». Однако даже и такой хлѣбъ не всегда удавалось испечь: онъ часто разсыпался въ печи и соръ выметали оттуда помеломъ. Наконецъ, надумали для устраненія такого разсыпанія хлѣба печь въ берестныхъ коробочкахъ. «Такая скудность бысть тогда, что днемъ обѣдаютъ, а ужинать нечего». И отъ такой великой нужды многіе «съ суземка съѣхаша». Выгъ, казалось, распадался и гибъ.

Денисовъ сталъ искать выхода. Прежде всего обобрали у всѣхъ, что у кого съ міру принесено: деньги, монисты, платье. Андрей поѣхалъ на Волгу и частью купилъ хлѣбъ («двѣ гривны четверть»), частью выпросилъ въ милостыню и отправилъ по Волгѣ и Шекснѣ въ Выгъ. Это уменьшило нужду, но, конечно, не устранило ее въ будущемъ.

Тогда Андрей нашелъ способъ навсегда уничтожить самую возможность голодовокъ. Съ величайшей энергіей пустынники начинаютъ разыскивать себѣ удобной земли. Они побывали въ Мезенскомъ уѣздѣ, осмотрѣли Поморье, побывали въ Сибири, побывали на «низу», т.-е. въ поволжскихъ губерніяхъ. Но на сѣверѣ была такая же неудобная для земледѣлія земля,

а на низъ было слишкомъ далеко. Наконецъ нашли удобное мѣсто въ Каргопольскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Чаженкѣ, въ 6 верстахъ за погостомъ, Задняя Дуброва.

Землю осматривалъ самъ Андрей Денисовъ. «Осмотрѣша съ тамошними жителями и ся похвалиша, что оная земля къ пашнѣ вельми пристойна». Новгородскому губернатору Якову Корсакову написали прошеніе о желаніи пріобрѣсти эту землю. Тотъ назначилъ всеобщіе торги и когда всѣ прочіе отъ покупки земли отказались, она оставлена была за выговцами «на оброкъ».

Пріобрѣтенная земля по объему была такова, что «во всѣ стороны» простиралась «на шестнадцать верстъ». Выговцы поставили здѣсь келліи, и «начаша пашню пахати и скотъ держати; къ лѣту для пашни начаша братію посылати съ лошадьми, а зимою къ дому отъѣзжающе, а тамо малые люди остающеся для молоченья».

Голодъ былъ побѣжденъ.

Но Андрей не удовлетворился и этимъ. Одновременно съ новой пашней Андрей отыскалъ и другія средства обезпечить обитель. Еще во время «похода за хлѣбомъ» Андрей занялъ «изъ половины» денегъ у боголюбцевъ и сталъ чрезъ надежныхъ людей торговать хлѣбомъ, доставляя его съ «низу» въ Петербургъ. Торгъ быстро разросся «и отъ того торга начаша братству нѣкое споможеніе чинити: по вся годы хлѣбные припасы къ дому посылаху, чрезъ Вытегру водою въ Пигматку; въ то время на Вытегрѣ распространяхуся хлѣбные торги и судовые промыслы, и бысть на Вытегрѣ келліи судовая и пристань въ Вянгахъ».

Для торгу завели свой флотъ, «суда новоманерныя», и по многимъ городамъ открыли свои конторы, завели прикащиковъ.

Начали промышлять рыбой и ловлей звѣрей, доходя для лова даже до «Новой земли».

Благосостояніе Выга выросло и упрочилось. «Всякое изобильство,—говорится въ «Исторіи Выговской пустыни»,— умножашеся и распространяшеся отъ пашенъ, и отъ торговъ, и отъ морскихъ промысловъ, вездѣ изобильствующе, скоту

умножающуся, конскіе дворы коньми и кобылицами и жеребятами наполняхуся, и доилищъ дворы опустѣваху. Платье и обувь въ обоихъ обителяхъ изобильствующе, вся сія Вышняго Бога промысломъ безъ всякой тѣлесной нужды братство упокоевашеся. И видѣша отцы надъ собою милосердіе, посѣщеніе Божіе, положиша залогъ: всѣхъ приходящихъ гостей, и пріѣзжихъ, и нищихъ, и странныхъ кормити безъ разбору, и бѣднымъ и нищимъ помогати во всякихъ нужныхъ случаяхъ. И въ то время бысть въ Олонецкомъ, и Каргопольскомъ, и Бѣлоозерскомъ уѣздахъ, и во всѣхъ окольныхъ волостяхъ, и въ Лопскихъ погостахъ хлѣбная скудость, и недородъ, и гладъ великій. Многіе мірскіе нищіе пойдоша въ монастырь, овіи на конѣхъ, а иніи пѣши по зимамъ, и скитахуся изъ монастыря въ монастырь, и по скитамъ, просяще милостыню, и кормяшеся множество народа... И тогда бысть двѣ дороги чрезъ монастырь: одна въ Каргопольскій уѣздъ, а другая къ морю. И начаша людіе оными дорогами ѣздити, приставая къ гостиной, и приказаша настоятели всѣхъ проѣзжихъ и нищихъ кормити безъ разбору».

Общежитіе снова стало быстро расти. Въ 1706 году рѣшили устроить отдѣльный скитъ для женщинъ. Мѣсто выбрали въ 30 вер. отъ Данилова на р. Лексѣ. Выстроили келліи, столовую, больницу и часовню и все обнесли оградой. Кромѣ того были поставлены коровій дворъ и мельница съ «мелеей и толчеей». Для болѣе тяжелыхъ полевыхъ работъ на Лексу присылались трудники, которые жили за монастырской стѣной.

Внутренній порядокъ уставили по выговскому чину. Вмѣсто игуменіи назначили «начальную матку» — престарѣлую старицу Февронію, «строительницей»—матку Пелагею, казначеей—Екатерину Дементьевну, уставщикомъ церковнымъ и «для вѣдѣнія Божественнаго Писанія»—Соломонію, сестру Андрея Денисова.

Сама Денисова обитель мало-по-малу выросла въ цѣлый городъ. Въ немъ было нѣсколько сотъ жителей на пространствѣ 6—8 кв. верстъ. Вокругъ него былъ вырытъ глубокій ровъ и сдѣланы высокія ограды. Двѣ высокія часовни съ ко-

локольней возвышались изъ множества простыхъ, но прочныхъ двухъ и трехъэтажныхъ построекъ. Всѣхъ келлій, т.-е. вмѣстительныхъ избъ на десять и болѣе человѣкъ, было 51; кромѣ того, было 16 меньшихъ избъ, 15 амбаровъ, громадные погреба, двѣ большія поварни, 12 сараевъ, 4 конныхъ двора и 4 коровьихъ, гостиный дворъ и пять постоянныхъ избъ, 5 ригъ, двѣ кузницы, мѣднолитейная, смолокурня, портяжная, сапожная, иконописная, рукодѣльная, мастерская для переписчиковъ и др. мастерскія, двѣ школы и двѣ больницы. Затѣмъ были мельницы, кирпичные заводы. Къ этому центру тянулись разбросанные по «суземкамъ» многочисленные пашенные дворы и скиты. «Городокъ» жилъ чисто монастырскимъ чиномъ. Это была маленькая трудовая монастырская республика съ строгимъ порядкомъ и правильно организованнымъ чиноначаліемъ.

Главное рѣшеніе всѣхъ дѣлъ принадлежало киновіарху, Андрею Денисову, который оставилъ за собой право даже выбирать членовъ выгорѣцкаго «собора». Но формально обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ принадлежало выгорѣцкому собору. Въ составъ этого собора входили—духовники, экклисіархъ или уставщикъ, келарь, казначей и староста съ выборными отъ скитовъ.

Для внѣшнихъ дѣлъ существовали еще должности нарядника и городничаго.

Келарь завѣдывалъ внутреннимъ хозяйствомъ общины, онъ долженъ былъ наблюдать четыре службы: трапезную, хлѣбную, поварную и больничную. Казначей долженъ былъ тщательно беречь все выговское имущество и, по уложенію, смотрѣть на него, какъ на вещи, принадлежащія самому Богу. Въ кожевняхъ, въ честной и портной швальняхъ, въ мѣдной и другихъ мастерскихъ онъ же наблюдалъ за работами. Въ помощь казначею во всѣхъ мастерскихъ были старосты. Казначей могъ дѣйствовать только чрезъ старостъ, съ другой стороны, и старосты не могли что-либо предпринимать безъ вѣдома казначея. Вѣдѣнію и попеченію нарядника подчинены были: земледѣліе, плотничество, ковачество, рыболовство, возачество, молоченіе, мельницы, скотные дворы и всякая до-

мовая работа и работные люди. Онъ также дѣйствовалъ чрезъ выборныхъ старостъ. Наконецъ городничій обязанъ былъ имѣть надзоръ надъ сторожами, надъ обѣими гостиными, внѣшнею и внутреннею, наблюдать надъ приходящими и отходящими странниками, посматривать за братіею при часовенныхъ дворахъ, во время книжнаго чтенія, въ келліяхъ и при трапезѣ. Кромѣ этихъ должностей были стряпчіе для сношенія съ офиціальнымъ міромъ: на петровскихъ заводахъ, въ Олонцѣ, въ Новгородѣ, Москвѣ и Петербургѣ.

Уставъ и «духовный», т.-е. чинъ спасенія, и мірской по дѣламъ «земного» характера былъ суровъ и строгъ. Еще когда въ 1703 году просили Андрея на киновіаршество, онъ предложилъ братіи, какъ условіе своего киновіаршества, строгое соблюденіе устава. «Чтобъ не единъ своего имѣнія не имѣлъ не до полмѣдницы», при чемъ за нарушеніе этого правила отцы духовные не разрѣшали бы безъ его, Андрея, «вѣдомости»; чтобы «послѣ повечерии» повсюду соблюдалось полное молчаніе,—въ келліяхъ и службахъ. Чтобы щегольскаго платья, шапокъ или другихъ вещей, члены Выговской общины не носили. съ женскимъ отдѣленіемъ «жили по святыхъ отецъ уставомъ», съ матерями и сестрами видались бы не часто, «особой пищи никому не имѣть», ѣсть только по двѣ «выти» въ день. Чтобы въ праздничные и воскресные дни «къ поученію, по чину, каковъ предастся», всѣ были готовы. А если явятся преслушники, и кого изъ нихъ, онъ, Денисовъ, будетъ наказывать, въ томъ не возражали бы; съ его же разрѣшенія вели бы свое дѣло и отцы духовные, «какъ подобаетъ па исповѣдь принимать, и гдѣ бы имъ имѣть дѣтей духовныхъ». «Мірская хода, кромѣ братскихъ потребъ, отсѣчь, и въ другихъ келліяхъ гостьбищамъ, по сродникамъ, не быть».

Эти суровыя правила соблюдались строго. А ослушниковъ смиряли «монастырскимъ смиреніемъ»: чѣпью, шелепами, темницей и прочими казнями епитимійными. Строгость эта не только не уменьшалась со временемъ, но даже возросла, когда нѣкоторые изъ слабыхъ, не имѣя силъ понести пустынпаго бремени, выдѣлились въ скиты и тамъ зажили съ мамушками, дѣтушками и люлечками, по пророчеству старца Корнилія.

II.

Послѣдніе дни Андрея Денисова.

Въ большой, свѣтлой келліи киновіарха весело играетъ молодое весеннее солнце. Много свѣта здѣсь въ этой пустынической келліи.

Постникъ и аскетъ, настоящій подвижникъ, Андрей въ одномъ не умѣлъ и не хотѣлъ себѣ отказывать. Онъ любилъ просторъ и свѣтъ. И его келлія съ широкими окнами по-норвежски даже не похожа была на обычную, тишгчшую келлію нашихъ сѣверянъ.

Недаромъ авторъ «Извѣщенія праведнаго» упрекнулъ выговскаго «большака» въ томъ, что онъ «лучшая устраиваше себѣ». Онъ понималъ, конечно, что этотъ просторъ и свѣтъ нуженъ былъ для Денисова, воспитаннаго на просторѣ лѣсовъ и полей, какъ воздухъ; нуженъ потому, что всегда волнующая, безпокойная мысль киновіарха не позволяла ему сидѣть на одномъ мѣстѣ, требовала движенія. Не даромъ посреди келліи выбилась цѣлая дорожка, отъ нервныхъ шаговъ выговскаго «учителя». Обстановка келліи тоже не была обычной. Только иконостасъ съ темными, суровыми ликами, освѣщенными свѣтомъ лампадъ—дѣлали келлію похожей на келлію Данилы Викулыча или Петра Прокопыча—двухъ первыхъ столповъ выговской четверицы (четвертый столпъ—братъ Андрея. Семенъ). Все остальное говорило, что здѣсь живетъ не обычный монахъ. Чертежи «космографіи», карты странъ «нѣмецкихъ и польскихъ», какіе-то невиданные инструменты. Огромная библіотека своими кожаными переплетами была какъ будто похожа на всѣ монастырскія библіотеки. Но кто разсмотрѣлъ бы книги поближе, тотъ увидѣлъ бы рядомъ съ «маргаритами» и «цвѣтниками» книги на невѣдомыхъ языкахъ: латинскія. греческія, даже какая-то датская и итальянская. Трактаты кіевскихъ еретиковъ: Ѳеофана съ братіей. Суровый ревнитель. пожалуй, даже соблазнился бы, увидя этихъ «поганыхъ».

Впрочемъ, книги и у Андрея уже съ годъ въ забросѣ. Архиктитору Выга не до нихъ. Онъ чувствуетъ, что не «жи-

лецъ», что скоро оставитъ все: и эту библіотеку и этотъ «міръ суетный». И умираетъ онъ не спокойно. Не радостно. Не какъ пахарь, «до конца прошедый свою полосу,—на отдыхъ идетъ».

Казалось бы, какъ устроителю «сѣверной крѣпости», Андрею желать нечего. Былъ возвеличенъ и окрѣпъ. Его вліяніе распространяется на всю Русь. До двацати скитовъ тяготѣли къ Данилову на одномъ Поморьѣ. И такого положенія добилась эта монашеская республика въ темное и тяжкое время.

Исторія Данилова можетъ заставить думать, что и тамъ, «внутри», было старообрядчеству покойно и терпимо. Это будетъ большой ошибкой: спокойствіе Данилова создано личнымъ геніемъ Андрея Денисова.

Петра вовсе нельзя назвать очень благосклоннымъ къ старообрядчеству. Мало того, въ его политикѣ вовсе не было той стойкости и планомѣрности, какую можно бы ждать отъ его генія: его взгляды на отношенія къ «раскольщикамъ» часто мѣнялись. Злымъ геніемъ его былъ Питиримъ, игуменъ переяславскій, позже епископъ нижегородскій,—авторъ *поистинѣ антихристіанской теоріи*, изложенной въ «Пращицѣ».

«Аще, — гласила эта изумительной откровенности теорія,—въ ветхозавѣтной Церкви непокорныхъ повелѣно убивать, кольми паче *въ новой благодати* подобаетъ наказанію и смерти предавати непокоряющихся... Понеже тамо сѣнь, здѣ же *благодать*».

Этотъ ревнитель благодати сумѣлъ возбудить подозрѣнія царя противъ старообрядчества. Онъ пугалъ огромнымъ ростомъ старообрядчества, увѣряя, что это-де народъ *неблагонадежный*. «Вcѣ они благополучію государственному не радуются, но паче несчастію радуются,—писалъ онъ царю,—и всегда стремятся возвысить свой злой рогъ къ обладанію на церковь и на гражданство; хотя они между собою и много несогласны, но на церковь всѣ злобою согласны. Надлежитъ размноженіе остановить, чтобъ нигдѣ они не учили: а гдѣ станутъ раскольщики учить, хватать ихъ и наказывать, а не худо учителей неявнымъ промысломъ смирить. Монахинь въ лѣсу тысячи четыре будетъ: надлежитъ ихъ всѣхъ взять въ монастырь, а пища имъ—хлѣбъ да вода, а которыя обратятся, тѣмъ подобаю-

щая пища, немногія останутся изъ нихъ безъ обращенія. Старцамъ, старицамъ и бѣльцамъ въ лѣсахъ, поляхъ, на погостахъ и по мірскимъ домамъ никому жить не велѣть подъ смертной казнью; а кому жить въ лѣсу кельею внѣ монастыря—отъ архіерея писаніе возьми, и если такъ будетъ сдѣлано, то раскольщикамъ изъ городовъ и уѣздовъ свозить будетъ некуда и постригать перестанутъ, только не надобно ослабѣвать. Безпоповщина твое царское имя въ молитвахъ не поминаютъ, а поповщина поминаютъ только благороднымъ, а благочестивымъ и благовѣрнымъ не называютъ, церковь, догматы и таинства разными хулами хулятъ».

Внушенія, конечно, дѣйствовали и фактически, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ властвовалъ Питиримъ, было не лучше, чѣмъ при Іоакимѣ. Тысячи гнили въ тюрьмахъ. Многимъ «рваны ноздри» и посланы на галеры.

Въ 1718 году Питиримъ и Стефанъ Яворскій отыскали знаменитое «Дѣяніе на Мартина еретика». Эту книгу, «плѣсенью аки сѣдиною красящуюся и моліемъ изъѣденную», но написанную «по подчищенному почеркомъ 18 столѣтія», пустили въ оборотъ, какъ побѣдоносный аргументъ противъ старовѣровъ. И невѣріе въ книгу, завѣдомо для всѣхъ подложную, стоило многимъ ноздрей и головъ. Чтобы «истина ста, яко на твердомъ камени», отсѣкли голову невѣровавшему въ «Дѣянія» діакону Александру. Нижегородскія тюрьмы были полны «супротивниками». Тѣсно было и въ новгородскихъ.

Для старообрядцевъ выдумали особый позорный костюмъ-кафтанъ, съ клееннымъ воротникомъ, наложенъ двойной окладъ, установленъ сборъ въ пользу «православныхъ» священниковъ и т. д. Вообще терпимость Петра имѣла характеръ больше только *показной, декларативный*. Онъ, даже приказывая казнить діакона Александра, дѣлалъ видъ, что казнилъ его за то только, что тотъ «мимо выборнаго старца» подалъ заявленіе о недобровольномъ подписаніи имъ «доношенія», т.-е. отреченія отъ такъ называемыхъ «дьяконовыхъ отвѣтовъ».

Несмотря на «терпимыя» рѣчи Петра, жить при немъ было «жестко».

Только Выгъ умѣлъ ладить съ властью и постепенно за-

воевывалъ все болѣе и болѣе прочное положеніе. По просьбѣ Андрея Денисова съ товарищи Меньшиковъ въ 1711 году издалъ указъ, чтобъ «никто общежителямъ Андрею Денисову съ товарищи и посланнымъ отъ нихъ обидъ и утѣсненія и въ вѣрѣ помѣшательства отнюдь не чинили подъ опасеніемъ жестокаго истязанія». Потомъ Денисову позволено было разсылать своихъ людей для рыбной и звѣриной ловли, куда захочетъ. Въ 1714 г. обители дали право давать «списки», т.-е. паспорты «выговцамъ», уходящимъ на промыслы, чтобы имъ «нечинили помѣхи». Выгъ былъ освобожденъ отъ двойного оклада (наложенный въ 1724 г. окладъ продержался только годъ). Правда, Семенъ Денисовъ просидѣлъ четыре года въ тюрьмѣ, но здѣсь Петръ давалъ взятку Іову новгородскому, который имѣлъ на него большое вліяніе.

Андрей могъ бы, казалось, быть довольнымъ: его видѣніе стало дѣйствительностью. Среди лѣсовъ сѣвера устроилась крѣпость, которая своей силой поддерживала старообрядчество отъ края до края Руси.

Выгъ сталъ своего рода академіей всего старообрядчества. Андрей не удовлетворился тѣмъ, что обитель имѣла за собою «срытыя горы», «расхищенные лѣса», монастырскія зданія, благочестивую братскую жизнь, обширныя связи при дворѣ и въ самыхъ отдаленныхъ городахъ Россіи.

Онъ хотѣлъ также раздвинуть и умственный горизонтъ своихъ одновѣрцевъ посредствомъ систематическаго школьнаго образованія. И сумѣлъ это сдѣлать. Вотъ почему, когда матеріальное существованіе братіи было болѣе или менѣе обезпечено, онъ подъ видомъ купца проникаетъ въ самое сердце вражескаго стана, разсадникъ ереси, въ кіевскую академію, и тамъ учится богословію, риторикѣ, логикѣ, проповѣдничеству подъ руководствомъ самого Ѳеофана Прокоповича.

И что сумѣлъ добыть Андрей, не погибло безъ слѣда вмѣстѣ съ нимъ. Онъ сумѣлъ создать свою богословскую школу, передалъ свои знанія Семену и другимъ ученикамъ. Въ своихъ сочиненіяхъ оставилъ богатѣйшее наслѣдство вѣкамъ. И все-таки Андрей не чувствовалъ себя «свершившимъ дѣло свое», былъ безпокоенъ и чѣмъ сильнѣе сознавалъ онъ,

что недугъ его беретъ силу, тѣмъ больше усиливалось смятеніе его духа...

Послѣдніе дни онъ мѣста себѣ не находитъ и очень досталось бы дорожкѣ, если бы Андрей могъ держаться на ногахъ. Но уже съ 1725 года Андрей «нача часто изнемогати; часто болѣзнь гортанная и главная прихождаше». А съ начала поста 1730 г. онъ и совсѣмъ свалился съ ногъ. Сегодня, 28 февраля, онъ почувствовалъ конецъ. Уже далъ знать и на Лексу.

***

Андрей постарѣлъ... Въ сгорбленномъ, истощенномъ старикѣ трудно было и узнать бывшаго Андрея Мышецкаго. Только глаза по прежнему молоды, и кажется, вся тревога сосредоточена въ нихъ.

— Какъ же? Какъ же быть,—то и дѣло вслухъ думаетъ Андрей, ворочаясь на доскѣ, служившей ему ложемъ. Его безпокоитъ давно одна мысль. Онъ чувствуетъ, что религіозное положеніе его обители непрочно, и неладно. Не вполнѣ «не зазорно», какъ говорилъ онъ. «Нельзя такъ жить»,—давно рѣшилъ онъ,—хотя въ то же время постоянно старается убѣдить себя, *что можно*.

— Нужду послалъ Господь... Его воля... Не мы виновны.

Но снова мысль: «да, вѣрно, по нуждѣ-то, по нуждѣ, но есть же на Вѣткѣ хоть попъ».

Развѣ нѣтъ выхода? Искали ли мы его? И внутренній голосъ говоритъ ему, что онъ сдѣлалъ не все.

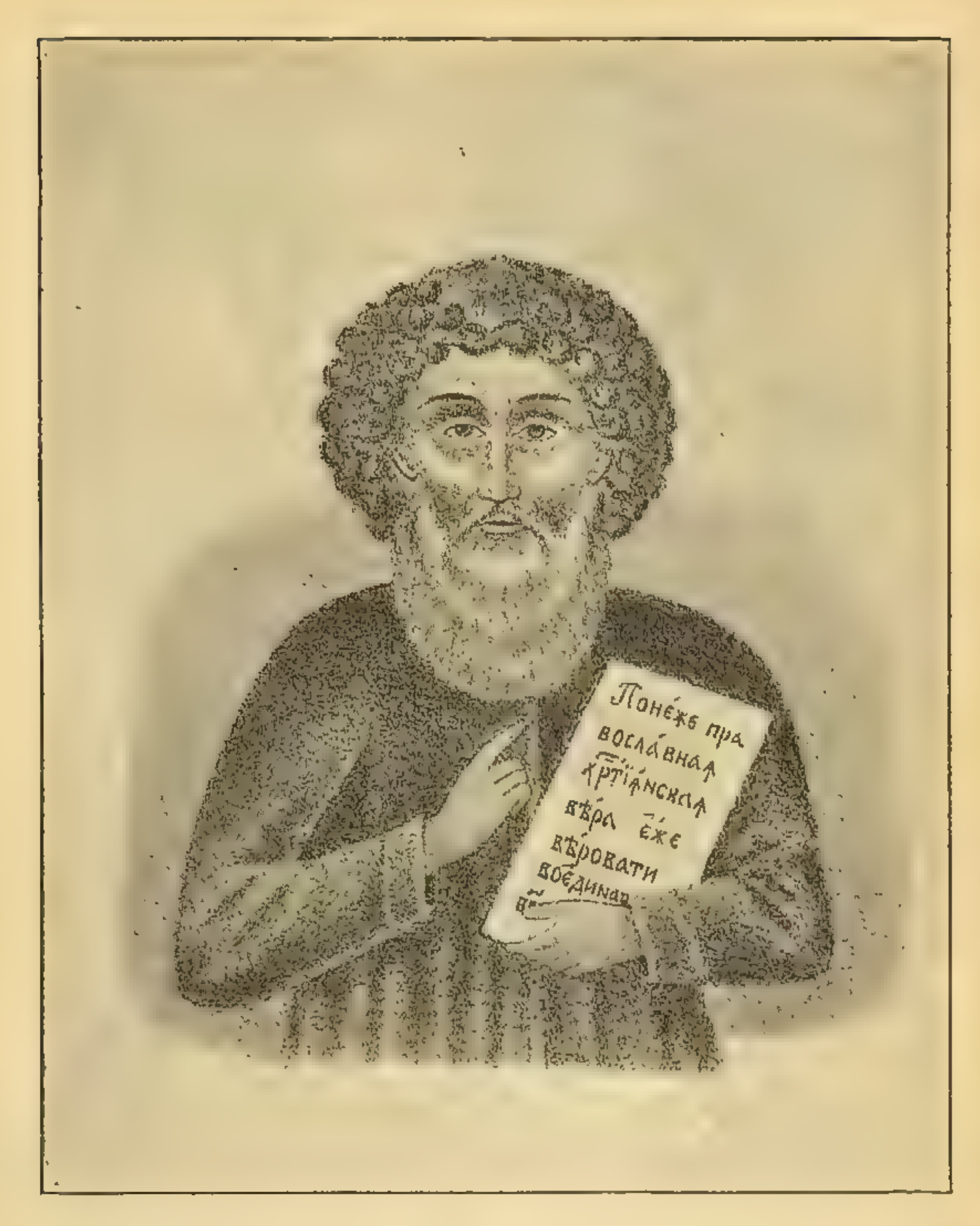
— Гриша... Дай-ко письмо съ Вѣтки. Тамъ, рядомъ съ чертежами,—обратился еле слышнымъ, хриплымъ шопотомъ Андрей къ молодому послушнику, сидѣвшему около стола съ книгами.

Григорій подалъ связанные шнуромъ листы.

— Ну-ка, прочти еще то же... что вечоръ читалъ.

«Господи Іусе Христе, Сыне Божіи, помилуй насъ. Вѣдомо буди...»

— Читай, что отмѣчено.

Андрей Діонисіевичъ.

Пятое: «Да отъ васъ же пріяты иноки, иже отъ простыхъ старцевъ пострижены, а не отъ священниковъ, и тѣ старцы у васъ соборное начало держатъ: на трапезѣ хлѣбецъ Богородиченъ вынимаютъ, и духовное дѣло творятъ, крестятъ, на покаяніе пріемлютъ, и воду Богоявленскую раздаютъ, а овы изъ нихъ постригаютъ во иноки отъ своего образа»...

Симеонъ Діонисіевичъ.

Шестое: «Совершаются у васъ всенощныя бдѣнія чрезъ уставъ святыхъ отецъ: понеже безъ священниковъ, и безъ пяти всенощныхъ хлѣбовъ, и безъ пшеницы, вина и масла, какъ имѣти уставъ повелѣваетъ»...

Андрей, чѣмъ-то отвлекшійся на минуту, вслушался.

— Не то взялъ, это отъ ѳедосѣевыхъ; рядомъ, *вонъ то*...

«Отъ имени Господа нашего Іисуса Христа... Смиреніе наше молитъ... Глаголютъ нѣцыи, яко нѣсть нынѣ жертвы и приношенія истиннаго и не обрѣтается на землѣ жертвы, ниже священство. И таковая вѣщающіи явственные противники суть и развратники. Понеже Всемогущаго Бога силу они сводятъ въ немощь и Его Божественную и творительную силу отъемлютъ отъ земли и Его пречистыя словеса въ ложь сводятъ»...

- Истинно, истинно... Всемогущаго Бога силу сводятъ въ немощь,—точно про себя повторилъ Андрей.

«Привпидоша неуки, наскочиша на дѣла Божественныя и на ся восхитивши образъ, не данный имъ отъ Бога, ниже возложенный архіерейскимъ рукоположеніемъ. И начаша тайны церковныя совершати: крещеніе и исповѣданіе. А сіе есть ересь Лютора Мартина, еретика: сіе есть дѣло горши и самыхъ тѣхъ нечестивыхъ бѣсовъ...

Ужаснитеся вожди слѣпіи... Како имати дати о стадѣ своемъ отвѣтъ передъ Богомъ въ день Страшнаго суда: се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ, понеже дѣти пріобщешыя плоти и крови. Коея вы пріобщаетеся плоти... Когда сподобляетеся, коея святыни церковныя... Всего лишены есте»...

— Такъ истинно... снова повторилъ архиктиторъ и глубоко задумался, облокотившись на локоть.

Его столъ былъ заваленъ посланіями ѳедосѣевцевъ, керженцевъ, съ Вѣтки...

Андрей понималъ, что все то, что писали, напримѣръ, ѳедосѣевцы,—второстепенно и не важно—мелкая «волна небратолюбія и многораздирательное смущеніе».

И вмѣстѣ съ Петромъ Прокопьевымъ отвѣчалъ имъ пространно и умѣло, дѣйствуя ихъ же оружіемъ, то-есть упрекая и ихъ въ неподобныхъ дѣйствіяхъ.

«А у самихъ васъ, егда мужа и жену крестите простые, а не священники, и егда они приживутъ дѣтища, вы же, простые, и молитвами священническими очищати ихъ не сумняетеся, еже въ Божественномъ Писаніи такого смотрительнаго случаѣ не видится».

«Да еще и сіе различіе признается въ васъ: неграмотные люди и простые за молитвы, по вашему велѣнію, поклоны полагаютъ, а кои сподоблены духовнаго дѣла, тіи вышереченныя молитвы іерейскія на нужныя людямъ потребы говорятъ». «И тѣмъ у васъ, при простыхъ людяхъ, духовные аки бы священническую власть имѣютъ...»

Возражая противъ ѳедосѣевскихъ зазираній, Андрей однако глубже самихъ авторовъ обличительныхъ посланій понималъ то серьезное, что было скрыто въ неумѣлыхъ письмахъ даже ѳедосѣевцевъ.

Онъ понималъ, что все, что онъ писалъ вмѣстѣ съ Петромъ, не то. Что все же въ ихъ возраженіяхъ, что въ чинѣ есть неподобное—правда, какъ была правда и въ его зазираніяхъ ѳедосѣевцевъ. А посланія съ Керженца и Вѣтки затрогивали уже не мелочи, а самую суть ученія о Церкви, и Андрей чувствовалъ, что онъ не можетъ не признать ихъ истины.

И его мучила мысль, что въ самомъ дѣлѣ онъ не можетъ сказать Судіи: «Се азъ и дѣти мои»... *).

Особенно обострилась смута совѣсти въ Андреѣ такъ года три назадъ. На Шекозерѣ появился смутитель и обманщикъ, нѣкто старецъ Кудря. Этотъ Кудря распустилъ слухъ, будто у него въ пещерѣ скрывается епископъ, «которому сто двадцать лѣтъ, и при немъ священникъ и тому лѣтъ сто». «А живутъ въ землѣ, никому не показываются, только ему единому». Несмотря на безсмысліе выдумки, къ Кудрѣ потянулъ народъ. И тотъ раздавалъ хлѣбы священные, «а иногда и аки евхаристическія частицы—вся же сія самъ дѣйствуя».

Андрей хорошо понялъ, что было силой обманщика. Понялъ, что его выдумка потому и имѣетъ успѣхъ, что *люди жаждутъ полноты церковной*. И кощунственная ложь Кудри была для него какъ бы упрекомъ: въ этомъ случаѣ онъ уви-

---

*) Интересно, что отвѣта на Керженецъ и Вѣтку, повидимому, не было. Въ то же время на основаніи посланія на Керженецъ чернецовъ Сергія, Ѳеодосія и др. (7223 г.) можно утверждать, что „преизрядный мужъ Андрей“ держался взгляда, что бѣгствующіе рукоположенцы—достойны всякаго уваженія, понеже „ради истинныя вѣры бѣгутъ и въ никоихъ членахъ богословія не погрѣшаютъ, наипаче же страждутъ за сіе, дабы новинъ не пріяти“.

дѣлъ указаніе, что нужно искать не обманнаго, а истиннаго епископа.

«Можетъ-де окончилось время испытанія и пришло время?»

«О семъ вкратцѣ вамъ повѣмы, яко еретическая хиротонія пріята есть правовѣрными. Правила донатскія въ «Кормчей» книгѣ, въ Матѳеевой книгѣ въ 5-мъ составѣ. Житіе св. Тарасія, да исповѣданіе Василія Анкирскаго».—продолжалъ Григорій.

Но Андрей опять уже не слушалъ. Онъ давно зналъ наизусть всѣ эти тревожившія его посланія и если заставлялъ ихъ читать, то только потому, что нравилось бередить рану.

— Постой. Возьми-ка перо. Пиши, что я скажу...

— Ну...

«Боголюбезному и церковному радѣтельному ревнителю Михаилу Ивановичу о Христѣ Іисусѣ радоватися. Ничто такъ въ земныхъ полезно и утѣшительно есть, яко мужи усердни о пользѣ, радѣтельны о церковномъ устроеніи, тщательни о благовѣрныхъ *незазорномъ* состояніи. Твое же братолюбіе отъ юности до нынѣ въ ревности благовѣрной и въ усердіи церковнаго состоянія боголюбезно дышущее, якоже и въ нынѣшній случай усердная твоя писанія и извѣстная о желаемыхъ намъ вещей тщательныя показанія по премногу насъ утѣшаютъ и благодарствовати твою любовь понуждаютъ. Всѣ у насъ о обрѣтеніи вещи, аще благовѣрно обрѣтется и возможно будетъ надежно пріяти, радѣютъ и усердствуютъ. И ты, Господа ради, потрудись во всемъ по староцерковному чину и по опаству правильному. И Бога молимъ, да дастъ намъ полезно и спасительно и безсомнѣнно получити. А паче будетъ какъ въ радость, аще епископа обрѣтеши намъ единовѣрна и къ вѣрѣ нашей преклонна. Такого пріемлютъ съ радостію вси. Азъ же грѣшный должно не увижу радости: теченіе мое скончахъ». *)

Андрей окончилъ. Онъ мысленно, казалось, перенесся туда, къ Выштатину, слѣдилъ за нимъ, за его странствіемъ ради дѣла важности великія.

*) Изъ писемъ къ Выштатину извѣстно только, что Андрей писалъ ему „одобряющее посланіе". Приведенное письмо однако за исключеніемъ послѣднихъ двухъ строкъ,—подлинное посланіе Андрея Леонтію Ѳедосѣеву, хлопотавшему объ епископѣ въ Молдавіи.

— О, Господи... Какъ нашелъ. Жаждетъ Господи земля Твоя.

Михаилъ Ивановичъ Вышатинъ, которому писалось письмо, былъ въ это время въ Палестинѣ: онъ отъѣхалъ на поиски «вещи», какой и Андрей и всѣ усердно радѣли, т.-е. епископа.

Въ миссіи Вышатина была вся надежда и упованіе Андрея. Въ послѣдніе годы Выгъ былъ въ оживленной перепискѣ съ Вѣткой по вопросу о епископѣ. Рѣшено было просить епископа у молдавской церкви.

Очень характерны для оцѣнки взглядовъ тогдашней безпоповщины эти исканія. Они показываютъ насколько мало были *безпоповцами* тогдашніе «поморцы» и ѳедосѣевцы, *какъ сильно было въ нихъ сознаніе необходимости священства и, если возможно, епископства*. Достаточно прочитать условія, на которыхъ они искали у молдаванъ посвященія имъ епископа. Они соглашались (объ этомъ свидѣтельствуетъ подлинное письмо Андрея Денисова) на то, чтобы митрополитъ поставилъ имъ епископа, требуя только, дабы: 1) поставляемый былъ праваго крещенія, 2) чтобы поставленіе было въ старообрядческомъ храмѣ (на Вѣткѣ), 3) чтобы рукополагатель и рукополагаемый были благословящіи и крестящіи двѣма персты, такожe просфоръ седмица, 4) чинъ онаго дѣйства былъ по старымъ книгамъ. Да чтобы въ исповѣди отъ поставленнаго не требовали подчиненія восточнымъ патріархамъ.

Иначе сказать, поморцы соглашались, чтобы еретикъ поставилъ, *оставаясь еретикомъ*, епископа старообрядческаго.

Планы получить епископа въ Молдавіи не удались.

Но какой въ нихъ урокъ безпоповству позднѣйшго времени: оно, очевидно, потеряло выговскую жажду свв. таинъ церковныхъ — голодъ церковной полноты, — если рѣшилось отвергнуть, какъ ненужное, обращеніе къ старообрядчеству епископа и возстановленіе имъ, уже старообрядцемъ, правой іерархіи. Можно представить, съ какой готовностью принялъ бы Андрей Денисовъ съ братіею епископа не такого, какого поставитъ *чужой* митрополитъ, а покаявшагося архіерея Божія?

Планъ вѣтковцевъ, сказали мы, не удался: это не остановило Андрея. И вотъ теперь бродитъ по Палестинѣ Выша-

тинъ, отыскивая архіерея. И близкая къ смерти душа Андрея съ трепетомъ слѣдитъ за нимъ.

— Найдетъ ли... Господи.

***

Выгъ въ тревогѣ.

«Старецъ къ себѣ зоветъ... Отходитъ, слышь»...—пронеслась пугающая вѣсть.

И точно застылъ Выгъ въ ожиданіи страшнаго.

Да, Андрей близился къ отходу. Онъ уже не говорилъ. Но глаза его жили. Духъ еще былъ живъ. Даже рука, которая не служила послѣдніе дни, ожила, точно повинуясь мощному послѣднему приказу. Темной чередой потянулись въ келлію Андрея старцы во главѣ съ самимъ дряхлымъ Даниилой Викулычемъ.

— Братъ, или покинуть насъ хочешь,—кинулся къ Андрею Семенъ.

Тотъ остановилъ его по прежнему властнымъ жестомъ и что-то сталъ быстро писать...

Всѣ ждали...

— Кончилъ,—протягиваетъ Семену.

Тотъ не понимая, что дѣлать, смущенно держитъ бумагу. Наконецъ, понялъ, прочелъ первыя слова и остановился.

— Да... Да,—закивалъ головой умирающій, давая знать, что нужно читать.

«Братія... Блюдите вѣру... Завѣты обители, блюдите.... Да никто не уйдетъ отъ васъ гладенъ и нищъ. Для всѣхъ да будутъ отверсты входы. И на сторонѣ не оставьте гладныхъ въ ихъ гладѣ, на то и изобиліе послалъ Богъ.

«И еще молю: не устроена церковь наша, и красоты церковной не полна. И о семъ скорблю. И кости мои покоя не найдутъ въ гробѣ, покамѣстъ не увидятъ очи души моей святителя на престолѣ дѣйствующа Господню вечерю. Не оставляйте Михайла Иваныча письмами и помогой въ святомъ дѣлѣ. Не найдетъ—обойдите всю землю: моря и горы и да будетъ невѣста Христова украшенной въ красоту первую.

Сіе будетъ... Чуетъ душа: не покинетъ Церковь свою Господь... Аминь»...

Андрей приподнялся на постели. Онъ хочетъ что-то сказать.

— Слышите...

Какъ будто это слово сказали нѣмыя уста.

— Слышимъ. Будетъ. Исполнимъ...—сквозь рыданія послышалось со всѣхъ сторонъ.

Андрей просвѣтлѣлъ. Снова привсталъ. Смотритъ куда-то вдаль, что-то видитъ страшное и тайное.

Да, видитъ. Вотъ опять «его» видѣніе. Темныя, темныя двери... Закрыты... Запечатаны...

— Доколѣ, Господи?

Но, что это?.. Упали печати... Яркій лучъ свѣта ворвался, позолотилъ пыль... Свѣтлые лики святыхъ въ нимбѣ изъ лучей солнечныхъ смотрятъ впереди съ иконостаса... Да это—храмъ... И народъ, много народа... Вотъ святитель въ саккосѣ. Первостоятель... Съ клиросовъ несется старое пѣніе.

Съ ужасомъ смотритъ на Андрея соборъ. На его полныя сладкимъ ужасомъ и восторгомъ глаза. Кончилось, снова безсильно опустился на ложе архиктиторъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. И опять рука скользитъ по бумагѣ.

«Памятуйте слово мое... Дастъ Господь вождя народу своему. Вижду его по волѣ Господней... Буди сіе... Буди... Ждите... Врата адовы не одолѣютъ... Нынѣ отпущаеши раба Твоего»...

Рука перестала повиноваться.

«Отхожу... Молитесь»...

Эти слова уже трудно было разобрать. Когда Семенъ взялъ рукопись, Андрей лежалъ обратившись къ иконамъ.

Послѣднее крестное знаменіе. И... великаго киновіарха Выговской пустыни не стало.

Тако скончася отъ мірозданія 7238 лѣта, марта въ первый день, въ третію недѣлю святого поста, въ третій часъ дня. Всѣхъ лѣтъ житія его 56.

А въ тѣ же самые дни, какъ на сумрачномъ сѣверѣ закатывалось «солнышко Выга», далеко на югѣ, всего въ какихъ-

нибудь десяти саженяхъ отъ того мѣста, гдѣ серебряная звѣзда на мраморномъ помостѣ, освѣщенная лампадами, указываетъ мѣсто *Рожденія Солнца Вѣчнаго, сіяющаго съ высоты Востока*, въ благодатномъ Виѳлеемѣ тихо отходилъ отъ жизни другой старецъ.

Инокъ Іоанникій, въ мірѣ Іоаннъ, спутникъ Михайлы Вышатина, нашъ Ивашка Дмитріевъ. Судьба занесла его и сюда и сѣверянину, выросшему среди сосенъ и моха, пришлось сложить свои кости среди маслинъ, гранатъ и виноградниковъ. Спустился вечеръ... На плоской крышѣ небогатой страннопріимницы ждалъ своего заката искатель «красоты и полноты церковной».

Тихо кругомъ. Воздухъ прозраченъ и чистъ. И далеко, далеко видно вдаль. Вотъ небольшое зданіе съ куполомъ, это—могила Рахили, жены Іакова.

Вонъ развалины Рамы, о которой писалъ пророкъ: «Гласъ въ Рамѣ слышенъ бысть, плачъ и вопль многъ. Рахиль плачущися чадъ своихъ». Тамъ дальше, въ долинахъ бродилъ со стадами своими царь Давыдъ, а на поляхъ собирала колосья Руѳь. А ближе, совсѣмъ близко, храмъ надъ вертепомъ. Тамъ родился Тотъ, Кто утѣшилъ плачущую Рахиль—Церковь ветхозавѣтную, ставши Архіереемъ обновленной Церкви. Утѣшитъ ли Онъ скорбящую Рахиль старообрядческой Церкви? Дастъ ли архіерея?

Объ этомъ «своими словами», конечно, думалъ угасающій старикъ.

— Ну, какъ отче,—обратился къ нему только что вошедшій Михайла Вышатинъ.

— Что? Гасну. Догорѣлъ. Слава Богу всяческихъ ради... А у тебя ничего нѣтъ?..

— Нѣтъ. Есть одинъ святитель. Но сумнителенъ. Къ намъ не идетъ, а поставить готовъ хоть сейчасъ...

— Это бы не ладно. Лучше подождемъ.

— Не нашъ этотъ. Вѣрится мнѣ, что когда найдемъ своего, его намъ какъ волхвамъ Господь звѣздою укажетъ... Не намъ, такъ внукамъ нашимъ.

— Вѣрно еще не у пріиде часъ...

Остатки Данилова монастыря.
(Изъ книги Пришвина: „Въ краю непуганныхъ птицъ").

**
*

Сразу, безъ сумерекъ, спустилось солце. Яркая звѣздочка поднялась надъ вертепомъ.

— Вотъ она *звѣздочка-то*,—указалъ Іоанникій.

Тамъ родился Тотъ, Кто рекъ: «Созижду Церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ей». Его ждали пять тысящъ лѣтъ... И пришелъ и тенеты адовы расторгъ. Нынѣ Онъ отнялъ у насъ часть славы своея за грѣхи наши. Его воля: придетъ время и снова одѣнется Церковь въ пестрыя ризы... Звѣздочка не угасла. Она укажетъ... Не зашло Солнце вѣчное...

Къ полуночи, когда закатилась за горизонтомъ звѣздочка, угасъ и старецъ...

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть первая: **Въ Соловкахъ.**

Часть вторая: **На Москвѣ.**

Часть третья: **На Выгѣ.**

Эпилогъ.

Цѣна 75 коп.

Того же автора.

1. **О вѣрѣ и невѣріи.** Выпускъ 2-й Ц. 25 к.
2. **Къ старообрядческой молодежи.** (О вѣрѣ и ея тайнахъ три бесѣды). Ц. 15 к.
3. **Апологія старообрядчества.** Ц. 40 к.
4. **Бесѣды противъ сектантовъ.** Ц. 10 к.
5. **Боярыня Морозова.** (Историческая повѣсть). Ц. 25 к.
6. **Методика Закона Божія.**
7. **Горящій огнемъ.** (Повѣсть о протопопѣ Аввакумѣ) Ц. 25 к.
8. **Какъ спастись въ міру.** Ц. 20 к.
9. **Прошлое старообрядчества и современныя его задачи.** Ц. 15 к.
10. **Публичное собесѣдованіе съ миссіонерамъ** К. Крючковымъ въ Кіевѣ. (Стенографическое воспроизведеніе). Ц. 15 к.

Тип. П. П. Рябушинскаго. Москва.

2007098092

Соборъ въ Соловецкомъ монастырѣ.

Самосожженіе.